

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.09.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Тенденции электорального поведения российской молодежи: эмпирический анализ и прогнозы. Кветной В.В.	4
Устойчивость внутренней политики в регионе Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности. Хубаев Г.С., Громина З.В.	12
Институт обратной связи в системе взаимодействия политических партий и населения. Шевляков Д.С., Гончаров Л.А.	16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Креативный вызов: как государство поддерживает искусство и культуру под давлением санкций. Ковалева С.С.	21
---	----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Роль регионов в современной системе международных отношений и проблема обеспечения безопасности в АТР после окончания холодной войны. Саидов М.А.	27
Корреляция «Франсафрики» и неокOLONиальной политики Франции в Мали, Чаде, ЦАР и Судане. Соколовский С.В., Михайлова Н.В.	31
Экологическая политика Перу: инструменты и пути достижения целей Повестки-2030. Щербачевич Е.С.	39

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Роль и значение этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений. Азаров М.С.	43
Трансформация института прямого политического обращения в условиях цифровизации публичной сферы. Акопян Д.В.	52
Поляризация партийной системы США как ключевой фактор эрозии институтов представительной демократии. Зархи М.А.	57

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Некоторые вехи исторического развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания от «Русской правды» до «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.». Андреев С.П.	62
Соотношение системы права и системы законодательства: основания деления, общие и особенные черты. Жохова Н.А.	67
Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации: конституционно-правовые основы, практика и вызовы защиты избирательных прав. Сапрыгин К.В.	71

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Перспективы унификации правового регулирования деятельности юридических лиц в России и Ираке: проблемы и возможности. Алабиде Нахла Фила Хусан	76
Цифровая трансформация правовой сферы защиты интеллектуальных прав. Аламова С.М.	83
Нотариус как учредитель доверительного управления: противоречия в правовом статусе и механизме реализации полномочий. Бровинский М.М.	89
Алгоритмические рекомендации в медиации коммерческих споров. Волхова А.А.	93
Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение. Савельева Т.А.	97
Электронно-цифровое посредничество как правоотношение с использованием технологий искусственных нейронных сетей. Черфас Р.А.	103

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Использование государственных программных средств сбора, обработки и накопления информации в ходе осуществления процессуального руководства и контроля. Елётнов В.И.	111
---	-----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Доказательная база применения механизмов принуждения к соблюдению принципа господства права в практике ЕС (на примере Венгрии). Биткина Е.С.	118
Трансграничный оборот ценных бумаг как институт международного экономического права. Гришин Л.П.	125
Гарантии разрешения международных инвестиционных споров во вьетнамских международных инвестиционных договорах. Дао Ле Минь Чанг.	129

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы применения уголовного права в сфере энергетики. Ключев В.В., Харченко Д.В.	135
Гарантии соблюдения права на защиту при дистанционном участии в судебном разбирательстве по уголовным делам. Кудрина Е.А.	141

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

- Trends in the Electoral Behavior of Russian Youth: Empirical Analysis and Forecasts. V.V. Kvetnoy 4
- The Sustainability of Domestic Politics in a Region of the Russian Federation as a Factor in Ensuring National Security. G.S. Khubaev, Z.V. Gromina 12
- The Institute of Feedback in the System of Interaction between Political Parties and the Population. D.S. Shevlyakov, L.A. Goncharov 16

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

- The Creative Challenge: How the State Supports Arts and Culture Under Sanctions. S.S. Kovaleva 21

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

- The Role of Regions in the Modern System of International Relations and the Problem of Ensuring Security in the Asia-Pacific Region after the End of the Cold War. M.A. Saidov 27
- The Correlation of Françafrique and France's Neocolonial Policy in Mali, Chad, the Central African Republic, and Sudan. Sokolovsky S.V., Mikhailova N.V. 31
- Peru's Environmental Policy: Tools and Pathways to Achieving the Goals of the 2030 Agenda. Shcherbachovich E.S. 39

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

- The Role and Significance of Ethical Knowledge in the Context of Forming a Unified Civic Identity among University Students. Azarov M.S. 43
- Transformation of the Institution of Direct Political Appeal in the Context of the Digitalization of the Public Sphere. Akopyan D.V. 52
- Polarization of the US Party System as a Key Factor in the Erosion of Representative Democratic Institutions. Zarkhi M.A. 57

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL ACTIVITIES

- Some Milestones in the Historical Development of the Institution of Exemption from Criminal Liability and Punishment from the "Russkaya Pravda" to the "Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845." S.P. Andreev. 62

- The Relationship between the Legal System and the Legislative System: Grounds for Dividing Them, Common and Specific Features. N.A. Zhokhova. 67
- Remote Electronic Voting in the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations, Practice, and Challenges in Protecting Electoral Rights. K.V. Saprygin. 71

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Prospects for Unifying Legal Regulation of Legal Entities in Russia and Iraq: Challenges and Opportunities. Alabide Nakhla Fila Khusan 76
- Digital Transformation of the Legal Sphere of Intellectual Property Protection. Alamova S.M. 83
- Notary as a Trustor: Contradictions in Legal Status and the Mechanism for Exercising Powers. Brovinsky M.M. 89
- Algorithmic Recommendations in Commercial Dispute Mediation. Volkova A.A. 93
- Credit Line Agreement: Possible Legal Models, the Impact of Qualification on the Interests of the Borrower and the Parties Providing Security. Savelyeva T.A. 97
- Electronic Digital Mediation as a Legal Relationship Using Artificial Neural Network Technologies. Cherfas R.A. 103

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Use of Government Software for Collecting, Processing, and Accumulating Information in the Course of Procedural Management and Control. Yeletnov V.I. 111

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- The Evidence Base for the Application of Rule of Law Enforcement Mechanisms in EU Practice (using Hungary as an Example). E.S. Bitkina 118
- Cross-Border Securities Circulation as an Institution of International Economic Law. L.P. Grishin 125
- Guarantees for the Resolution of International Investment Disputes in Vietnamese International Investment Treaties. Dao Le Minh Trang 129

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- Problems of Applying Criminal Law in the Energy Sector. V.V. Klyuev, D.V. Kharchenko 135
- Guarantees for the Observance of the Right to Defense in Remote Participation in Criminal Court Proceedings. E.A. Kudrina 141

Тенденции электорального поведения российской молодежи: эмпирический анализ и прогнозы

Кветной Владимир Владимирович

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов РЭУ им. Г. В. Плеханова

Цель исследования заключается в выявлении тенденций электорального поведения российской молодежи в условиях трансформации информационной среды и активного использования цифровых технологий манипулятивного характера, включая дипфейки. Особое внимание уделяется влиянию аудиовизуального контента на восприятие политической информации и формирование гражданской идентичности.

Российская молодежь демонстрирует двойственность электорального поведения: с одной стороны, она уязвима к цифровым манипуляциям, с другой — проявляет критическую устойчивость и опору на ценности свободы и прав человека. Для минимизации негативного влияния дипфейков и укрепления гражданской идентичности необходим комплексный подход, включающий правовые, технические и образовательные меры. Это позволит повысить доверие к институтам и обеспечить легитимность демократических процессов.

Ключевые слова: молодежь, электоральное поведение, цифровые технологии, дипфейки, гражданская идентичность, политическая культура, медиаграмотность

Введение В последние годы заметно возрос интерес к исследованию молодежи в возрасте 18–35 лет как группы с высоким политическим потенциалом. Несмотря на значимость, молодые избиратели нередко остаются на периферии электорального процесса, что стимулирует поиск новых методологических рамок анализа. Современные исследования указывают на многомерность факторов, влияющих на электоральное поведение молодежи, включая политическую культуру, институциональное восприятие, поколенческие различия, субкультурную идентичность, территориальные особенности и индивидуальные мотивации. Ряд авторов (Р.В. Пырма, Д.А. Ежов) выделяют три ключевых измерения: политическую культуру, мотивацию и институциональное восприятие [10; 3]. Взаимосвязь этих элементов проявляется в том, что политическая культура формирует восприятие выборов, мотивация задает их практическое направление, а доверие к институтам определяет уровень вовлеченности. Л.Е. Тихонова и К.Г. Устинкина рассматривают политическую культуру как динамичное пространство, где в ходе общественных переговоров вырабатываются политические ценности и символы [13]. В свою очередь, О.Ю. Шмелева подчеркивает роль государства как структурирующего актора, от доверия к которому зависит электоральная активность молодежи [16].

Эти подходы указывают на значимость макросистемных факторов, однако чрезмерное внимание к ним способно нивелировать локальные и индивидуальные особенности участия. В этом контексте важное место занимает структурно-функциональный анализ, акцентирующий внимание на молодежи как субъекте институциональных изменений. В.В. Петухова подчеркивает роль поколенческих диспозиций, формирующих политическое поведение и социальные трансформации [8]. Д.В. Руденкин выделяет протестный потенциал молодежи, проявляющийся в демонстрациях, онлайн-протестах и мобилизации через цифровые сети, способных влиять и на электоральное поле [11].

Субкультурное измерение вводит Е.Л. Омельченко, обращая внимание на то, что культурные практики, музыка, городское искусство и цифровые формы коммуникации создают альтернативные формы политической идентичности [7]. Молодежное электоральное поведение, таким образом, формируется на пересечении институциональных расчетов и культурных кодов. Однако при доминировании институциональной логики структурно-функциональный подход рискует недооценить креативность молодежных практик [9].

Топологический подход (А.С. Мадатов, Н.А. Трегубов) акцентирует пространственное измерение электорального поведения [5; 14]. Территориальная

неоднородность России порождает различные модели: электоральные практики мегаполисов отличаются от сельских и периферийных регионов. Эти различия обусловлены социально-экономическим неравенством, доступом к информации и особенностями восприятия институтов. Достоинство подхода заключается в напоминании, что электоральное поведение – это не однородное явление, но его ограничение в чрезмерной переоценке географического фактора в ущерб мотивационным и институциональным детерминантам.

Наконец, бихевиористский подход фокусируется на микродинамике политического участия. Работы Ю.Н. Рябухиной, Е.В. Ефановой и А.Е. Самолазовой [12; 4] исследуют индивидуальные мотивы, мобилизационные сети и влияние информации. В центре анализа оказываются вопросы: почему молодой человек подписывает петицию, участвует в акции или воздерживается от голосования? Такой подход позволяет выявить разнообразие индивидуальных траекторий, но его слабость в недооценке институциональных рамок, определяющих условия вовлеченности.

Каждый из рассмотренных подходов вносит вклад в понимание электорального поведения молодежи. Системный подход рискует чрезмерно обобщать, структурно-функциональный – сводить анализ к абстрактным функциям, топологический – переоценивать пространственный фактор, а бихевиористский – игнорировать институциональные структуры [1]. В этих условиях необходим интегративный подход, объединяющий макро-, мезо- и микроуровни анализа.

На макроуровне он учитывает глобальные и национальные тенденции, на мезоуровне – институциональные и региональные особенности, на микроуровне – индивидуальные мотивации и цифровые практики. В условиях цифровизации политической жизни, распространения онлайн-активизма и электронного голосования такой подход обеспечивает целостное объяснение молодежного участия. Его преимущество заключается в способности сочетать политическую культуру, институциональное доверие, территориальную специфику и личностные мотивы, охватывая сложность молодежных электоральных практик и предсказывая направления их трансформации.

Методы

Для изучения влияния современных электоральных технологий на формирование гражданской идентичности и на электоральные практики российской молодежи мы мобилизовали смешанный подход, сочетающий качественный и количественный инструменты.

Исследование проводилось среди выборки из 100 студентов в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации. Выбор этой возрастной группы соответствует периоду вхождения в активную политическую гражданскую позицию (первые голоса, гражданская социализация). Выборка, построенная по квотному

методу, отражает разнообразие специальностей и регионов происхождения студентов.

В исследовании использовались следующие методы сбора данных:

- **Анкетный опрос** - структурированный инструмент был разработан для измерения представлений о гражданской идентичности, восприятии национальной принадлежности, приоритетных ценностях и отношении к избирательным институтам. Закрытые вопросы позволяли проводить статистическое сравнение, в то время как полуоткрытые вопросы раскрывали нюансы восприятия.

- Эксперименты с медиа - респондентам показывали аудиовизуальные последовательности, *включающие дипфейки* и «информационные биты», чтобы проанализировать прием, степень доверия и возможные изменения в политических взглядах.

- **Документальный и сравнительный анализ** - изучение академических, нормативных и медийных источников, касающихся современных избирательных кампаний в России и за рубежом.

Данные обрабатывались с использованием описательных статистических методов (процентное распределение, перекрестный анализ по социально-демографическим переменным) и контент-анализа открытых ответов. Аудиовизуальный эксперимент оценивался в соответствии с сеткой кодирования, измеряющей три измерения: воспринимаемая достоверность, эмоциональный заряд и потенциальное влияние на политические предпочтения.

Чтобы гарантировать внутреннюю валидность, анкета была предварительно протестирована с участием 15 студентов, что позволило адаптировать формулировки пунктов. Триангуляция методов (количественный, качественный и экспериментальный) обеспечивает надежность интерпретации и ограничивает предвзятость, связанную только с самоотчетами.

Участники были проинформированы о научном характере исследования, анонимности ответов и возможности отказа от участия в любое время. Аудиовизуальные эксперименты строго регламентированы, чтобы избежать длительного воздействия манипулятивного контента.

Результаты

На рубеже XX и XXI веков в России сложилась современная электоральная культура, отличающаяся противоречивой динамикой. С одной стороны, становление партийного плюрализма, расширение конкуренции и институционализация всеобщего избирательного права свидетельствовали о процессе формальной демократизации. С другой — культура оставалась уязвимой из-за манипулятивных практик СМИ, конфликтов элит и сомнительных стратегий коммуникации, включая «красную маркетинговую ловушку», основанную на поляризующей риторике. Несмотря на это, акт голосования закрепился как социальная практика, обеспечивающая политическую легитимность [17].

Однако детальный анализ выявляет «серые зоны». Массовое воздержание, клиентелизм (напри-

мер, подкуп голосов), этатизм и низкая явка отражают структурную хрупкость электоральной культуры. Историческое наследие политических репрессий (1905, 1912, 1918, 1962 гг.) усилило недоверие к власти и чувство бессилия, что дополнительно усугубляется анонимным распространением дезинформации и снижением ответственности политических акторов.

Особенно уязвимой в этом контексте представляется молодежь. Недостаток системного гражданского образования в сочетании с доминированием социальных сетей и слабым когнитивным сопротивлением цифровым манипуляциям способствует восприятию упрощённых стереотипов и искажённых нарративов. В логике теории Э. Дюркгейма это можно описать как аномию — состояние нормативного вакуума и утраты коллективных ориентиров. Усиление влияния западных культурных моделей, вступающих в диссонанс с национальными традициями, формирует напряжённость идентичности и снижает электоральную сплочённость молодёжи, препятствуя формированию стабильной политической идентичности.

Современные вызовы требуют целостной молодежной политики, способной интегрировать цифровые технологии в процессы гражданской социализации. Однако, как отмечает И.А. Воронин, текущая политика носит фрагментарный характер и во многом неэффективна из-за давления массовой культуры и потребительской пропаганды [2]. Отсутствие устойчивых механизмов политической инкультурации повышает уязвимость молодёжи к внешнему влиянию — медийному, идеологическому и технологическому.

Ускоренное развитие искусственного интеллекта расширяет инструментарий манипуляции. Технология дипфейков, основанная на алгоритмах нейросетей, позволяет создавать реалистичные цифровые образы, что радикально меняет формы политической коммуникации. Президентская кампания Юн Сок Ёля в Южной Корее (2022 г.) показала эффективность таких инструментов в построении эмоционально вовлекающей медийной среды [18]. В сочетании с техникой «информационных битов» — кратких повествовательных последовательностей, организованных по принципу вопрос-ответ, — дипфейки становятся особенно результативными в привлечении внимания, провоцировании эмоциональных реакций и влиянии на электоральные предпочтения.

Анализ распространённого на YouTube аудиовизуального контента в преддверии президентских выборов в России (2024 г.) выявил повторяющиеся нарративные схемы: упрощение сообщений, инсценировка противостояния «народ против элит», акцент на коррупции и предательстве, использование негативных биографий и доступного языка. Эта драматургия строится на культивации обиды, формировании диффузной враждебности к институтам и трансформации восприятия гражданской идентичности молодых избирателей.

В конечном счете альянс *между дипфейками* и информационными битами с заданным нарративом

является мощным инструментом политического убеждения, способным перенаправить электоральное поведение молодого поколения. Это явление имеет серьезные последствия: речь идет не только о манипулировании общественным мнением на ситуативной основе, но и о том, чтобы со временем перестроить модели политической социализации и коллективные представления о демократической легитимности [6].

Столкнувшись с этим вызовом, Россия столкнулась с необходимостью разработки комплексной стратегии. Это должно отражать несколько аспектов: укрепление нормативной базы, регулирующей избирательные процессы; регулирование, адаптированное к специфике обрабатываемого цифрового контента; и, прежде всего, активная политика позитивной и цифровой социализации молодёжи, интеграция навыков медиа и критической грамотности в качестве центрального элемента учебной программы. Именно за эту цену участие в выборах может стать вектором консолидации гражданской идентичности, а не полем отчуждения и недоверия.

В современном информационном пространстве молодое поколение демонстрирует высокую восприимчивость к аудиовизуальному контенту, распространяемому через цифровые платформы и социальные сети. В этих условиях использование информационных битов и технологий дипфейк в сочетании с тщательно выстроенными драматургическими нарративами становится особенно действенным инструментом политической пропаганды и манипуляции. Подобные материалы представляют собой краткие, но содержательные фрагменты видеоконтента, каждый элемент которого — кадр, сцена или эпизод — подчинён единой драматургической задаче и способствует формированию определённого политического нарратива. В результате они воздействуют не только на когнитивное восприятие аудитории, но и напрямую апеллируют к её эмоциям, вызывая необходимый отклик и усиливая эффект политической коммуникации.

Но этот потенциал сопряжен с серьезной угрозой: вставленные в фрагментарные нарративы и генерируемые последовательностями-подсказками, дипфейки кажутся зрителям подлинными событиями или заслуживающими доверия утверждениями. Эта правдоподобность, усиливая иллюзию правдивости, не только вводит общественность в заблуждение, но и направляет восприятие и поведение избирателей в заранее определенном направлении, подрывая прозрачность и легитимность демократических процессов.

Для того, чтобы лучше понять влияние этих схем на молодежную аудиторию, был проведен опрос среди 100 студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Цель состояла в том, чтобы оценить их реакцию на видеоролики, содержащие элементы манипуляции, а также степень доверия к этому типу контента.

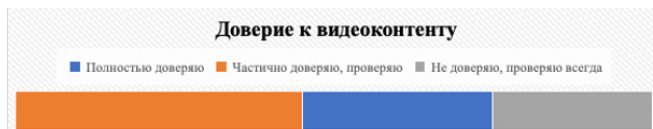

Рисунок 1 - Доверие к видеоконтенту в социальных сетях среди студентов, %

Результаты показывают, что 45% респондентов заявляют, что частично доверяют видео, при этом систематически стремятся проверить их подлинность. С другой стороны, 25% считают, что аудиовизуальным СМИ никогда не следует доверять без предварительного контроля. Эти данные показывают, что большинство молодых людей воспринимают видео как достоверный источник информации, что повышает их уязвимость к манипуляциям с помощью дипфейков.

Рисунок 2 - Реакция студентов на дипфейки с политическим контекстом, %

Половина респондентов заявили, что не признают дипфейки на политическую тематику правдоподобным контентом.

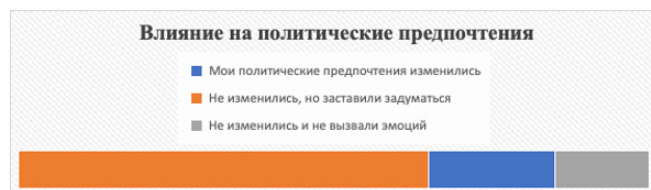

Рисунок 3 - Влияние манипулятивных видеороликов на политические предпочтения студентов, %

Качественный анализ собранных данных подчеркивает важную динамику: вымышленные нарративы, часто подкрепленные интеграцией изображений, созданных технологиями дипфейков, красноречиво подчеркивают необходимость специального обучения проверке информации и развития реальной медиаграмотности. Действительно, приобретение таких когнитивных и критических навыков является неременным условием для того, чтобы позволить молодому поколению с большей строгостью и ясностью отличать фальсифицированный материал от правдивой информации. Без этого систематического обучения молодые люди остаются особенно уязвимыми для убедительной приманки вводящего в заблуждение аудиовизуального контента, который мобилизует эмоции, скорость распространения и иллюзию правдоподобия.

Использование дипфейков, особенно когда они легко интегрируются с существующими базами данных и вставляются в традиционные медиа-ленты, поднимает сложный набор этических и юридических вопросов. В качестве первого шага следует признать, что эти технологии могут быть использованы

в творческих или даже образовательных целях, и что они могут помочь усилить воздействие или запомнить политические послания. В этом смысле они являются мощными инструментами политической коммуникации и социальной инженерии, способными расширить рамки дискурса или кампании. Однако темная сторона этого потенциала гораздо более тревожна: их способность генерировать визуально реалистичный, но глубоко вводящий в заблуждение контент напрямую угрожает честности и прозрачности избирательного процесса. В этом и заключается центральное противоречие: то, что могло бы быть использовано в качестве инструмента для демократических инноваций, становится вектором манипуляций и политической дестабилизации.

Здесь решающее значение имеет этический аспект. Действительно, когда манипуляция явно включает в себя искажение слов, образа или идентичности политического лидера или партийной организации, серьезно подрывается само доверие к демократическим институтам. Такие практики не ограничиваются индивидуальным или косвенным нападением: они способствуют системному размыванию норм электоральной конкуренции, изменению основ равных возможностей и уважения демократических принципов. Таким образом, дипфейки не только угрожают имиджу изолированного политического деятеля, но и подрывают сами условия для информированного общественного обсуждения.

Таким образом, производство и распространение фальсифицированных видеороликов, часто содержащих политически некорректную, клеветническую или явно вводящую в заблуждение информацию, представляет собой двойной риск. С одной стороны, они рискуют подрывать общественное доверие к политическим деятелям, подпитывая широко распространенное представление о коррупции, непрозрачности или двуличии. С другой стороны, они ослабляют доверие к самим СМИ, которые воспринимаются как потенциальные ретрансляторы или усилители этого манипулируемого контента. Это двойное воздействие одновременно делегитимизирует политическое поле и медиапространство, создавая вакуум доверия, которым могут воспользоваться популистские или экстремистские силы.

В условиях растущей поляризации каждый новый ролик такого типа, нацеленный на конкретного кандидата или политическую партию, является не просто медийным инцидентом: он может спровоцировать массовую коллективную реакцию, вызвать волну недоверия и возмущения, а также усилить циркуляцию дезинформации внутри электората. Совокупный эффект этих производств усиливает социальные расколы, усиливает недоверие к представительной системе и снижает способность граждан, особенно молодежи, к самостоятельному и рациональному суждению в публичном пространстве.

Короче говоря, альянс между вымышленными нарративами и дипфейками представляет собой структурную проблему, которая является одновременно когнитивной, этической и институциональной. В нем убедительно показано, что информационная

грамотность и критическое воспитание подрастающего поколения должны рассматриваться не как периферийные устройства, а как фундаментальные столпы для поддержания демократической легитимности и политической стабильности в насыщенной и высоко манипулируемой цифровой среде.

С юридической точки зрения нынешние механизмы представляются в значительной степени недостаточными для регулирования использования дипфейков. Во многих странах, в том числе и в России, законодательство о производстве и распространении информации в политическом контексте пока не содержит конкретных положений, связанных с этими технологиями. Отсюда вытекает актуальность создания новой нормативной базы для борьбы с манипуляциями на выборах на основе искусственно созданного контента, а также для обеспечения механизмов ответственности виновных в таких процессах.

Таким образом, использование дипфейков, в том числе на этапах, предшествующих массовому распространению, представляет прямую угрозу политической стабильности и демократическому здоровью. Во-первых, он превращает вводящий в заблуждение, эмоционально впечатляющий и визуально правдоподобный контент в инструменты дезинформации. Во-вторых, это подрывает роль традиционных СМИ как надежных источников информации. В этих условиях дипфейки становятся неотъемлемой частью пропагандистских и манипулятивных кампаний, особенно в связи с тем, что из-за продолжающегося изобилия контента в социальных сетях становится все труднее отличить правду от фальсификации [15].

Чтобы уменьшить последствия таких манипуляций, цифровые платформы уже имеют технические решения для быстрого реагирования и ограничения распространения искусственно измененного контента [19]. Необходимо разработать и интегрировать системы визуальной и слуховой верификации. При этом приоритетное внимание следует уделять реализации образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности молодежи, в частности в части критического использования социальных сетей и онлайн-видео. Эти программы должны выходить за рамки простого выявления дипфейков: они должны обучать критическому чтению информации, распознаванию обманчивых методов убеждения и важности независимой проверки источников.

Образование также должно конкретным образом показать, как манипулирование средствами массовой информации может формировать общественное мнение, тем самым укрепляя информационный иммунитет молодых людей. Без такого предотвращения доверия к политическим институтам может быть ослаблено, общественное мнение искусственно переориентировано, а политическая стабильность находится под угрозой.

Поэтому эффективное решение этой проблемы требует комплексного подхода, объединяющего **правовые, технические и педагогические** меры. Именно такой ценой можно сохранить прозрачность

избирательного процесса и укрепить доверие общества к демократическим институтам.

В дополнение к этому анализу был проведен дополнительный опрос под названием «*Гражданская идентичность молодежи*» с использованием той же выборки.

Рисунок 4 – Как Вы воспринимаете свою принадлежность к гражданам Российской Федерации? %

Большинство студентов осознают свою принадлежность к российскому гражданскому сообществу, но придают этому чувству ограниченно значение.

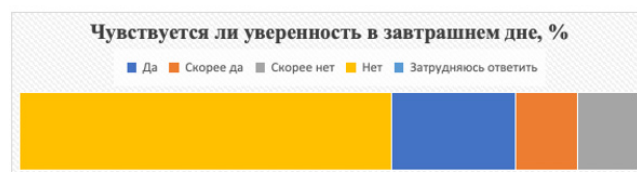

Рисунок 5 – Чувствуется ли уверенность в завтрашнем дне, %

Отвечая на вопрос об уверенности в завтрашнем дне, 60% респондентов выразили негативное видение, отражающее отсутствие коллективного оптимизма.

Рисунок 6 – Факторы, оказывающие влияние на формирование гражданской идентичности молодежи

Результаты показывают, что СМИ и социальные сети являются основным фактором (35% ответов) в структурировании идентичности.

Наиболее часто опрошенные молодые люди упоминают о свободе, особенно с точки зрения основных прав человека.

Патриотизм в целом воспринимается как «средний» уровень, без явного избытка или дефицита.

Предложения, внесенные студентами, подчеркивают, в основном, усиление государственной пропаганды и акцентирование внимания на патриотическом воспитании как основных инструментах укрепления гражданской идентичности.

Рисунок 7 – Ценности, оказывающие влияние на формирование гражданской идентичности молодежи

Рисунок 8 – Оценка уровня патриотизма российской молодежи

Рисунок 9 – Какие меры, по Вашему мнению, могут способствовать укреплению гражданской идентичности молодежи?

Обсуждение

Эмпирические результаты, полученные в ходе опроса российских студентов в возрасте от 18 до 25 лет, дают несколько элементов анализа роли коммуникационных технологий и дипфейков в структурировании электоральных настроений молодых людей. Эта дискуссия построена вокруг трех основных направлений: восприятие цифровой информации и уязвимость к манипуляциям; идентичность и гражданская динамика в электоральном контексте; и, наконец, нормативные и перспективные последствия для электорального поведения молодых людей.

Собранные данные свидетельствуют о серьезном противоречии в отношении молодых людей к цифровому контенту. Значительная часть респондентов (45%) говорят, что доверяют видео, размещенным в социальных сетях, регулярно проверяя их достоверность, в то время как четверть (25%) занимают позицию систематического недоверия. Эта амбивалентность отражает сосуществование двух противоречивых логик: с одной стороны, неявного доверия к аудиовизуальной среде как привилегированному вектору

информации; с другой стороны, растущее осознание рисков, связанных с дезинформацией.

Половина опрошенных студентов не признают *политические дипфейки* достоверной информацией. Это можно интерпретировать как форму критической устойчивости. Тем не менее, эксперименты показали, что повторное воздействие вымышленных нарративов, поддерживаемых иммерсивными технологиями, в среднесрочной перспективе приводит к эрозии способности отличать факты от выдумки. Другими словами, если молодые люди сообщают о бдительности в своей речи, их когнитивное поведение остается уязвимым к кумулятивному эффекту визуальных манипуляций.

Эти результаты подтверждают предположения социологии медиа, согласно которым влияние аудиовизуальных технологий основано не столько на немедленной поддержке, сколько на постепенном накоплении микровлияний. В насыщенном цифровом пространстве нарративы, созданные с использованием информационных битов и технологии *дипфейк* функционируют как «фрагменты доказательств», способные стать частью коллективной памяти и переопределять, иногда неосознанно, политические предпочтения молодых граждан.

Помимо восприятия СМИ, исследование подчеркивает амбивалентные отношения между молодыми людьми и их гражданской идентичностью. Хотя большинство респондентов признают свою принадлежность к гражданскому сообществу Российской Федерации, многие считают это второстепенным в своей системе ценностей. Это наблюдение отражает феномен относительного безразличия к статусу гражданина, который можно сравнить с теориями дюркгеймовской «аномии», где социальная связь ослабляется из-за отсутствия твердых нормативных ориентиров.

Чувство неуверенности в завтрашнем дне, выраженное 60% участников, отражает широко распространенное восприятие политической и социально-экономической неопределенности. Тем не менее, это отсутствие позитивного прогноза ограничивает мобилизацию граждан и подпитывает отношение к избирательным институтам в сторону отстранения. Это также может объяснить средний уровень патриотизма, декларируемого студентами: патриотизма, который присутствует, но умерен, воспринимается скорее как культурное наследие, чем как активная движущая сила политического участия.

Факторы, определенные как влияющие на конструирование гражданской идентичности, в первую очередь медиа и социальные сети (35%), подтверждают структурирующую роль информационной среды. Преобладание ценности свободы и прав человека также иллюстрирует интернализацию глобализированных систем координат, часто в противоречии с традиционными дискурсивными рамками государства. Эта двойственность помогает объяснить трудности, с которыми сталкиваются молодые люди в построении стабильной, последовательной и дальновидной электоральной идентичности.

Интерпретация полученных результатов требует размышлений о том, как технологические трансформации влияют на электоральную культуру и политическое поведение российской молодежи. Стоит выделить три момента:

- С этической и правовой точки зрения отсутствие конкретной нормативной базы в отношении *дипфейков* является тревожным пробелом. В условиях растущей поляризации распространение фальсифицированных видеороликов рискует навсегда подорвать легитимность выборов и доверие к демократическим институтам. Внедрение механизмов регулирования, адаптированных к специфике обрабатываемого цифрового контента, в настоящее время представляется необходимым.

- На образовательном фронте исследование подтверждает острую необходимость инвестирования в программы цифровой и медиаграмотности. Речь идет не только о том, чтобы научиться выявлять *дипфейки*, но и о том, чтобы научить молодых людей критически анализировать политические нарративы, расшифровывать стратегии убеждения и осуществлять независимую верификацию информации. Гражданское образование должно включать в себя активное обучение цифровым технологиям, интегрируя модули по современным методам манипуляции.

- На техническом уровне цифровые и аудиовизуальные платформы обладают инструментами, способными обнаруживать и обезвреживать фальсифицированный контент. Их систематическое внедрение в сочетании с алгоритмическими механизмами прозрачности представляет собой важный рычаг для сокращения распространения дезинформации.

В перспективе можно сформулировать два сценария эволюции электорального поведения молодежи в России. В первом сценарии отсутствие адекватной реакции приводит к росту политического разочарования и постоянному снижению явки избирателей, усугубляемому тиском цифровых манипуляций. Во втором сценарии совместная разработка правовых, образовательных и технических механизмов позволяет укрепить информационный иммунитет подрастающих поколений, повысить их доверие к институтам и, в перспективе, консолидировать их участие в избирательном процессе.

В исследовании подчеркивается двойная динамика: российская молодежь предстает одновременно как уязвимая публика, подверженная цифровым манипуляциям, и как актор с универсальными ценностями и критическими устремлениями. Задача политических и образовательных учреждений состоит в том, чтобы трансформировать эту уязвимость в устойчивость, чтобы участие молодежи в выборах способствовало не ослаблению, а укреплению демократической стабильности и легитимности избирательных процессов.

Литература

1. Арбатская М.Н. Формула «догоняющего» сравнения. Особенности электоральной активности субъектов федерации в США и РФ // Политэкс. - 2011. Т. 7. №3. С. 2337.

2. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. С. 28-47

3. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи.// Азимут научных исследований. 2018. Т.7. №3. С. 356-358.

4. Ефанова Е.В., Самолазова А.Е. Электоральный выбор молодежи: факторы формирования, поведенческие особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 169-177. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-169-177

5. Мадатов А.С. Пространственно-временные измерения демократии.//Общественные науки и современность. 1998., №1., С. 60-70.

6. Митта А.Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковском...//Москва: Издательство АСТ, 2019. С. 35

7. Омельченко Е. Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2019. 2 августа. URL: <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/> (дата обращения: 24.09.2025).

8. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

9. Полубиченко Л.В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность?// Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102-117.

- 10.Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России в 2018 года // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № . 2. - 51 с.

- 11.Руденкин Д.В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: Итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (дата обращения: 24.09.2025).

- 12.Рябухина Ю.Н. Система факторов политического участия молодежи // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3. С. 42-48.

- 13.Тихонова Л.Е. Понятие «электоральная активность» и формы ее позитивного проявления // Приоритетные направления развития образования и науки : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июля 2017 г.). В 2 т. Т. 1 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] - Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. - С. 52-55.

- 14.Трегубов Н.А., Поселяющева И.А. Структура электоральных предпочтений студенческой молодежи: опыт социологического исследования.//Вестник ЮУрГУ Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014., Т. 14., №1., С. 81-87.

- 15.Чахотин, С. С. Психическое насилие над массами [Текст] / С. С. Чахотин. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2016. – С. 42.

16. Шмелева О. Ю., Пандемия COVID-19 и восприятие современного государства российской молодежью (на материале Нижегородской области). // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. С. 149-165.

17. Bhavana, S. The Deepfake Dilemma: A Comprehensive Study on Political Misinformation ("Дилемма использования технологии дипфейк: всестороннее исследование политической дезинформации") / Dr. Bhavana S. – 31 декабря 2023. – С. 4

18. Deepfake democracy: South Korean candidate goes virtual for votes // телеканал France24. 2022 URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220214-deepfake-democracy-south-korean-candidate-goes-virtual-for-votes> (дата обращения 09.09.2025)

19. Muñoz K. The Transformative Role of AI in Reshaping Electoral Politics // DGAP Memo. 2023. N. 4. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/89978/ssoar-2023-munoz-The_Transformative_Role_of_AI.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 09.09.2025)

Trends in Electoral Behavior of Russian Youth: Empirical Analysis and Forecasts **Kvetnoy V.V.**

Plekhanov Russian University of Economics

The aim of this study is to identify trends in the electoral behavior of Russian youth in the context of the transformation of the information environment and the active use of manipulative digital technologies, including deepfakes. Particular attention is paid to the influence of audiovisual content on the perception of political information and the formation of civic identity.

Russian youth demonstrate dualistic voting behavior: on the one hand, they are vulnerable to digital manipulation, while on the other, they demonstrate critical resilience and adherence to the values of freedom and human rights. To minimize the negative impact of deepfakes and strengthen civic identity, a comprehensive approach is needed, including legal, technical, and educational measures. This will increase trust in institutions and ensure the legitimacy of democratic processes.

Keywords: youth, voting behavior, digital technologies, deepfakes, civic identity, political culture, media literacy

References

1. Arbatskaya M.N. Formula of "catch-up" comparison. Features of electoral activity of federal subjects in the USA and the Russian Federation // Politex. - 2011. Vol. 7. No. 3. P. 2337.
2. Voronin I.A., Gavra D.P. Deepfakes: Modern Understanding, Approaches to Definition, Characteristics, Problems and Prospects // Russian School of Public Relations. 2024. No. 33. Pp. 28-47
3. Yezhov D.A. Current Trends and Factors of Electoral Activity of Russian Youth // Azimuth of Scientific Research. 2018. Vol. 7. No. 3. Pp. 356-358.
4. Efanova E.V., Samolazova A.E. Electoral Choice of Young People: Formation Factors, Behavioral Features // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2017. No. 4. Pp. 169-177. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-169-177
5. Madatov A.S. Spatio-temporal dimensions of democracy // Social Sciences and Modernity. 1998., No. 1., Pp. 60-70.
6. Mita A.N. Cinema between hell and heaven: cinema based on Eisenstein, Chekhov, Shakespeare, Kurosawa, Fellini, Hitchcock, Tarkovsky... // Moscow: AST Publishing House, 2019. P. 35
7. Omelchenko E. Protest of millennials, but not only // Polit.ru. 2019. August 2. URL: <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/> (date of access: 24.09.2025).
8. Petukhov V.V. Russian youth and its role in the transformation of society // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2020. No. 3. pp. 119-138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
9. Polubichenko L.V. Topological paradigm of humanitarian knowledge: myth or reality? // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2017. No. 4. pp. 102-117.
10. Pyrma R.V. Electoral Participation of Young People in the 2018 Russian Presidential Elections // Bulletin of the Financial University. Humanities. 2019. No. 2. - 51 p.
11. Rudenkin D.V. The Values Factor in the Development of Protest Moods among Young People: Results of a Pilot Study // The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2019. Vol. 10. No. 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (accessed: 24.09.2025).
12. Ryabukhina Yu.N. The System of Factors of Political Participation of Young People // Man. Community. Management. 2012. No. 3. pp. 42-48.
13. Tikhonova L.E. The concept of "electoral activity" and forms of its positive manifestation // Priority areas of development of education and science: proc. II Int. scientific-practical. conf. (Cheboksary, July 30, 2017). In 2 vols. Vol. 1 / editorial board: O.N. Shirokov [et al.] - Cheboksary: CNS "Interactive plus", 2017. - Pp. 52-55.
14. Tregubov N.A., Poselyayushcheva I.A. Structure of electoral preferences of student youth: experience of sociological research. // Bulletin of SUSU Series "Social and Humanitarian Sciences". 2014., Vol. 14., No. 1., Pp. 81-87.
15. Chakhotin, S.S. Mental violence against the masses [Text] / S.S. Chakhotin. – Yaroslavl: Yaroslavl State University Publishing House, 2016. – P. 42.
16. Shmeleva O. Yu., The COVID-19 Pandemic and the Perception of the Modern State by Russian Youth (Based on the Nizhny Novgorod Region). // Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2021. No. 2. Pp. 149-165.
17. Bhavana, S. The Deepfake Dilemma: A Comprehensive Study on Political Misinformation / Dr. Bhavana S. – December 31, 2023. – P. 4
18. Deepfake Democracy: South Korean Candidate Goes Virtual for Votes // France24 TV Channel. 2022 URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220214-deepfake-democracy-south-korean-candidate-goes-virtual-for-votes> (date of access 09.09.2025)
19. Muñoz K. The Transformative Role of AI in Reshaping Electoral Politics // DGAP Memo. 2023. N. 4. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/89978/ssoar-2023-munoz-The_Transformative_Role_of_AI.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access 09.09.2025)

Устойчивость внутренней политики в регионе Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности

Хубаев Георгий Сергеевич

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов высшей школы социально-гуманитарных наук, РЭУ им. Г.В. Плеханова, hybaev8@yandex.ru

Громина Злата Витальевна

лаборант-исследователь кафедры политического анализа и социально-психологических процессов высшей школы социально-гуманитарных наук, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Gromina.ZV@rea.ru

В статье рассматривается концепция внутренней политики государства через призму определения, предложенного В.А. Пызиным и А.А. Борисенковым, где особое внимание уделяется обеспечению безопасности и политической стабильности как ключевым направлениям государственной политики. Авторы анализируют механизмы поддержания политической стабильности в России, подчеркивая её важность для обеспечения национальной безопасности, экономического развития и социальной гармонии. Отдельное внимание уделяется региональному аспекту управления, где рассматривается практика назначения руководителей с учетом их знания специфики территорий. На примере отдельных субъектов РФ (Республика Коми, Еврейская автономная область, Хабаровский край) демонстрируются методы работы внутриполитического блока страны по обеспечению устойчивости региональной власти и противодействию возможным угрозам. Статья раскрывает роль Администрации Президента РФ в обеспечении политической стабильности и представляет анализ современных тенденций в кадровой политике государства.

Ключевые слова: внутренняя политика, политическая стабильность, национальная безопасность, региональная власть, кадровые решения.

Введение. В контексте темы, которую мы рассматриваем, стоит особенно отметить, обеспечение безопасности и политической стабильности как важнейшие направления внутренней политики государства. Именно с обеспечения политической стабильности, устойчивости вертикали власти сегодня начинается национальная безопасность нашей страны.

Материалы и методы. Внутренняя политика – понятие очень обширное и разные ученые правоведы и политологи имеют разную точку зрения и трактовку. Анализ темы проводится на основе работ преподавателей Президентской Академии – кандидата социологических наук Владимира Александровича Пызина и Алексея Александровича Борисенкова [6, с. 14].

Литературный обзор. Авторы предложили следующее определение: *«Внутренняя политика – это деятельность политического руководства государства по формулированию и реализации стратегии развития всех сфер внутренней жизни страны (национальных целей ее развития), гармоничных интересам общества и соответствующих объективным условиям их реализации. Особенными направлениями внутренней политики являются совершенствование и реформирование политической системы страны, федеративных отношений, обеспечение безопасности и политической стабильности. Внутренняя политика также предполагает курирование процессов завоевания и удержания власти, при этом по отношению к процессу завоевания власти государство выступает организатором и гарантом демократической процедуры ее (власти) формирования»* [7, с. 16].

Результаты. Политическая стабильность играет критическую роль в обеспечении государственной безопасности. Она создаёт условия для устойчивого развития экономики, социальной сферы и культуры, что, в свою очередь, способствует укреплению суверенитета и независимости страны. Основные аспекты важности политической стабильности включают поддержание правопорядка и законности: политическая стабильность обеспечивает соблюдение законов и прав граждан, что является основой для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства, а также стабильное функционирование политических институтов способствует эффективному управлению и реагированию на внутренние и внешние угрозы. Политическая стабильность привлекает инвестиции, способствует развитию предпринимательства и повышению

уровня жизни населения, что укрепляет экономическую безопасность страны. Стабильность помогает предотвратить социальные конфликты и напряженность, что важно для поддержания общественного порядка и безопасности. Укрепление международного положения: политически стабильное государство воспринимается как надёжный партнёр на международной арене, что способствует развитию дипломатических и экономических отношений.

Таким образом, политическая стабильность является необходимым условием для обеспечения комплексной безопасности государства и защиты его национальных интересов [8, с. 78].

Мы все являемся свидетелями так называемых «цветных революций». Мы видели это в Грузии и Украине. Мы видим, что происходит в близкой нам Молдове. Сегодня в нашей стране проводится большая работа по обеспечению политической стабильности и в большей степени эта работа ведется в регионах. Многонациональный народ нашей страны безусловно – это наше главное богатство и ценность, и в то же время — это большие сложности. Разные культурные ценности, традиции, вероисповедание являются критически важными аспектами, на которые нужно обращать внимание при управлении страной и регионом. В Российской Федерации проживает более 190 разных народов и их мнения должны быть услышаны [10, с. 31].

Администрация президента РФ, а именно управление внутренней политики сегодня является важнейшим структурным элементом, обеспечивающим политическую стабильность. Команда Первого заместителя руководителя АП Сергея Владиленовича Кириенко ведет постоянный анализ ситуации в стране и кропотливую работу по нейтрализации опасных ситуаций.

Сегодня задан тренд, на скажем так, «своих» губернаторов. Совсем недавно ВРИО главы Республики Коми был назначен Ростислав Эрнстович Гольдштейн [3]. Он начинал свою карьеру в Республике Коми, жил и работал в Ухте, затем был депутатом местного парламента и избирался в государственную Думу. Человек, явно знающий специфику региона, проблемные места, и местные элиты. То же самое относится и к Марии Федоровне Костюк, не так давно Президент назначил ее ВРИО главы Еврейской автономной области [4]. Она родилась в Биробиджане, и почти всю жизнь работала в регионе на различных должностях. Также, важно отметить, что Костюк работала в команде ее предшественника - Гольдштейна и помимо того, что она прекрасно знает свой родной регион, она в состоянии обеспечить преемственность власти и обеспечить ее устойчивость [13, с. 179].

Обсуждение. С точки зрения противодействия экстремизму считаю важным рассмотреть еще несколько ситуаций, в которых власти провели большую работу по купированию опасных проявлений. Исторически сложный с точки зрения политического управления дальний восток и Хабаровский край [1]. Серия митингов после отставки главы региона Сергея Фургала в 2020 г. стала настоящим испытанием

для внутривластного блока страны. Протестные настроения жителей региона при должной поддержке извне действительно могли пошатнуть устойчивость политической системы [2]. При этом, был назначен яркий и неординарный ВРИО Михаил Дегтярев. Представитель партии ЛДПР, что добавляло ему политических очков и подтверждало ставку на демократичность принятия решений. Дегтярев пришел абсолютно новым человеком, не знающим регион и не имеющий никаких связей и конфликтов с местными элитами [9, с. 424]. Главной задачей нового губернатора было стабилизировать регион, наладить контакт с населением, снизить протестные настроения. Со своей задачей Дегтярев справился, он привел в регион свою команду, с которой он работал в Государственной Думе. У них получилось стабилизировать регион. В 2024г. Регион возглавил Дмитрий Викторович Демешин, переехавший в Хабаровск с должности заместителя Генерального Прокурора РФ. Демешин зарекомендовал себя как способный управленец, который умеет выстраивать командную работу. Можно предположить, что его задача на посту губернатора будет заключаться в проведении кадровой чистки местных элит и содействии правоохранительным органам в борьбе с коррупцией в регионе [12, с. 1847].

Совсем недавно своим Указом [5] Президент В.В. Путин назначил Дениса Владимировича Паслера врио Губернатора Свердловской области. Кремль продолжает тренд на назначение «местных» губернаторов. Паслер родился в Свердловской области, несколько лет возглавлял Правительство региона и был членом команды предшественника Куйвашева. Затем был главой Оренбургской области. Паслер, как и большинство назначенных глав субъектов является выпускником «школы Губернаторов», что также говорит о выработанной стратегии при подборе кадров для замещения ключевых должностей в государстве и эффективности этой модели формирования кадрового резерва.

Республика Дагестан, традиционно сложный регион для федерального центра с точки зрения выполнения федеральной повестки. 29 октября 2023 года в аэропорту г. Махачкалы произошли беспорядки, на почве исламского антисемитизма [14]. Более 1200 человек приняли участие в беспорядках. Информация и призывы к действию распространялись через социальные сети и ряд телеграмм-каналов. По официальной информации российских властей беспорядки были «во многом инспирированы с территории Украины через агентуру стран Запада». Важно отметить, что данный инцидент был достаточно оперативно купирован и не вызвал каких-либо критичных последствий. Летом 2024 года в Дагестане произошел ряд скоординированных террористических актов – нападения на синагоги, православные церкви, а также пост ДПС. При всей трагичности сложившейся ситуации, властям республики удалось удержать ситуацию под контролем. Команда Сергея Меликова продолжает работать, он пользуется доверием как у местного населения, так и федерального центра. Во многом опыт его работы в структурах внутренних войск способствует ему

удерживать политическую стабильность в регионе [11, с. 74].

Заключение. Попытки внести смуту и разногласия в жизнь нашего общества, дестабилизировать политическую ситуацию в стране были есть и будут. Это старый политтехнологический прием стран коллективного запада в рамках геополитической борьбы, ни один раз приносивший им необходимые дивиденды. Именно поэтому, сегодня, в условиях глобальной мировой нестабильности, государству важно сосредотачивать свои усилия на укреплении власти, стабилизации политической ситуации в регионах и стране в целом. Для обеспечения собственной безопасности нам важно не допустить появления деструктивных экстремистских элементов, ядро которых находится внутри страны. На такие проявления необходимо реагировать оперативно и эффективно, иногда даже жестко. Политическая стабильность является многоаспектным явлением, которое может быть проанализировано с различных точек зрения. Для Российской Федерации особое значение имеет институциональный подход, поскольку он позволяет сосредоточиться на укреплении государственных институтов, обеспечении законности и порядка, а также на формировании устойчивых политических практик. Это, в свою очередь, способствует не только политической стабильности, но и общему устойчивому развитию страны, укреплению её суверенитета и национальной безопасности. Как уже говорилось, главное богатство нашей страны в многонациональном народе. А наша сила – в единстве нашего народа.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2020 № 473 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Хабаровского края» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007200048> (дата обращения: 03.09.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2024 № 411 «Об исполняющем обязанности Губернатора Хабаровского края» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50610> (дата обращения: 03.09.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 05.11.2024 № 943 «Об исполняющем обязанности Главы Республики Коми» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/621/events/75497> (дата обращения: 03.09.2025).
4. Указ Президента Российской Федерации от 05.11.2024 № 942 «Об исполняющей обязанности Губернатора Еврейской автономной области» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/75498> (дата обращения: 03.09.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 26.03.2025 № 180 «Об исполняющем обязанности

Губернатора Свердловской области» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76541> (дата обращения: 03.09.2025).

6. Пызин, В. А. Внутренняя политика: смыслы, структуры, функции / В. А. Пызин, А. А. Борисенков // Научно-практическая школа. Политическая профессия: Учебно-методические материалы по дисциплине "Внутренняя политика". Том Выпуск 3. – Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2020. – С. 8-25.

7. Пызин В.А. Внутренняя политика как предмет профессионального анализа: симметричная модель принятия кадрового решения // Внутренняя политика: проблемы и технологии управления (по материалам конференций и семинаров). — Издательский дом "Научная библиотека", 2019. — № 2. — С. 5-18.

8. Болдонов А., Башинова Т., Тармаханов Е. Внутренняя политика // Краткий словарь-гlossарий по политологии. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005, 96 с.

9. Ильченко, С. В. Исследование возможностей реализации требований времени к достижению заявленных целей / С. В. Ильченко, Р. Сираждинов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12-3. – С. 423-427.

10. Климовец, О. В. Корпоративный менеджмент устойчивости: сенсоры, драйверы и ингибиторы / О. В. Климовец, А. В. Таничев, А. А. Стуглев // Международный журнал экспериментального образования. – 2024. – № 1. – С. 20-40.

11. Нанова, Р. В. Обеспечение экономической безопасности регионов Российской Федерации в период трансформации экономической политики / Р. В. Нанова, А. А. Смирнов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, № 4(157). – С. 76-86.

12. Оценка внешнеэкономической политики России в условиях санкций / А. А. Соклаков, Т. В. Обринова, С. С. Алеева [и др.] // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – Т. 13, № 9(62). – С. 1842-1854.

13. Султанов, Г. С. Устойчивое развитие государства в условиях обеспечения экономической безопасности регионов / Г. С. Султанов, М. Г. Абидов, С. И. Ибрагимов // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № S2. – С. 176-182.

14. Беспорядки в Махачкале [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19147969> (дата обращения: 03.09.2025).

Sustainability of domestic policy in the Russian Federation region as a factor of ensuring national security

Hubaev G.S., Gromina Z.V.

Plekhanov Russian University of Economics

This paper explores the concept of domestic policy through the prism of the definition provided by V. A. Pyzin and A. A. Borisenkov. Particular attention is given to security and political stability, which are seen as crucial areas of government activity. The author analyzes the mechanisms for ensuring political stability in Russia, emphasizing its significance for national security and economic development. And social harmony. Particular attention is given to the regional dimension of governance, where the practice of selecting managers is considered, with regard to their knowledge of territorial specifics. Using examples from individual constituent entities of the Russian Federation, such as the Komi Republic, the Jewish Autonomous Region and Khabarovsk Krai, this article demonstrates the methods employed by the domestic political block in ensuring the stability

of regional authorities and addressing potential threats. The article also highlights the role of the Presidential Executive Office in maintaining political stability in Russia, and provides an analysis of current trends in state personnel policies.

Keywords: domestic politics, political stability, national security, regional management, personnel appointments.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 20, 2020 No. 473 "On the Early Termination of the Powers of the Governor of Khabarovsk Krai" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007200048> (date of access: September 3, 2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 15, 2024 No. 411 "On the Acting Governor of Khabarovsk Krai" // Official Website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50610> (date of access: September 3, 2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation of 05.11.2024 No. 943 "On the Acting Head of the Komi Republic" // Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/621/events/75497> (date of access: 03.09.2025).
4. Decree of the President of the Russian Federation of 05.11.2024 No. 942 "On the Acting Governor of the Jewish Autonomous Region" // Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/75498> (date of access: 03.09.2025).
5. Decree of the President of the Russian Federation of 26.03.2025 No. 180 "On the Acting Governor of the Sverdlovsk Region" // Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76541> (accessed: 03.09.2025).
6. Pyzin, V. A. Domestic Policy: Meanings, Structures, Functions / V. A. Pyzin, A. A. Borisenkov // Scientific and Practical School. Political Proficiency: Educational and Methodological Materials on the Discipline "Domestic Policy". Volume Issue 3. - Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2020. - Pp. 8-25.
7. Pyzin, V. A. Domestic Policy as a Subject of Professional Analysis: A Symmetrical Model of Personnel Decision-Making // Domestic Policy: Problems and Technologies of Management (based on materials from conferences and seminars). - Publishing House "Scientific Library", 2019. - No. 2. - Pp. 5-18.
8. Boldonov A., Bashinova T., Tarmakhanov E. Domestic Policy // A Brief Dictionary-Glossary of Political Science. Ulan-Ude: VSGTU, 2005, 96 p.
9. Ilchenko, S. V. Study of the Possibilities of Realizing the Requirements of the Time to Achieve the Stated Goals / S. V. Ilchenko, R. Sirazhdinov // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2024. - No. 12-3. - P. 423-427.
10. Klimovets, O. V. Corporate Sustainability Management: Sensors, Drivers, and Inhibitors / O. V. Klimovets, A. V. Tanichev, A. A. Stuglev // International Journal of Experimental Education. - 2024. - No. 1. - P. 20-40.
11. Nanova, R. V. Ensuring economic security of the regions of the Russian Federation during the transformation of economic policy / R. V. Nanova, A. A. Smirnov // Economy and management: problems, solutions. - 2025. - Vol. 7, No. 4 (157). - P. 76-86.
12. Assessment of Russia's foreign economic policy in the context of sanctions / A. A. Soklakov, T. V. Obrynova, S. S. Aleeva [et al.] // Eurasian Union: issues of international relations. - 2025. - Vol. 13, No. 9 (62). - P. 1842-1854.
13. Sultanov, G. S. Sustainable development of the state in the context of ensuring economic security of the regions / G. S. Sultanov, M. G. Abidov, S. I. Ibragimov // Regional and sectoral economics. - 2024. - No. S2. - P. 176-182.
14. Unrest in Makhachkala [Electronic resource] // TASS Information Agency. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19147969> (date accessed: 09/03/2025).

Институт обратной связи в системе взаимодействия политических партий и населения

Шевляков Дмитрий Сергеевич

аспирант, Воронежский институт экономики и социального управления, d.shevliakov@molvest.ru

Гончаров Леонид Александрович

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, управления и регионоведения, Воронежский институт экономики и социального управления, goncharov.post@mail.ru

В статье рассматривается роль обратной связи в системе отношений: политические партии и избиратели. Раскрывается роль обратной связи в укреплении демократических институтов, совершенствовании политического управления. Характер и институционализации обратной связи, по мнению авторов, в современной демократии зависят от типа политической культуры, институционального дизайна, наличия технологий обратной связи. Подчеркивается необходимость совершенствовать систему обратной связи с опорой на современные информационно-коммуникативные технологии.

Ключевые слова обратная связь, политические партии, избиратели, демократия

Политический плюрализм является одним из ключевых принципов демократических государств, который обеспечивает выражение всего многообразия политических и идеологических взглядов граждан по вопросам устройства государства и государственного управления. Проблемы, связанные со становлением и развитием политического плюрализма и парламентаризма затрагивают все сферы жизни, как отдельных граждан, так и всего общества. Одним из элементов, позволяющих формировать и развивать демократические практики, обеспечить устойчивость демократической политической системы является наличие обратной связи между политиками и гражданами, между органами власти и населением. Реализация принципов идеологического многообразия и многопартийности невозможна без обеспечения устойчивой системы обратной связи. От стабильности и эффективности системы обратной связи зависит стабильность государства, так как именно в рамках плюралистической демократии обеспечивается баланс интересов личности, общества и государства.

В широком понимании обратная связь представляет собой ответную реакцию на внутреннее или внешнее воздействие, на получаемую системой информацию для оказания последующего регулирующего воздействия. Наличие обратной связи - объективное условие существования любого саморегулирующегося образования, каким должно являться и человеческое общество. **В этом плане обратная связь является важнейшей характеристикой социального и политического управления.**

От наличия каналов и механизмов обратной связи, а также от эффективности ее учета в политическом процессе в значительной мере зависит не только социально-политическая стабильность, но также и устойчивость политической системы и политического режима [2].

Для построения эффективной системы обратной связи необходимо: наличие четких политических целей и умение донести их до общества; отлаженный механизм и система каналов обратной связи от общества для выражения реакции общества и общественных групп на свои цели и действия власти либо партии; способность корректировать цели, намерения и действия, учитывая обратную связь.

Для общественных групп и избирателей необходимо: умение сформулировать и выразить настроения, потребности в виде политических посланий; отлаженный и стабильно функционирующий канал обратной связи от партии для выявления суммы реакций общества.

В связи с этим эффективность механизма обратной связи в определяющей степени зависит от доминирующей в обществе политической культуры и характера политического режима. Уровень политической культуры граждан - показатель их способности или неспособности отстаивать свои права и свободы, защищать демократические принципы на всех уровнях власти. Для элитарной и патерналистской политической культуры в отличие от гражданской и активистской уровень обратной связи будет, очевидно гораздо ниже, а имитационность выше.

В обоих случаях стремление партий к максимизации электорального ресурса обуславливает их заинтересованность в получении обратной связи от населения. Одним из главных факторов, способствующих успеху в процессе конкуренции, становится профессиональная ответственность партийных кадров, умение выстраивать связи с избирателями, каналы обратной связи и коммуникации, в ходе чего кандидаты демонстрируют свои способности к государственному управлению, свою компетенцию и ответственность. Несоблюдение этих требований приводит к снижению доверия населения к власти, к недостаточной результативности принимаемых решений. Это явление становится общим для многих современных демократических систем и связано с общим кризисом демократических институтов, кризисом политических партий, сокращению уровня доверия к политическим институтам на современном этапе [3].

Проблема обеспечения эффективно работающего института обратной связи в целях действительно массового участия граждан в волеизъявлении и оценке политических институтов остро стоит не только в России. Политическое управление в формате представительной демократии сегодня сталкивается с серьезными вызовами. Требованием времени становится вовлечение граждан в управление, особенно на низовом уровне, где их компетенции достаточно для того, чтобы решать многие насущные проблемы. Другим неотложным требованием является транспарентность как действенное средство против недоверия, как инструмент контроля над деятельностью политиков и чиновников [4].

Значимость обратной связи для политических партий многогранна. Это и наглядный показатель настроений жителей избирательных округов, и свидетельство о наиболее острых проблемах, и индикатор доверия к самим партиям. В то же время обращения граждан – ценнейший источник аналитической информации для самих партий, позволяющий уточнить приоритеты политической деятельности, использовать новые подходы и идеи для поиска решения наиболее актуальных социально-экономических проблем общества.

В современных условиях значительную роль в системе обратной связи играют информационно-коммуникационные технологии. Информационно-коммуникационные технологии позволяют сделать организацию обратной связи более открытой, доступной, оперативной, охватить более широкий круг

людей и вопросов. Поэтому информационно-коммуникационные технологии сегодня играют важную роль. В настоящее время в работе политических партий обнаруживается явный дефицит обратной связи - обязательного элемента любой организованной системы управления [7]. Потеря обратной связи приводит к искажению коммуникации, ложной информации о настроениях и ожиданиях населения, бездействию партий на информационные сигналы снизу. Для политических партий уже по присущей им природе характерным является постоянный контакт с населением (электоратом). В этом плане актуальным становится вопрос, почему обратная связь не всегда срабатывает положенным образом. Принципиально важно, чтобы существовал институт, в рамках которого граждане могут аргументированно обмениваться мнениями об общественных делах и ставить под вопрос отправление власти посредством государственных или негосударственных акторов. Понятая таким образом делиберативная общественность развивает, с одной стороны, политическое пространство демократической игры, а с другой стороны, служит тому, чтобы подготовить формальное решение [4]. Чем инклюзивнее и активнее аргументированный обмен информацией, тем основательнее процедуры принятия решений должны принимать во внимание релевантную информацию и способ видения тех или иных проблем [4].

Таким образом, обратная связь становится инструментом долгосрочной политической и социальной стратегии выборных институтов и политических партий, а проводимые выборы становятся кульминационным моментом обратной связи с населением, с гражданами. Обратная связь в системе взаимодействия партии-граждане требует, помимо всего прочего, регулярных опросов населения, что в свою очередь позволяет не только корректировать политику партии, влиять на ее управленческий и имиджевый функционал, но и конечно, способствовать развитию и совершенствованию инструментов упреждающего формирования общественного мнения. Так, например, в ФРГ активно продвигается тема открытой демократии, своеобразной Интернет-республики [4]. Речь идет, прежде всего, о законотворческом процессе, возможности для открытого участия в котором предоставляет цифровая демократия. «Каждый может аннотировать и комментировать любую страницу и абзац с одним кликом по тексту, войдя в необозримое пространство информации и знания... Мы должны лучше использовать продуктивный и конструктивный потенциал прямого участия – в конце концов, все мы вместе и есть государство» [4].

Действительно, обратная связь не ограничивается лишь формальным обменом информацией. Она включает в себя также элементы эмоционального отклика и социального восприятия, которые формируют общий контекст взаимодействия между гражданами и государством [8].

В условиях современной демократической системы обратная связь становится механизмом, способствующим легитимации власти, поскольку она позволяет учитывать мнение граждан при принятии

политических решений, тем самым увеличивая уровень общественного доверия [2].

Среди классических элементов обратной связи в системе работы партии-избиратели выделяют такие как: телефонные звонки, получение письменной корреспонденции, электронные письма и обращения, личный прием граждан депутатами, работа общественной приемной партии, диалог в прямом эфире, контактная работа с представителями общественного мнения, участие в экспертных советах, проведение собраний, митингов, организация демонстраций, встреч с избирателями, ведение электронных интернет-площадок коммуникации (блоги, личные страницы). В идеале эффективность работы политической партии, ее электоральные успехи, формирование и реализация программы, ценностное измерение политических действий оказываются в значительной степени зависимы от наличия многоканальной информационно-коммуникационной системы обратной связи [1].

В условиях трансформации современного общества существенно возрастает роль населения в выработке и принятии управленческих решений органами политической власти, к которым в случае победы на выборах относятся политические партии. Очевидно, что граждане заинтересованы в том, чтобы их интересы, позиции знали и учитывали в управлении государством. В свою очередь, не зная мнения населения о принимаемых решениях, а также о результатах своей деятельности невозможно управлять, рассчитывая на положительный результат. Из этого возникает необходимость постоянного совершенствования циркулирования потоков прямой и обратной информации между политическими институтами и населением.

Тем не менее, существующая в настоящее время обратная связь имеет тенденции к формализации и имитационности, что связано с общим кризисом демократических институтов [5]. Отмечается постоянное наращивание средств и методов, технологий борьбы партий, их совершенствование. Но подобный высокий уровень, профессионализация в ряде политических систем не развиваются параллельно с повышением реального участия партий в политической жизни страны, что приводит к периферийности и имитационности работы института обратной связи в системе партии-избиратели [5].

Российская практика электоральных технологий на современном этапе характеризуется применением высоких технологий, большими финансовыми затратами со стороны партий, профессионализацией кампании. Партии заинтересованы в крепких командах специалистов, которые организуют всю работу по доведению до избирателей всей необходимой информации. Большое значение придается не только имиджу партии, но и ее лидеру. Огромную роль приобретают средства массовой коммуникации, в том числе глобальная сеть Интернет. На смену традиционным формам политических коммуникаций (телевидение, радио, печатные новостные издания) приходят интернет-технологии, так называемые интернет-коммуникации, сосредоточенные

в социальных медиа (социальные сети, мессенджеры, страницы официальных вебсайтов органов власти и др.) [11]. Развитие сетевого общества и иных средств коммуникации с применением сетевых технологий становится во многом следствием роста количества кризисных процессов в мире, к числу которых следует отнести распространение эпидемий, когда социальные сети и непосредственно сама сеть Интернет начинают занимать важное место в общении между людьми, а дистанция между индивидами максимально сокращается. В этих условиях не традиционные СМИ, а именно интернет-коммуникации начинают восприниматься как источник информации и одновременно как эффективное средство взаимодействия [10].

Все чаще партии и общественные движения ставят задачи не просто проинформировать население о реализуемых программах и планируемых проектах, но и дать возможность каждому пользователю социальных сетей высказать свое мнение. Политические интернет-коммуникации, таким образом - это вид коммуникации, в котором осуществляется не только воздействие политиков на пользователей сети Интернет с помощью различных социальных медиа, но и взаимодействие с помощью «обратной связи» через символические конструкции в виде различных форм активности пользователей (лайки, комментарии, просмотры, репосты).

Отличительными характеристиками политической интернет-коммуникации от просто политической коммуникации выступают: преобладание горизонтального формата коммуникации, информационное сообщение наполняется новым смысловым содержанием или вносятся уточнения всеми участниками коммуникации. Социальные сети относительно других форм интернет-коммуникаций (блоги, электронная почта, форумы, чаты и т. д.) оказываются наиболее востребованными в современной политике. Преимущество социальных сетей заключается в возможности создания диалоговой площадки, где фактически каждый участник взаимодействия равноправен, активен и имеет возможность не только получить информацию как пользователь сети, но и предложить свой формат обсуждения новости, выразить свое личное отношение к выставленному контенту. Именно потенциал социальных сетей через выстраивание коммуникации находит новые формы решения проблемных для населения вопросов и тем самым предоставляет обычным гражданам возможность участвовать в управленческих процессах. К числу основных рисков в социальных сетях следует отнести формализацию и неинформативность контента, отсутствие «обратной связи» с пользователями. Сегодня Интернет стал одним из важнейших инструментов политической борьбы в Соединённых Штатах Америки, особенно в ходе предвыборных кампаний [9]. Особую роль, в частности, играют крупнейшие онлайн-платформы и социальные сети – Facebook, (запрещен на территории Российской Федерации), X (Twitter), YouTube. Особенностью их использования в предвыборных кампаниях является то, что они предоставляют ши-

рокие возможности связи кандидатов и избирателей. С одной стороны, при помощи различных автоматизированных алгоритмов можно получить детальнейшее понимание проблем общества на самых разных уровнях – как внутри конкретных регионов, так и среди различных групп населения. Вместе с тем, социальные сети – эффективная платформа для агитации. В отличие от традиционных средств агитации, таких как встречи с избирателями или рекламные ролики в традиционных СМИ, агитация в интернете практически не ограничена ни временными рамками, ни географическими, а только финансовыми. Именно с этой особенностью связан тот факт, что в ходе последних президентских кампаний в США предвыборные штабы располагали беспрецедентными суммами на работу именно с социальными сетями. В США в настоящее время значимость социальных сетей в политических процессах прослеживается через уровень и характер активности обсуждения пользователями предвыборных программ кандидатов и продвижения политтехнологии тех или иных смыслов [9].

Важную роль в агитации продолжают играть публичные акции, организации форумов, общественных движений, где регулярно происходит живое общение представителей партий и граждан. Одновременно наблюдается тенденция к подчеркиванию персональных качеств лидера, его способности решать управленческие задачи. Именно через лидера и его структуры начинает выстраиваться коммуникация с избирателями [7].

Таким образом, обратная связь в социальном управлении, наряду с функциями информационной, аналитической, учетной, контролирующей, рекомендательной, выполняет функции синтеза внешних и внутренних вызовов, обеспечения гласности, демократии, свободы циркулирования информации, открытости деятельности органов власти и политических институтов. В то же время повысился образовательный, профессиональный, политический и культурный уровень населения. Избиратели с гораздо большим интересом начинают взаимодействовать с партиями и политиками в сети. В качестве недостатков практики обратной связи можно назвать нерегулярность, стихийность, бесплановость этой деятельности; недостаточную полноту и достоверность поступающей обратной информации; нехватку специалистов для проведения этой работы.

Поддержание сотрудничества государства с обществом представляет собой центральную задачу в постиндустриальных и ряде переходных государств [6]. Вовлечение граждан в диалог по поводу выражения своего мнения в ходе коммуникации с политиками придает осознанный характер деятельности граждан по распределению депутатских мандатов на выборах всех уровней, тем самым восстанавливая приоритетность институционального аспекта выборов.

Литература

1. Аствацатурова М. А. Механизмы обратной связи органов государственной власти и граждан:

некоторые социальные и политические смыслы / М. А. Аствацатурова, С. Т. Мильдзихов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. 167-174 с.

2. Белоконов С. Ю. Актуальные вопросы определения индикаторов доверия граждан к власти / С.Ю. Белоконов // Власть. – 2022. Т. 30. №. 1. 64-72 с.

3. Глухова А. В. Дефицит доверия как фактор институциональной деформации / А. В. Глухова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2024. - №. 2. – С. 325-335

4. Глухова А. В. Новые форматы гражданского участия: консультативная демократия / А. В. Глухова // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: сборник, электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Добросвет», 2018. – Режим доступа: <https://bookonline.ru/lecture/5-novye-formaty-grazhdanskogo-uchastiya-konsultativnaya-demokratiya>

5. Гончаров Л. А. Формирование политико-институциональных основ межпартийной конкуренции в России / Л. А. Гончаров // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2020. - № 2. – С. 12-16

6. Зайцев А. В. Принцип обратной связи и институционального диалога государства и гражданского общества / А. В. Зайцев // NB: Проблемы общества и политики. – 2012. - № 2. – С. 1-21

7. Крыштановская О. В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху / О. В. Крыштановская // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 4–11.

8. Попова Ю. В. Политический режим современной России: электоральный авторитаризм, персоналистский режим, султанизм? / Ю. В. Попова // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. - 2018.- С. 116-122

9. Смекалова М. В. Роль социальных сетей в предвыборных кампаниях президента США 2008-2020 / М. В. Смекалова. – Электронный ресурс. - Режим доступа: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/13068/13072>

10. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» / Л. Н. Тимофеева, Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш // ПОЛИС. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 23–39.

11. Чекунова М. А. Политические интернет-коммуникации: место и роль в общественно-политическом дискурсе / М. А. Чекунова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 3 (76). – С. 164–169.

The institute of feedback in the system of interaction between political parties and the population
Shevlyakov D.S., Goncharov L.A.
Voronezh Institute of Economics and Social Management
The article examines the role of feedback in the relationship between political parties and voters. It reveals the role of feedback in strengthening

democratic institutions and improving political governance. The nature and institutionalization of feedback in modern democracy depend on the type of political culture, institutional design, and the availability of feedback technologies. The article emphasizes the need to improve the feedback system by using modern information and communication technologies.

Keywords: feedback, political parties, voters, democracy

References:

1. Astvatsaturova M. A. Feedback mechanisms of public authorities and citizens: some social and political meanings / M. A. Astvatsaturova, S. T. Mildzikhov // State and municipal administration. Scientific notes. – 2024. 167-174 p.
2. Belokonev S. Yu. Actual issues of determining indicators of citizens' trust in the government / S.Yu. Belokonev // Vlast. – 2022. V. 30. No. 1. 64-72 p.
3. Glukhova A. V. The deficit of trust as a factor of institutional deformation / A. V. Glukhova // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. - 2024. - No. 2. – P. 325-335
4. Glukhova, A. V. New Formats of Civil Participation: Consultative Democracy / A. V. Glukhova // Public Administration in the Russian Federation: Challenges and Prospects // Proceedings of the 15th International Conference on Public Administration in the 21st Century: Collection, Electronic Publication Distributed on the Internet / Authors Collective. – Moscow: KDU, Dobrosvet, 2018. – Mode of access: <https://bookonline.ru/lecture/5-novye-formaty-grazhdanskogo-uchastiya-konsultativnaya-demokratiya>
5. Goncharov, L. A. Formation of the Political and Institutional Foundations of Inter-Party Competition in Russia / L. A. Goncharov // Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management. – 2020. - No. 2. – Pp. 12-16
6. Zaitsev, A. V. The Principle of Feedback and Institutional Dialogue between the State and Civil Society / A. V. Zaitsev // NB: Problems of Society and Politics. – 2012. - No. 2. – Pp. 1-21
7. Kryshatanovskaya O. V. Elite in networks: new forms of feedback in the digital age / O. V. Kryshatanovskaya // Digital Sociology. – 2019. – Vol. 2, No. 2. – pp. 4-11.
8. Popova Yu. V. The Political Regime of Modern Russia: Electoral Authoritarianism, Personalistic Regime, and Sultanism? / Yu. V. Popova // Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience. Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. - 2018.- P. 116-122
9. Smekalova M. V. The Role of Social Media in the 2008-2020 U.S. Presidential Campaigns / M. V. Smekalova. – Electronic resource. - Access mode: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/13068/13072>
10. Digital Social and Political Agenda: Testing a New Research Model on the Russian Case of Coronavirus-2020 / L. N. Timofeeva, N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva, and A. A. Gnedash // POLIS. Political Studies. – 2022. – No. 5. – Pp. 23–39.
11. Chekunova M. A. Political Internet Communications: Place and Role in Socio-Political Discourse / M. A. Chekunova // Scientific Notes of Orel State University. – 2017. – No. 3 (76). – Pp. 164–169.

Креативный вызов: как государство поддерживает искусство и культуру под давлением санкций

Ковалева Светлана Сергеевна

магистрант Института государственной службы и управления факультета финансовое право, налоговое право и налогообложение, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, svetlana335577@yandex.ru

В условиях экономических санкций культурная сфера испытывает серьёзные финансовые трудности из-за сокращения международного сотрудничества, ограничений в области технологий и снижения частных инвестиций, что делает государственную поддержку критически важной для сохранения культурного наследия и творческого потенциала. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов государственного финансирования культуры, которые позволили бы компенсировать внешние ограничения и обеспечить устойчивое развитие культурных институтов в изменившихся экономических условиях. С применением статистического и фактологического анализа в статье проанализирован один из ключевых механизмов государственной поддержки искусства и культуры. Сформировано комплексное представление о развитии отрасли культуры и искусства на основе анализов теоретических подходов и практики проекта Фонда президентских грантов за период с 2021–2025 гг. Полученные результаты могут быть применены в разработке эффективных стратегий государственной и частной поддержки культурных проектов, а также в оптимизации механизмов финансирования и управления культурными программами. Кроме того, они могут использоваться для повышения эффективности культурной политики на региональном и национальном уровнях, а также для создания новых моделей взаимодействия между творческими сообществами и государственными институтами.

Ключевые слова: культура, искусство, санкции, государственная поддержка, грант, Президентский Фонд культурных инициатив.

Введение

«Культурные мосты должны взрываться последними» — так М. Пиотровский обратился к зарубежным коллегам в ответ на введение очередного пакета санкций, в результате которого Россию покинули несколько сотен юридических, физических лиц, а также компании с иностранным участием [1].

Время санкций — это сжатие пространства для одних и неожиданные горизонты для других. Что происходит с культурой и искусством в условиях политической и экономической изоляции? Угасает ли творческая энергия, лишённая привычных связей и ресурсов, или, напротив, ограничения становятся катализатором новых, самобытных форм?

На первый взгляд — кризис. Доступ к международным площадкам сокращается, финансирование становится нестабильным, а аудитория вынуждена адаптироваться к новым реалиям. Но есть и другая сторона: артисты, режиссёры, художники и писатели ищут альтернативные пути, обращаются к национальным традициям, находят поддержку внутри страны. Таковым крепким плечом и опорой культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий начиная с 2021 года явилась реализация Президентского Фонда культурных инициатив (далее — ПФКИ, Фонд), созданного Указом Президента Российской Федерации от 17.05.2021 года №287¹.

Возникает парадокс: кризис порождает всплеск и рост для мира искусства. Вопрос лишь в том, станет ли этот подъём временным явлением или заложит фундамент для нового этапа развития культуры. Что это — вынужденная пауза перед возвращением в глобальную систему или рождение чего-то совершенно нового? Ответ пока неочевиден, но одно можно сказать точно: эпоха перемен всегда даёт искусству шанс на переосмысление.

Обоснование возникновения проблем

Первая волна санкций в 2013–2021 гг. затронула более 600 юридических и 500 физических лиц, которые осуществляли деятельность в России [2, с.550]. После объявления новых санкций Европейским союзом (ЕС) и США наряду с необоснованным замораживанием трети золотовалютных резервов и запретом продажи валюты в Россию с февраля по апрель 2022 г. нашу страну покинули или приостановили деятельность около 750 компаний с иностранным участием, на сегодняшний день количество насчитывает более 1000 компаний². Таким образом,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2021 года №287 "О создании Президентского фонда культурных инициатив".

² Yale CELI List of Companies Leaving and Staying in Russia // Yale Chief Executive Leadership Institute. 2025. July 12. URL:

<https://www.yalerussianbusinessretreat.com/> (дата обращения: 12.07.2025)

речь идет о новой волне санкций особой силы, оказавшей комплексное действие на все сферы социально-экономического развития Российской Федерации, включая культуру, на которую ранее практически не распространялись внешние ограничения.

Один из способов привлечь дополнительные финансы для приоритетных национальных проектов, к которым Государство относит культуру – воспользоваться грантовым финансированием. С помощью грантов оказывается поддержка в реализации проектов, которые влияют на формирование гражданского общества и имеют важное значение для будущего развития города, региона или целой страны [3].

В России создана и функционирует целая система институтов развития, которая предоставляет на конкурсной основе гранты на реализацию культурных проектов. Гранты как мера поддержки культуры и искусства предусматривают механизм адресной поддержки и финансируют не только крупные проекты, но и локальные.

В последние несколько лет отмечается рост деятельности организаций, причастных к реализации культурных проектов и их участия в конкурсах президентских грантов, особенно возросло количество малых грантов и проектов в регионах.

Методика исследования и данные

Впервые предложен подход к формированию комплексного представления о государственной поддержке культуры и искусства на основе анализа реализованных за период 2021–2022 гг. проектов ПФКИ. Кроме того, исследование позволило выявить перспективные направления грантовой деятельности ПФКИ в сфере культуры, искусства, творческих и креативных индустрий, основные каналы взаимодействия, особенности реализации грантов [4]. Цель исследования – сформировать комплексное представление о развитии как культуры, так и искусства, поддержки соотечественников на основе анализа реализованных при поддержке ПФКИ проектов за период 2021–2025 гг.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно рассмотрены следующие ключевые аспекты развития культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий в рамках ПФКИ:

- количественные аспекты: динамика числа подержанных проектов за период 2021–2025 гг.;
- географические аспекты: регионы – победители проектов за период 2021–2025 гг., вовлеченные в реализацию проектных заявок;
- экономические аспекты: доля средств от общего бюджета президентских грантов на реализацию проектов культуры и искусства; динамика финансирования проектов за период 2021–2025 гг.;
- тематические аспекты: направления и форматы работы организаций в сфере искусства и культуры;
- целевой аспект: целевая аудитория проектов.

Информационную базу исследования составляют официальные открытые данные ПФКИ по направлению развития культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий. Временной период

исследования – 2021–2025 гг., последний год представлен лишь первым полугодием, что ограничено наличием данных на сайте Фонда. В качестве второго ограничения исследования можно выделить фокусирование исключительно на деятельности ПФКИ, за рамками настоящей работы остаются иные механизмы поддержки данного направления. Третьим ограничением исследования является анализ географии регионов только поддержанных грантовых заявок, детализации не поддержанных проектов произведено не было. В работе рассчитаны медианные показатели. Научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов исследования как органами федеральной и региональной власти для совершенствования существующих мер поддержки общественной дипломатии, так и собственно субъектов данного вида поддержки для активизации грантозаявительной деятельности и расширения возможности финансирования проектов.

Развитие культуры, искусства и креативных (творческих индустрий):

15 апреля ежегодно во многих странах мира отмечается Международный день культуры. В этот день в 1935 году был принят договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», более известный как Пакт Рериха. Николай Константинович – художник, философ, писатель, гуманист, неоднократно озвучивал тезис о том, что культура – главный двигатель прогресса общества, то, что объединяет людей вне зависимости от национальности, возраста и вероисповедания.

В России существует множество программ поддержки культуры, в рамках которых выделяются гранты на реализацию культурных проектов. Однако, Президентский Фонд культурных инициатив является одним из крупнейших и наиболее активных источников грантов именно для сферы культуры, искусства и креативных индустрий начиная с 2021 г. До 2021 г. государственная поддержка сферы культуры, конкурсы на президентские гранты организовывались несколькими операторами. Впервые конкурс президентских грантов состоялся в 2006 г. Тогда финансирование в размере 472,7 млн руб. получили 1 тыс. 54 некоммерческих организаций. Всего в 2006–2016 гг. было выдано 11 тыс. 467 президентских грантов на общую сумму в 22,6 млрд руб. В число операторов входили Российский союз молодежи, Российский союз ректоров, Союз пенсионеров России, Союз женщин России и др. Фонд на конкурсной основе выделяет гранты Президента Российской Федерации на реализацию социально значимых проектов культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий и способствует развитию сектора организаций различного рода правовой формы: некоммерческим и коммерческим организациям, муниципальным учреждениям, предприятиям и индивидуальным предпринимателям [5]. Миссия фонда – «создание условий и возможностей для самореализации инициативных и неравнодушных людей в некоммерческом секторе». В сложившихся в

последнее время внешнеполитических условиях инструменты для поддержания открытого диалога и сохранения климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств оказываются весьма ограничены. В силу изменения геополитической обстановки произошло сокращение числа программ и инструментов для финансирования международных проектов. Направление грантовой деятельности развития культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий является основным направлением ПФКИ с самого начала его существования. При этом разнообразие типов проектов подчеркивает масштаб и всестороннее участие государства в таких направлениях, как:

- «Проекты в области культуры и академического искусства;
- Межотраслевые, сетевые культурные и кросс-культурные проекты;
- Проекты, предусматривающие проведение фестивалей, премий, форумов в области культуры, искусства и креативных индустрий;
- Проекты в области современной популярной культуры;
- Образовательные и наставнические проекты в области культуры, искусства и креативных индустрий (включая цифровые технологии);
- Проекты по выявлению и поддержке молодых талантов в области культуры, искусства и креативных индустрий;
- Стартапы в области культуры, искусства и креативных индустрий.»

В качестве тематик проектов следует выделить:

- «Нация созидателей;
- Культурный код;
- Молодые лидеры;
- Место силы;
- Нравственные ориентиры;
- Страна возможностей;
- Единство с судьбой России;
- Многонациональный народ;
- Мы вместе;
- Крепкая семья;
- Наша сила в правде;
- На страже Отечества»³.

Практика реализации проектов

Учитывая, что направление «развитие культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий» является приоритетным направлением ПФКИ по Указу Президента РФ, конкурс проектов начался с первого раунда 2021 г. Так, за исследуемый период 2021–2025 гг. совокупно было поддержано 10217 проектов (рис. 1), при этом количество поданных заявок на грантовую поддержку составляет 96 838 заявок⁴. Многие из поддержанных проектов уже реализованы.

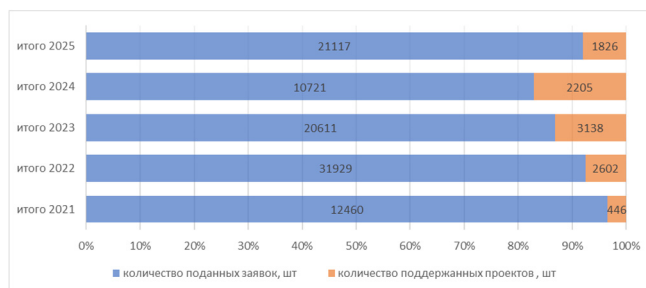

Рис. 1. Динамика поддержанных Президентским Фондом культурных инициатив проектов за период 2021–2025 гг. Разработано автором.

Наибольшее число поданных на рассмотрение грантовых заявок фиксируется в 2022 г., что обусловлено, в том числе, рекордным количеством конкурсов: в 2022 году были проведены 2 основных и 4 специальных конкурса. Кроме того, в 2022 году запущен обучающий курс для всех участников, а также впервые за каждым проектом-победителем закрепляются координаторы по информационному сопровождению.

Как видно из рис. 1, процентное соотношение победителей к числу заявителей растет благодаря оказываемой поддержке участникам в формате обучения, а также бесперебойной связи контактного центра, который также развивается всеми доступными способами (запущен телеграмм канал, ведутся социальные сети: ВКонтакте, Одноклассники, регулярно публикуются материалы на ресурсах: Rutube; Яндекс.Дзен). Рекомендации, полученные в ходе вебинара, участники могут использовать в работе по заполнению заявки. В помощь авторам проектов Фонд выпустил серию подкастов, можно ознакомиться с вебинарами, выложенными в RuTube и на сайте фондкультурныхинициатив.рф в разделе «Обучение».

Сбор заявок для первого грантового конкурса 2026 года прошел в период с 21 мая по 10 июля 2025 года. Принять участие в нем, как и во всех проводимых ПФКИ грантовых конкурсах имеют возможность коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели и муниципальные учреждения.

В разрезе субъектов-победителей в сравнении 2021 и 2025 годов, видно, что лидирующие позиции с большим отрывом занимают некоммерческие организации (рис. 2).

Средства Президентского фонда культурных инициатив распределяются между победителями – авторами самых креативных и значимых для общества проектов.

Рассмотрение поддержанных проектов в фокусе объемов финансирования Фондом президентских грантов выявляет несколько интересных моментов (рис. 1 и рис. 3).

³ Официальный сайт ПФКИ//Тематические направления проектов/Фонд президентских грантов.URL: <https://xn--80aeeqaabljrdbg6a3ahhcl4ay9hsa.xn--p1ai/grants> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Официальный сайт ПФКИ//Новости/Фонд президентских грантов.URL: <https://xn--80aeeqaabljrdbg6a3ahhcl4ay9hsa.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.07.2025).

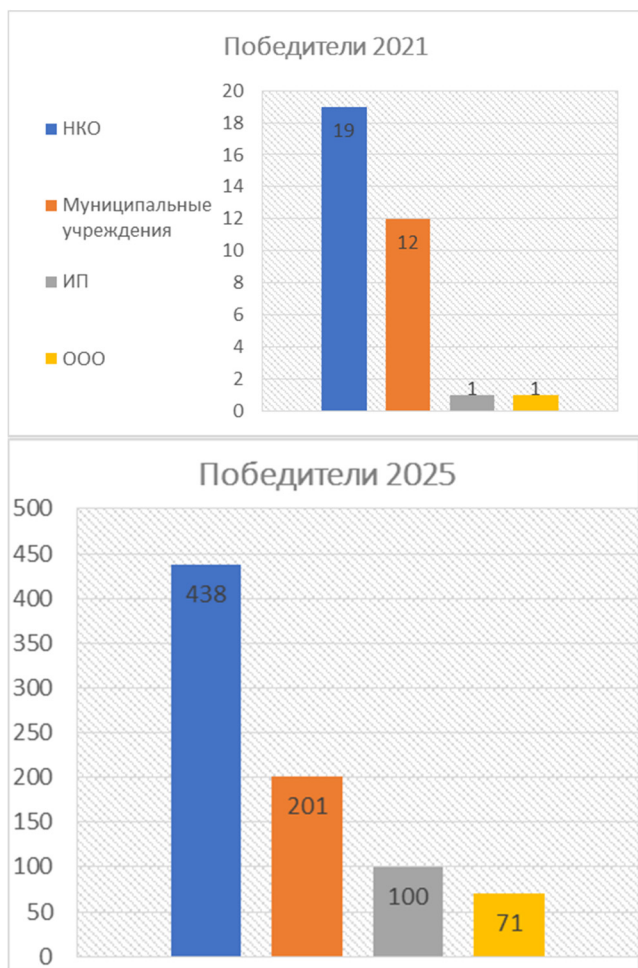

Рис.2. Статистика участников-победителей ПФКИ по субъектному составу за период 2021-2025 гг. Разработано автором.

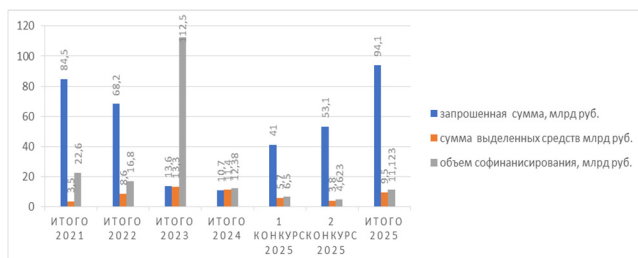

Рис.3. Соотношение финансирования проектов Президентским Фондом культурных инициатив за период 2021-2025 гг. Разработано автором.

В первую очередь выделяется высокое число выигравших проектов в 2023 г. (3138 проектов) при высоких показателях финансирования исследуемого периода (13,3 млрд. руб.) в совокупности с рекордным уровнем софинансирования (112,5 млрд. руб.). Во-вторых, масштабность географического охвата реализации проектов исследуемого направления показательна. Так, согласно данным ПФКИ, представители всех 89 регионов России стали победителями в 2022 году, рекордном периоде по количеству поданных заявок. Общая утвержденная сумма грантов начиная с 2021 года составляет 40,7 млрд руб.лей.

Доля отобранных для финансирования грантов в общем числе поданных заявок колеблется в пределах от 3,5% (по итогам 2021 г.) до 20,5 % (по итогам

2024 года). Таким образом, практически каждый 5 проект, представленный на конкурс, поддерживается ПФКИ.

С учетом особой значимости для России в реализации данного Фонда, с каждым годом выделяется все более крупная сумма финансирования для возможности реализации проектов, имеющих особый вес. Так, в 2023 году была выделена рекордно большая сумма 13,3 млрд. руб., против заявленных 13,6 млрд. руб., что составляет 97,7 % софинансирования от заявленной суммы.

Уровень софинансирования в 2025 год составляет 121%, за красивой цифрой стоит очень простой факт – креативные команды и их партнеры готовы вложить в создание своих проектов денег больше, чем размер самого гранта. В этой волне процент софинансирования обновил рекорд всех конкурсов. За этим стоит простой вывод – люди заинтересованы в том, чтобы создавать проекты, полностью готовые к реализации. Проработанные, максимально прогнозируемые, с адекватными и просчитанными заранее охватами. Впервые софинансирование существенно превысило объем выделенных фондом средств аж на 15%. Предыдущий рекорд был 102 %. В ряде регионов этот показатель уходит далеко за 200%.

Президентский фонд культурных инициатив ведет большую работу с регионами. География поддержанных грантовых заявок рассмотрена в срезе регионов-победителей, вовлеченных в реализацию поддержанных проектов.

Анализ регионов-победителей по исследуемому направлению грантовой поддержки выявляет ярко выраженную асимметрию, когда за период 2021-2025 гг. в первую пятерку по количеству поддержанных проектов входят субъекты: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Удмуртская область, Нижегородская, Белгородская область. При этом лидирующие показатели по количеству проектов-победителей занимают г.Москва и г.Санкт-Петербург. Вместе с тем следует акцентировать внимание, что география участвующих в реализации поддержанных проектов регионов значительно шире (в отдельных кейсах включенность всех субъектов РФ). Так, в 2023 году впервые заявки подали команды из новых территорий РФ.

В 2024 году впервые 89 регионов победили, 80% проектов –проекты, учитывающие интересы молодежи, направлены на выявление, поддержку талантов, на образование найденных талантов. Открыт 13-й проектный офис (все в разных регионах страны).

По итогам первого конкурса 2025 года впервые три лидера по регионам по количеству проектов: Москва, Нижегородская область и Белгородская область.

Обзор результатов грантовых конкурсов за весь период существования Фонда показывает, что основным направлениями стали:

-Культурный код. Проекты по продвижению через культуру и креативные индустрии традиционных ценностей;

-Место силы. Малая родина. Локальная идентичность;

-Молодые лидеры. Проекты, направленные на выявление и поддержку молодых талантливых лидеров в сфере культуры, искусства и креативных индустрий.

Периодически данные направления менялись в позициях между собой.

Также можно отметить типы проектов, занимающие лидирующие позиции за аналогичный период:

-Образовательные и наставнические проекты, включая цифровые технологии;

-Фестивали, премии, форумы в области культуры;

-Проекты в области культуры и академического (классического) искусства;

-Проекты креативных индустрий (литература издательское дело, дизайн, мода, арт, музыка, архитектура, кино, театр, игры и т.д.).

Данный анализ показывает, что классическое представление о культуре и искусстве, как мы привыкли их воспринимать существенно модернизируется, подвергается изменениям, связанным с эпохой цифровизации, так как популярными направлениями становятся проекты, связанные с новыми технологиями, креативными индустриями. Разумеется, влияние на подобного рода перемены оказывает и целевая аудитория: молодежь, студенты, люди, пробующие себя в стартапах. Прогрессивному увеличению с каждым годом количества участников, а также расширению по географии и столь большому масштабу реализации проектов в рамках Фонда способствует запущенное в 2022 году обучение, проходящее в режиме онлайн на официальном сайте и доступное каждому. Его значимость нельзя переоценить, так как существующие требования, необходимые для соблюдения с целью успешного прохождения конкурса, дают некоторым участникам возможность стать победителем конкурса далеко не с первой попытки, а порой только с шестой.

Здесь нельзя не отметить особый вклад государственного аппарата в развитие, обучение по выбранному направлению показывает, что культурой и искусством в Российской Федерации зачастую занимаются организации, не ставящие своей основной целью развитие международных контактов, но стремящиеся познакомить зарубежную аудиторию с богатым российским наследием в области культуры, искусства, истории и др. В проектах уделяется внимание проблемам сохранения за рубежом русской этнокультурной идентичности, укрепления позиций русского языка и русской культуры, развития образа России как толерантной демократической державы с богатейшим историко-культурным наследием, готовой открыто вести конструктивный межнациональный диалог.

В связи с тем, что проекты направлены на информирование населения и формирование образа России, в них принимают участие журналисты, преподаватели, например, русского языка как иностранного, а также артисты, художники и музыканты. Мероприятия проектов проходят как на территории России с

участием иностранных делегаций, так и на территории других стран. Наиболее популярные форматы: международные форумы, экспедиции и лагеря, культурно-образовательные и научные проекты, игры и медиашколы, фестивали и спортивные мероприятия. Целями проектов становятся развитие культурно-гуманитарного сотрудничества посредством информационной работы с населением, расширение взаимодействия и обмен опытом в различных сферах общественной жизни. Сквозными тематиками проходят вопросы популяризации русского языка и укрепления исторической памяти [6]. В 2023 г. большая часть проектов, поддержанных по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», затрагивает территории ДНР и ЛНР и помощь их жителям. Часть из них приурочены к памятным датам. Так в Волгограде прошли мероприятия историко-патриотического проекта «Мост памяти», посвященного 80-летию Сталинградской битвы, в Иркутске — мероприятия, посвященные столетнему юбилею со дня рождения режиссера Леонида Гайдая. В Санкт-Петербурге с успехом прошла выставка-путешествие «Балабанов», а в Москве можно планировать посещение большой экспозиции, приуроченной к 110-летию российской анимации, она открылась в конце апреля.

Следует отметить, что участники ПКФИ получают признание и награды не только в рамках Фонда, но и за его пределами, а также за пределами территории РФ (участник проекта выиграл Первую премию Международного конкурса пианистов в США).

Заключение

В очередном послании Федеральному собранию, в феврале 2023 года, Владимир Путин отметил: «Используя ресурсы фонда президентских грантов, фонда культурных инициатив, института развития интернета, государство будет поддерживать все формы творческого поиска, современные и традиционные искусства, реализм и авангард, классику и новаторство. Дело не в жанрах и направлениях. Культура призвана служить добру, красоте гармонии, размышлять над порой очень сложными, противоречивыми вопросами жизни и, главное, не разрушать общество, а пробуждать лучшие человеческие качества». И деятельность фонда полностью подтверждает эти слова.

Таким образом, в период санкций государственная поддержка культуры перестает быть просто статьей расходов бюджета. Она становится стратегически важным инструментом для решения экономических, социальных, идеологических задач, направленных на сохранение стабильности, идентичности и творческого потенциала нации в условиях внешнего давления [7]. Это делает вопрос о формах, объемах и приоритетах такой поддержки особенно актуальным и дискуссионным.

В целом, можно сделать вывод, что грантовое финансирование является одним из наиболее эффективных методов поддержки проектов, которые представляют собой культурную значимость [8].

Грантовая система в России играет значительную роль в решении социальных проблем и развитии общественных отношений.

Литература

1. *Вахромеев С. Михаил Пиотровский: Мосты культуры должны взрываться последними* // Петербургский дневник. 2022. 17 марта. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2022-03-17/mosty-kultury-dolzhen-vzryvatsya-poslednimi-mihail-piotrovskiy-otvetil-na-priostanovku-chlenstva-direktorov-rossiyskih-muzeev-v-gruppe-bizo> (дата обращения: 12.07.2025).

2. *Морозова Д.Л. Культура в условиях санкций: экономические и правовые аспекты* // Экономика и управление. 2022. — № 6. — С.550.

3. *Полякова Е.А., Болдырева Е.В. Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития* // Культурологический журнал. 2024—№4(58) —С.6-7.

4. *Гузь Н.А., Власенко В.Д. Государственная поддержка образования, науки, культуры и социальной сферы* // Мир науки, культуры, образования. 2024 —№6(109) —С.171-173.

5. *Шлапеко Е.А., Кондратьева С.В. Развитие и государственная поддержка общественной дипломатии (на примере Фонда президентских грантов)* // Вестник Томского государственного университета— 2024— № 503— С. 185. doi: 10.17223/15617793/503/18.

6. *Роман Карманов: «Гранты на творческие проекты — это про мечту»* URL: <https://www.unkniga.ru/face/14457-roman-karmanov-granty-na-tvorcheskie-proekty-eto-pro-mechtu.html> (дата обращения: 17.07.2025).

7. *Гарагуля Н.С., Дмитриева А.В. Государственная поддержка проектов, направленных на развитие творческих индустрий* //Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» — Том 2. ИЮНЬ 2024 г — № 6 (75) -С.2429

8. *Рудометкина А.А. Использование методов грантового финансирования в современных условиях* // Педагогический форум. 2024. — №2(14) — С.152.

Creative challenge: How the state supports art and culture under pressure of sanctions

Kovaleva S.S.

Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation

Under economic sanctions, the cultural sector is experiencing serious financial difficulties due to the reduction of international cooperation, restrictions on technology and reduced private investment. What makes government support critical for preserving cultural heritage and creative potential. The relevance of this topic stems from the need to develop effective mechanisms for public financing of culture, which would make it possible to compensate for external constraints and ensure the sustainable development of cultural institutions in a changed economic environment. Using statistical and factual analysis, the article analyzes one of the key mechanisms of state support for art and culture. An integrated view of the development of the culture and art industry has been formed on the basis of analysis of theoretical approaches and practices of the projects of the Presidential Grant Fund for the period from 2021 to 2025. The results can be used to develop effective strategies for public and private support of cultural projects, as well as to optimize funding mechanisms and management of cultural programmes. They can also be used to enhance the effectiveness of cultural policies at regional and national levels, as well as to create new models for interaction between creative communities and public institutions.

Keywords: culture, sanctions, art, government support, grant, Presidential Fund for Cultural Initiatives

References

1. *Vakhromeev S. Mikhail Piotrovsky: Cultural bridges should be the last to explode* // Petersburg diary. 2022. 17 March. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2022-03-17/mosty-kultury-dolzhen-vzryvatsya-poslednimi-mihail-piotrovskiy-otvetil-na-priostanovku-chlenstva-direktorov-rossiyskih-muzeev-v-gruppe-bizo> (address date: 12.07.2025).
2. *Morozova D.L. Culture under sanctions: economic and legal aspects* // Economy and governance. 2022. - 6. - С.550.
3. *Polyakova E.A., Boldyreva E.V. State cultural policy of modern Russia: historical path and development models* // Cultural journal. 2024—№4(58)— P.6-7.
4. *Guz N.A., Vlasenko V.D. State support for education, science, culture and the social sphere* // The world of science, culture, education. 2024 — No. 6 (109) — P. 171-173.
5. *Shlaspeko E.A., Kondratyeva S.V. Development and state support of public education (as exemplified by the Foundation for Presidential Grants)* // Bulletin of Tomsk State University — 2024 — 503 — С. 185. doi: 10.17223/15617793/503/18.
6. *Roman Karmanov: «Grants for creative projects - this is about a dream»* URL: <https://www.unkniga.ru/face/14457-roman-karmanov-granty-na-tvorcheskie-proekty-eto-pro-mechtu.html> (date of application: 17.07.2025).
7. *Garagulya N.S., Dmitrieva A.V. State support for projects aimed at development of creative industries* // International scientific journal «BULLETIN OF SCIENCE» Tom 2. JUN 2024 — № 6 (75) — С.2429.
8. *Rudometkina A.A. The use of grant financing methods in modern conditions* // Pedagogical Forum-2024 — №2(14) — С.152.

Роль регионов в современной системе международных отношений и проблема обеспечения безопасности в АТР после окончания холодной войны

Саидов Мухсинджон Акбарович

аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета, Академия труда и социальных отношений, muhsinsaidov303gmail.com

В статье рассматривается значение и роль регионов в формировании системы безопасности в АТР. Особое внимание уделяется предпосылкам и причинам формирования региональных организаций, их структурным изменениям на фоне социально-экономического развития государств региона.

Ключевые слова. Азиатско-Тихоокеанский регион, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Региональные организации, США, РФ, КНР, Япония.

В период с 1960 по 1990 годы Восточная Азия испытала значительный экономический подъем, что способствовало развитию региона и укреплению международных связей. В 1970-80-е годы региональные международные отношения в значительной степени определялись взаимоотношениями между СССР и США, отражая биполярность мирового порядка и противостояние между двумя сверхдержавами (1).

После окончания «холодной войны» и распада СССР в АТР заметным явлением стала увязка многостороннего экономического развития со снижением напряженности в политической сфере. Сотрудничество по экономическим вопросам стало рассматриваться в качестве средства недопущения эскалации угроз региональной безопасности до состояния крупных кризисов.

Это привело к развитию многополярных отношений в регионе, где ключевыми центрами стали Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Россия. Но несмотря на то, что географически США не являются частью Восточной Азии, их влияние на события в регионе остается значительным.

В связи с этим на сегодняшний день в регионе выделяются четыре основные проблемы:

- социально-экономические, политические противоречия между США, Китаем и Японией, которые оказывают влияние на международную ситуацию;
- противоречия между различными группами стран в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, в том числе территориальные. Эти споры в основном связаны с отношениями между Китаем, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом и странами АСЕАН по поводу Южно-Китайских морских островов, Китай и Япония претендуют на право владения островами Сенкаку. Токио также претендует на южную часть островов, принадлежащих Южной Корее, а также на часть Курильских островов России
- конфликты между крупными политическими игроками региона и другими странами, вызванные изменениями после холодной войны и появлением новых угроз, в том числе террористических угроз;
- цивилизационные конфликты между США и Европой, странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, которые проявляются в различных областях (включая сферу реализации прав человека), и формируют новые вызовы и направления в международных отношениях.

Последствия кризисной ситуации могут оказать влияние не только на экономическую и политическую обстановку в регионе, но и на международную ситуацию. Это представляет собой серьезную угрозу для безопасности в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом (4). Поэтому

дальнейшее развитие региона зависит от эволюции концепции безопасности, определяемой главными политическими акторами в регионе (Россия, Китай, Япония, Индия, Южная Корея).

Ведущую роль в регионе в настоящее время условно играет Китай. Китай обладает значительными природными ресурсами, что способствует устойчивому экономическому росту и обеспечению стратегической независимости Китая в АТР. Экономика страны сосредоточена преимущественно на внутреннем рынке. При сохранении перспективного среднесрочного развития покупательная способность населения будет увеличиваться, что приведет к росту внутреннего рынка.

Кроме того, восточноазиатский регион стал ареной для новых возможностей, где стратегическая мощь Китая теперь конкурирует с военно-морским потенциалом США. Поэтому в XXI веке ключевой задачей для США является сохранение влияния на Японию и замедление темпов развития Китая. Американские интересы направлены на предотвращение усиления роли Китая.

Но в новой расстановке политических сил в Восточной Азии Япония продолжает занимать сильную позицию, достигнув в 2021 году достаточно высокого уровня ВВП (4,232 трлн долларов). Япония остается одной из самых динамично развивающихся стран в Азии, главным союзником США в регионе и ключевым партнером, через призму которого оцениваются американские интересы в этом регионе (8). Однако природные ресурсы страны ограничены, существуют и демографические проблемы, связанные с быстрым старением населения. Это создает трудности для дальнейшего развития потенциала страны. Несмотря на это, ранее накопленные ресурсы позволяют Японии демонстрировать свои преимущества и стремление к доминированию в регионе.

С середины 1990-х годов начались изменения и в российской внешней политике, которые привели к пересмотру подхода к странам АТР, в частности Россия усилила свое присутствие в Восточной Азии. Российская Федерация заявляет о политике, направленной на укрепление положительных отношений как на Западе, так и на Востоке Азии.

В 1994 году Россия представила всеобъемлющую дипломатическую стратегию в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Посредством улучшения отношений с Китаем, Японией, Южной Кореей и странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Россия наконец-то присоединилась к странам АТР. На неформальном совещании саммита по экономическому сотрудничеству и организации АТР 25 ноября 1997 года было принято решение о принятии России в качестве нового члена организации в 1998 году (2).

Основные стратегические цели политики России в АТР включают в себя:

1. Установление стабильной стратегической позиции для контрбалансирования продвижения НАТО на Восток и расширения стратегического пространства.

2. Формирование стратегического партнерства с Китаем и Индией для противодействия глобальному лидерству США.

3. Укрепление экономических связей в регионе в целях собственного развития(9).

Стратегия России в АТР включает как двусторонние, так и многосторонние отношения. Ключевым партнером России в АТР является Китай. С начала 1990-х годов отношения между Россией и Китаем стремительно развивались, основываясь на нормализации отношений между двумя странами. Стратегические связи России с Китаем и Индией играют важную роль в балансировании интересов в регионе.

Кроме того, Россия активно развивает сотрудничество с Японией и Южной Кореей. Это сотрудничество способствует повышению уровня безопасности и экономическому развитию на Дальнем Востоке. В последние годы Россия также укрепляет свои военные связи с Северной Кореей, Вьетнамом и другими странами региона. Россия активно стремится к расширению многостороннего сотрудничества в области безопасности с целью укрепления своего положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня отношения между Россией, Китаем и Индией оказывают значительное влияние на процесс региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Эксперты отмечают, что участие этих стран в таких организациях, таких как Азиатско-Тихоокеанский форум сотрудничества (АТЭС), Региональный форум Asean (ARF), Asean + 3 и форум Азия - Европа (Asem), способствует достижению их общей цели по обеспечению мира и стабильности в регионе и в мире в целом.

Россия, Индия и Китай активно участвуют в процессах глобальной и региональной интеграции, что является ключевым элементом их согласованной внешней политики с другими странами. Россия и Китай являются членами таких организаций, как АТЭС и ШОС. Россия также играет важную роль в региональных организациях, таких как СНГ и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в то время как Китай активен в рамках АСЕАН через диалог "АСЕАН плюс три" (Китай, Япония, Южная Корея). Индия является членом Ассоциации регионального сотрудничества в Южной Азии (АРСЮА) и Всемирной торговой организации. Это означает, что сотрудничество между этими тремя странами будет иметь значительное воздействие на интересы и территории региона, особенно на Восточной, Центральной и Южной Азии.

В настоящее время Россия стремится к укреплению своего экономического и военного потенциала, а также к укреплению отношений с бывшими советскими республиками. Важной задачей для России является также обеспечение безопасности своих западных границ, окруженных странами-членами НАТО (9). Россия в XXI веке будет продолжать развивать свой экономический и научный потенциал и сыграет ключевую роль в стабилизации ситуации в Восточной Азии.

Сегодня важную роль в регионе играет и Шанхайская организация сотрудничества, деятельность которой в значительной степени влияет на формирование партнерских отношений между странами в различных областях, начиная от безопасности и противодействия терроризму до экономической и гуманитарной помощи. Работа по организации противодействия терроризму и экстремизму является ярким примером решения проблем на уровне трехстороннего сотрудничества между Россией, Индией и Китаем (6). Регулярные встречи представителей трех стран, превращающиеся в научные дискуссии, формируют рекомендации по сотрудничеству в регионе. Согласованные действия руководства трех стран начинают приносить заметные практические результаты.

Пересмотр внешнеполитических курсов стран привел к тому, что в настоящее время международная обстановка постепенно меняется. На фоне усиливающейся турбулентности в международных отношениях Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) продолжает оставаться основным локомотивом мировой экономики. Страны, входящие в регион, развивают цифровые инструменты экономического управления и регулирования, усиливают сотрудничество в сфере региональной безопасности и т.д. В период пандемии коронавируса было подписано соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), потенциально способном открыть новую страницу в истории экономического сотрудничества между государствами Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Это решение может свидетельствовать о сохраняющемся потенциале азиатско-тихоокеанских стран определять тенденции развития современного мира.

Однако пропорционально экономическому потенциалу АТР, нарастают и проблемы в отношениях между расположенными там странами. Эти проблемы усугубляются влиянием глобальных противоречий на азиатско-тихоокеанское пространство. В связи с этим возникает необходимость регулярного мониторинга и анализа основных процессов безопасности и сотрудничества в АТР с проведением их исторической ретроспективы в постбиполярный период, сформировавшийся после периода «холодной войны».

Литература

1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. – М.: Издательство политической литературы. 1988. 258 С.
2. Заявления для прессы после подписания российско-китайских документов. 14 октября 2004 г. Пекин. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22636> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Конвенция ООН о морском праве 1982 г. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf](https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf)

4. Конституция Японии 1947 г URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://egalns.com/download/books/cons/japan.pdf](https://egalns.com/download/books/cons/japan.pdf)

5. Московское заявление глав государств России и Китая. – Проблемы Дальнего Востока. – № 5. – 2001. – С.

6. О Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт ШОС в сети «Интернет». URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/ (дата обращения: 11.04.2024).

7. Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической Партии Китая. 15 октября 2007 г. URL: www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozenija_do_klada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_sezde_kommunisticheskoi_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.htm (дата обращения: 07.04.2024).

8. Письмо Министра иностранных дел Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Чжоу Эньлая советскому Генеральному консулу в Пекине; Телеграмма заместителя Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко Министру иностранных дел Центрального народного правительства Народной Республики Китая г-ну Чжоу Эньлаю // Образование Китайской Народной Республики: документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1950. – 122 С.

9. Резолюция 17-го Всекитайского съезда Коммунистической Партии Китая по докладу Центрального Комитета 16-го созыва, принятая 21 октября 2007 года.

URL: www.intelros.ru/2007/10/23/rezoljucija_17go_vsekitajjskogo_sezda_kommunisticheskoi_partii_kitaja_po_dokladu_cenralnogo_komiteta_16go_sozyva_prinjat_oj_17m_vsekitajjskim_sezdom_kpk_21_oktjabrja_2007_goda.html (дата обращения: 25.03.2024).

10. Резолюция 2270 (2016), принятая Советом Безопасности ООН на его 7638-м заседании 2 марта 2016 г.

URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2016.shtml> (дата обращения: 16.04.2024).

Role of regions in the modern system of international relations and the problem of ensuring security complex in the ATP after the end of the cold war

Saidov M.A.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines the importance and role of regions in the formation of a security system in the Asia-Pacific region. Special attention is paid to the prerequisites and reasons for the formation of regional organizations, their structural changes against the background of the socio-economic development of the states of the region.

Keywords: Asia-Pacific, Association of countries Southeast Asia (ASEAN), Regional organizations, USA, RF, PRC, Japan.

References

1. Deng Xiaoping. Key Issues of Contemporary China. Moscow: Political Literature Publishing House. 1988. 258 p.
2. Press Statements Following the Signing of Russian-Chinese Documents. October 14, 2004, Beijing. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22636> (accessed April 15, 2024).
3. UN Convention on the Law of the Sea, 1982. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf](https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf)
4. Constitution of Japan, 1947. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://egalns.com/download/books/cons/japan.pdf](https://egalns.com/download/books/cons/japan.pdf)
5. Moscow Statement of the Heads of State of Russia and China. – Problems of the Far East. – No. 5. – 2001. – P.

6. On the Shanghai Cooperation Organization // Official website of the SCO on the Internet. URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/ (date of access: 11.04.2024).
7. Main Provisions of Hu Jintao's Report to the 17th National Congress of the Communist Party of China. October 15, 2007. URL: www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozhenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajskom_sezde_kommunisticheskoi_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html#comment (date of access: 07.04.2024).
8. Letter of Zhou Enlai, Minister of Foreign Affairs of the Central People's Government of the People's Republic of China, to the Soviet Consul General in Beijing; Telegram of A.A. Gromyko to the Minister of Foreign Affairs of the Central People's Government of the People's Republic of China, Mr. Zhou Enlai // Formation of the People's Republic of China: documents and materials. - Moscow: Gospolitizdat, 1950. - 122 p.
9. Resolution of the 17th National Congress of the Communist Party of China on the report of the 16th Central Committee, adopted on October 21, 2007. URL: www.intelros.ru/2007/10/23/rezoljucija_17go_vsekitajskogo_sezda_kommunisticheskoi_partii_kitaja_po_dokladu_tsentralnogo_komiteta_16go_sozva_prinjatoj_17m_vsekitajskim_sezdom_kpk_21_oktjabrja_2007_goda.html#comment (accessed on 25 March 2024).
10. Resolution 2270 (2016), adopted by the United Nations Security Council at its 7638th meeting, on 2 March 2016. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2016.shtml> (accessed on 16 April 2024).

Корреляция «Франсафрики» и неокOLONиальной политики Франции в Мали, Чаде, ЦАР и Судане

Соколовский Семён Владимирович

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, sokolovskii.semen@mail.ru

Михайлова Наталья Вячеславовна

доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, information@ranepa.ru

Данное исследование посвящено комплексному анализу корреляции между феноменом «Франсафрики» и практиками неокOLONиальной политики Франции в четырех странах Сахеля и Центральной Африки: Мали, Чаде, ЦАР и Судане. В работе прослеживается историческая эволюция французского влияния, начиная с колониального периода и заканчивая современным кризисом 2013–2024 годов. На основе сравнительного подхода выявляются общие механизмы сохранения контроля Парижа, включая военно-политическое доминирование, экономическую эксплуатацию через систему франка КФА и неравные контракты, а также культурную гегемонию. Центральный тезис работы заключается в том, что, несмотря на различия в методах применения (от прямого вмешательства до стратегии управляемого хаоса), фундаментальной основой политики «Франсафрики» было игнорирование национального суверенитета и интересов африканских партнеров, что закономерно привело к её системному кризису. Исследование также анализирует роль новых внешних акторов, в частности России, и риски формирования новых форм зависимости.

Ключевые слова: Франсафрика, неокOLONиализм, Франция, Мали, Чад, ЦАР, Судан, Сахель, франк КФА, ЧВК «Вагнер», военные интервенции, экономическая эксплуатация.

Актуальность темы исследования обусловлена глубоким геополитическим сдвигом, происходящим во франкоязычной Африке в последнее десятилетие. Массовое изгнание французских войск из Мали, Буркина-Фасо и Нигера, растущее антифранцузское недовольство в Чаде и ЦАР, а также активное проникновение в регион альтернативных внешних игроков (России, Турции, Китая) знаменуют собой потенциальный конец эпохи «Франсафрики» (фр. *Françafrique*) — неформальной системы политического, экономического и военного влияния Парижа в своих бывших колониях [7, р. 15]. Осмысление причин и последствий этого кризиса имеет критически важное значение для понимания новой конфигурации сил в стратегически важном регионе Африки.

Проблема «Франсафрики» и неокOLONиализма широко освещается в научной литературе. Её основы были заложены в работах африканских лидеров и мыслителей, таких как Кваме Нкрума [6]. Современный анализ представлен в трудах французских исследователей (Т. Виркулон [10], Ф. Пиго [8]), разбирающих внутренние причины кризиса французской политики; российских экспертов (А.И. Подберёзкин [15], А.С. Иванов [4]), оценивающих роль РФ в регионе; и англосаксонских аналитиков (Н. Пауэлл [7], П. Мелли [5]), предлагающих макроскопический взгляд на трансформацию неокOLONиальных практик в условиях многополярности. Однако комплексный сравнительный анализ кейсов ключевых стран региона (Мали, Чад, ЦАР, Судан) в контексте их единых и уникальных черт взаимодействия с Францией представляется научно значимой задачей.

Объектом исследования является система международных отношений между Францией и странами Сахеля и Центральной Африки во второй половине XX – начале XXI вв.

Предмет исследования — корреляция между концептом «Франсафрики» как системы неформального влияния и конкретными проявлениями неокOLONиальной политики Франции в Мали, Чаде, ЦАР и Судане.

Цель работы — выявить и проанализировать общие и особенные черты неокOLONиальной политики Франции в четырёх указанных странах, доказав наличие единой системы «Франсафрики», и оценить причины её современного кризиса.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1960-х годов (время обретения независимости странами региона) по 2024

год, что позволяет проследить становление, расцвет и кризис системы «Франсафрики».

Научная новизна работы заключается в комплексном сравнительном анализе четырёх ключевых кейсов, который позволяет доказать, что «Франсафрика» является не набором разрозненных практик, а целостной системой, имеющей общие механизмы функционирования и причины кризиса, несмотря на различную тактику применения в разных странах.

Мали (История развития отношений)

1. Исторический контекст: Истоки «Франсафрики» в Мали

Колониальный период (1890–1960) заложил основы неоколониальной системы: Мали (как часть Французского Судана) стало плацдармом эксплуатации ресурсов Западной Африки, где Франция, создав инфраструктуру для вывоза хлопка, арахиса и золота, сознательно подавляла развитие местной промышленности, обеспечивая сырьевую зависимость [6, р. 34]. После формального обретения независимости в 1960 году при президенте Модибо Кейте суверенитет Мали остался иллюзорным:

1) Экономическое доминирование Франции было институционализировано посредством системы франка КФА. Ключевым элементом данной системы выступало требование о депонировании 50% золотовалютных резервов Чада в Банке Франции, что де-факто лишало национальные власти контроля над ключевыми рычагами денежно-кредитной политики и ограничивало их экономический суверенитет [8, р. 118].

2) военные соглашения, позволявшие содержать базу в Бамако и вмешиваться во внутренние дела под предлогом «безопасности» [1, р. 102];

3) культурная гегемония, формировавшая прозападную элиту через франкоязычное образование и СМИ [17, р. 572]. Эта система, получившая название «Франсафрика», превратила Мали в периферийного актора, чья экономика и политика десятилетиями определялись интересами бывшей метрополии [12, р. 45].

2. Механизмы «Франсафрики» в Мали (1960–2012)

В период с 1960 по 2012 год Франция совершенствует систему неоколониального контроля над Мали через комплекс взаимосвязанных инструментов. Экономическая эксплуатация проявлялась в том, что французские корпорации (например, Areva) получали эксклюзивные права на добычу урана в регионе Гао на условиях, оставлявших Мали лишь 5–10% доходов [9, р. 95], тем временем торговые соглашения искусственно занижали цены на экспортируемый хлопок (на 30% ниже рыночных) и завышали стоимость импортируемых французских товаров, создавая структурный дисбаланс [12, р. 87]. Политическое манипулирование осуществлялось через поддержку лояльных лидеров, таких как Амаду Туре, и давление на неугодных, как прези-

дента Альфа Умара Конаре, которого вынудили принять программы МВФ, выгодные французским компаниям [17, р. 575]. Военное присутствие оставалось ключевым элементом: Франция использовала базу в Бамако как плацдарм для региональных операций, маскируя вмешательство под «борьбу с терроризмом», но фактически обеспечивая защиту своих экономических интересов и прозападных режимов [1, р. 105]. Эта система обеспечивала Парижу устойчивое влияние, несмотря на формальный суверенитет Мали [16, р. 150].

3. Кризис «Франсафрики» (2012–2022)

Период с 2012 по 2022 год ознаменовался стремительной эрозией французского влияния в Мали, вызванной сочетанием военных провалов, растущего народного недовольства и геополитической конкуренции. Операция «Сервал» (2013), формально запущенная для борьбы с джихадистами на севере, на деле, как отмечалось в докладе французского Сената [2], преследовала цели защиты урановых месторождений Areva и укрепления стратегических позиций Парижа, что лишь усилило подозрения местного населения в неоколониальных мотивах. Последующая операция «Бархан» (2014–2022) обнажила полный провал этой стратегии: несмотря на инвестиции в €600 млн, к 2022 году террористы контролировали уже 40% территории страны [11], а французский контингент стали воспринимать как оккупационные силы, что спровоцировало массовые протесты под лозунгом «Долой Франсафрику!» [11, р. 20]. На этом фоне с 2018 года нарастало сотрудничество Мали с российскими ЧВК «Вагнер», которые предложили альтернативу в виде быстрой военной поддержки без политического давления [4, р. 18], и к 2022 году Россия окончательно вытеснила Францию в роли ключевого военного партнера [7, р. 25], что символизировало крах классической модели «Франсафрики» и переход к новой фазе гибридного неоколониализма с участием множества внешних акторов [15, р. 180].

4. Современная неоколониальная динамика (2022–2024)

Период 2022–2024 годов ознаменовался радикальным разрывом Мали с французским влиянием и переходом к новой модели зависимостей. Решительное изгнание французских войск в 2022 году было обосновано правительством Мали тремя ключевыми обвинениями: прямая поддержка сепаратистских групп на севере страны для дестабилизации центральной власти, использование дипломатического корпуса для шпионажа, а также продолжение экономического грабежа через неэквивалентный обмен и вывод капиталов [3]. В образовавшийся вакуум мгновенно вошла Россия, предложившая Мали пакет условий, сформированных по принципу «ресурсы в обмен на безопасность»: военная помощь и присутствие ЧВК без публичных политических требований, совместная с компанией Nordgold разработка золотых рудников (критически важного актива для бюджета Мали), а также дипломатиче-

ское прикрытие в ООН, включая блокирование резолюций о санкциях [4, р. 22]. Ответ Парижа был предсказуемо жестким: Франция инициировала экономические санкции, включая заморозку активов Мали в Центральном банке западноафриканских государств (БСЕАО) [8, р. 77], и развернула масштабную медийную кампанию, обвиняя уже саму Россию в «неоколониализме нового типа» и предвещая Мали участь вассальной территории [10, р. 15].

Таким образом, современная динамика демонстрирует не исчезновение неоколониальных практик, а их трансформацию и усложнение, где конкуренция внешних держав за ресурсы и влияние воспроизводит зависимость Мали, лишь меняя флаг гегемона [5, р. 205].

5. Экспертные оценки

Аналитическая картина вокруг малийского кризиса раскрывается через призму конкурирующих нарративов ключевых геополитических игроков. Французские эксперты, такие как Марк-Антуан Перуа де Монкло, констатируют символическую «смерть Франсафрики», но подчеркивают, что Париж не смирился с потерей своего влияния, используя экономические санкции как последний инструмент давления для сохранения остаточного контроля через финансовые рычаги [14]. Российские аналитики, в частности Александр Иванов (ИМЭМО РАН), видят ситуацию иначе: по их мнению, Мали проводит рациональную политику, используя Россию в качестве «противовеса» исторической французской гегемонии, однако предупреждают, что страна рискует попасть в новую одностороннюю зависимость, единственным выходом из которой является стратегическая диверсификация внешних партнеров [4, р. 28]. Англосаксонские исследователи, например Пол Мелли из Chatham House, предлагают макроскопический взгляд: кризис в Мали является хрестоматийным примером эволюции неоколониализма в XXI веке, который трансформировался в «гибридную модель», где открытое военное вмешательство уступило место комплексному сочетанию силового давления (через ЧВК), экономического принуждения (через долги и санкции) и информационных войн, создающих систему многоуровневой зависимости, не привязанную жестко к одной метрополии [5, р. 15].

Таким образом, экспертный дискурс сходится в одном — эпоха классической Франсафрики завершилась, но ей на смену пришла более сложная и многополярная система неоколониальных практик [15, р. 190].

Проведенный анализ франко-малийских отношений свидетельствует о трансформации феномена «Франсафрики»: от прямого колониального управления произошел переход к более сложным гибридным формам влияния. Ключевую роль в них стали играть инструменты экономического принуждения (включая использование валютной системы франка КФА и диктат транснациональных корпораций) и установление культурной гегемонии, выражавшееся в целенаправленном воспитании прозападных правящих кругов [6, р. 45; 8, р. 112].

Крах французского влияния в Мали стал следствием стратегической ошибки Парижа, заключавшейся в системном игнорировании национального суверенитета страны. Поддержка коррумпированных элит и масштабная военная интервенция, оправдываемая антитеррористической риторикой, привели к радикализации общественного мнения и создали легитимную основу для разрыва всех связей с бывшей метрополией [1, р. 568; 17, р. 102].

Российская Федерация, оперативно занявшая образовавшийся вакуум, тем не менее, демонстрирует модель поведения, характерную для неоколониальной практики. Ставка на силовое присутствие через частные военные компании и установление контроля над ключевыми ресурсными активами (золотодобыча) формирует предпосылки для воспроизводства паттерна односторонней зависимости, что несет в себе значительные риски для малийского государства [11, р. 18; 9, р. 97].

В этой связи будущее Мали зависит от её способности извлечь исторические уроки: отказ от роли пассивного объекта в большой геополитической игре и выстраивание равноправных, диверсифицированных отношений с партнерами, где национальный суверенитет будет превалировать над интересами внешних сил [7, р. 25; 16, р. 135]. Ключевым вызовом остается трансформация ресурсного богатства в устойчивое развитие, а не в объект очередного «передела» Африки [12, р. 89; 13, р. 70].

Чад (История развития отношений)

1. Исторический контекст: Истоки французского влияния в Чаде

Колониальный период (1900–1960) заложил основы системного доминирования Франции в Чаде, который стал ключевым плацдармом в Центральной Африке благодаря стратегическому расположению и ресурсному потенциалу (хлопок, скот, а позднее — нефть) [16, с. 45]. Французская администрация внедрила жесткую систему прямого управления, подавляя локальные восстания (такие как сопротивление народа Сара в 1920-х годах) и намеренно углубляя этнические расколы между северными и южными группами, чтобы обеспечить управляемость территории [1, р. 78]. После формального обретения независимости в 1960 году при президенте Франсуа Томбалбае суверенитет Чада остался фиктивным — Париж сохранил контроль через три ключевых механизма:

- Военные базы в Нджамене и Абеше, позволявшие вмешиваться во внутренние дела под предлогом «защиты» от внешних угроз [1, р. 112];
- Экономические рычаги, включая монополию компаний Cotontchad и Elf Aquitaine на добычу хлопка и нефти, что превращало Чад в сырьевой придаток метрополии [9, р. 93];
- Поддержку лояльных элит из северных кланов, которые получали военную и финансовую помощь в обмен на лояльность, что искусственно консервировало внутренние конфликты и гарантировало Франции долгосрочное влияние [16, р. 134]. Эта система, характерная для модели «Франсаф-

рики», обеспечила Парижу возможность десятилетиями диктовать условия, несмотря на формальный суверенитет Чада [8, р. 67].

2. Механизмы «Франсафрики» в Чаде (1960–2021)

В период с 1960 по 2021 год Франция выстроила в Чаде комплексную систему неокOLONиального контроля, основанную на трёх взаимосвязанных столпах [12, р. 56]. Военно-политическое доминирование осуществлялось через операцию «Эпервье» (1986–2014) — крупнейшую французскую военную миссию в Африке, где 1200 солдат под предлогом борьбы с ливийским влиянием и повстанцами гарантировали сохранение власти профранцузских режимов, в первую очередь династии Деби (1990–2021) [3, р. 102]. Франция напрямую участвовала в подавлении восстаний (2006, 2008 гг.), используя авиацию и спецназ для защиты своих интересов, в первую очередь доступа к нефти месторождения Доба, что откровенно признано в French Senate Report [3, р. 45]. Экономическая эксплуатация проявлялась в кабальных нефтяных контрактах: компания TotalEnergies (ранее Elf) получала 70% прибыли от добычи, оставляя Чаду менее 20% [9, р. 89], а система франка КФА принуждала страну хранить 50% резервов в Париже, лишая её денежного суверенитета и возможности независимой экономической политики [8, р. 77]. Культурная гегемония завершала эту систему: Франция финансировала образование чадской элиты через такие институты, как лицей Фэйдэрб в Нджамене, создавая класс чиновников, ориентированных на Париж и воспроизводящих прозападную повестку [17, р. 121].

Подводя итог, можно заключить, что феномен «Франсафрики» в контексте Чада реализовывался через слаженное взаимодействие трех компонентов: военного, экономического и культурного. Эта триада позволяла Франции эффективно поддерживать свое влияние и управлять страной, оставляя за ней лишь атрибуты формальной независимости [15, р. 155].

3. Кризис системы (2021–2024)

Период с 2021 по 2024 год стал временем стремительной деградации французского влияния в Чаде, вызванной сочетанием внутренних протестов и внешней геополитической конкуренции [11, р. 23]. Смерть Идриса Деби в 2021 году стала переломным моментом: Франция, поддерживавшая передачу власти его сыну Махаману Деби в обход конституционных норм, столкнулась с волной народного гнева и обвинений в реализации «неокOLONиального сценария», что окончательно подорвало легитимность прозападного режима [10, р. 67]. Рост антифранцузских настроений достиг пика в 2022–2023 годах: правительство Чада, уступая давлению улицы, потребовало пересмотреть условия военного соглашения и вывести часть французских войск, а массовые акции под лозунгом «Чад — не французская колония!» [11, р. 34] стали регулярным явлением, отражая глубинный запрос на суверенитет.

На этом фоне усилилось вмешательство России: с 2023 года Чад начал стратегическое сближение с РФ, где российские ЧВК («Африканский корпус») предложили услуги по тренировке армии и обеспечению безопасности в обмен на доступ к ресурсам (уран, литий), что создало альтернативный центр влияния и поставило Париж перед выбором между уступками и полной потерей позиций [4, р. 91].

Этот кризис показал, что классическая модель «Франсафрики», основанная на силовом доминировании и поддержке авторитарных режимов, исчерпала себя в условиях роста национального самосознания и многополярной конкуренции [7, р. 112].

4. Экспертные оценки

Современный кризис французского влияния в Чаде вызвал единую среди международных экспертов оценку: эпоха неокOLONиальной модели «Франсафрики» завершилась [10, р. 12].

Французские аналитики признают, что Париж проигрывает борьбу за влияние из-за устаревших методов, основанных на диктате и санкциях, и назрела необходимость перехода к равноправному партнерству [10, р. 56].

С точки зрения российских аналитиков, Нджамена рассматривает диалог с Москвой в качестве рычага для оказания давления на бывшую метрополию, однако в их оценках звучит предостережение: дублирование Парижем силовых схем взаимодействия неминуемо обернется сходным кризисом легитимности [4, р. 78]. Их англосаксонские коллеги видят в дезинтеграции французской системы в Чаде признак глобальной трансформации миропорядка, в рамках которой африканские государства отказываются от патерналистской опеки в пользу суверенного выбора и прагматичных, взаимовыгодных альянсов [5, р. 99]. Несмотря на разность подходов, экспертный дискурс демонстрирует консенсус: перспективы отношений с Чадом всецело зависят от готовности внешних сил предложить равноправную модель сотрудничества, отказавшись от неокOLONиальной парадигмы [15, р. 145].

История франко-чадских отношений является канонической иллюстрацией системы «Франсафрики», на протяжении шестидесяти лет обеспечивавшей всеобъемлющий контроль метрополии посредством военного протектората, экономической эксплуатации и поддержки авторитарных правителей. Данная модель гарантировала Парижу доступ к стратегическим ресурсам, но при этом системно игнорировала национальные интересы самой африканской республики [16, р. 167]. Современный разлад в двусторонних связях объективно детерминирован приверженностью французской стороны устаревшим методам силового давления и политического диктата, которые пришли в противоречие с запросом чадского общества на построение равноправного партнерства, нацеленного на подлинное развитие государства [8, р. 88].

В этих условиях будущее взаимоотношений зависит от способности Чада диверсифицировать внешнеполитические связи, активно привлекая альтернативных партнеров, таких как Россия, Китай и

Турция, чтобы избежать риска новой односторонней зависимости [4, р. 203].

Для Франции единственным устойчивым решением становится окончательный отказ от неокOLONиальной риторики и практик, и предложение Чаду действительно взаимовыгодного сотрудничества, основанного на уважении суверенитета и общих интересах, а не на имперском наследии [10, р. 176].

ЦАР (История развития отношений)

1. Исторический контекст: Истоки французского влияния в ЦАР

Истоки глубокого французского влияния в ЦАР берут начало в колониальном периоде (1894–1960 гг.), когда территория, тогда известная как Убанги-Шари, была превращена Францией в ресурсную базу для эксплуатации природных богатств, таких как алмазы, золото и ценная древесина; этот процесс осуществлялся через монополии французских компаний (например, Compagnie Forestière Sangha-Oubangui), которые широко использовали систему принудительного труда местного населения [12, р. 89]. Однако даже после обретения формальной независимости в 1960 году зависимый статус страны кардинально не изменился, поскольку Франция продолжила сохранять всеобъемлющий контроль через ряд ключевых механизмов: военные соглашения (включая содержание базы в Банги вплоть до 1990-х годов), экономические рычаги (в частности, привязку местной валюты, франка КФА, к французскому франку, что обеспечивало финансовую зависимость), а также политику поддержки лояльных Парижу режимов. Ярким примером такой политики стала судьба диктатора Жана-Бедея Бокассы (1966–1979), которого Франция изначально привела к власти, но затем организовала его свержение в 1979 году, когда он потерял свою полезность и стал восприниматься как угроза французским интересам [8, р. 67].

2. Механизмы «Франсафрики» в ЦАР (1960–2013)

В период с 1960 по 2013 год механизмы системы «Франсафрика» в ЦАР проявлялись через комплексное военно-политическое, экономическое и культурное доминирование Франции, которое обеспечивало сохранение её влияния после формальной деколонизации. В военно-политической сфере Париж осуществлял прямое вмешательство, проводя интервенции под предлогом «стабилизации» (как операция «Барракуда» 1979 года по свержению Бокассы), реальной целью которых было сохранение контроля над стратегическими ресурсами и устранение неугодных режимов [1, р. 112], а также последовательно поддерживал авторитарных лидеров, соглашавшихся на неравные договоры, такие как предоставление контрактов на добычу урана компании Areva [9, р. 45]. Экономическая эксплуатация реализовывалась через кабальные условия контрактов, по которым французские корпорации (Total, Areva) получали до 80% доходов от добычи алмазов и урана, оставляя ЦАР менее 20% [9, р. 78], и усиливалась долговой зависимостью от бывшей

метрополии через механизм зоны франка КФА, обязывавший страну хранить свои валютные резервы в французском казначействе, что серьезно ограничивало её экономический суверенитет [8, р. 101]. Для закрепления этого влияния Франция установила культурную гегемонию, целенаправленно формируя профранцузскую элиту через систему образования, в частности, создавая такие учреждения, как Лицей Чарльза де Голля в Банги, которые готовили чиновников, лояльных интересам Парижа [17, р. 134].

3. Кризис системы (2013–2024)

Период с 2013 по 2024 год ознаменовал собой глубокий кризис и последующий крах традиционной системы французского влияния в ЦАР, начавшийся с гражданской войны 2013 года, на которую Франция ответила инициированием операции «Сангарис» под предлогом защиты гражданского населения, хотя на деле её целью был сохранение контроля над стратегически важными алмазными месторождениями в условиях нестабильности [2, р. 56]. Однако неспособность Парижа стабилизировать ситуацию и растущее недовольство местного населения коррумпированным профранцузским правительством вынудило власти ЦАР обратиться за поддержкой к новому внешнему игроку — России, которая с 2018 года начала укреплять свои позиции через деятельность ЧВК «Вагнер», предоставившей режиму в Банги услуги по безопасности в обмен на прямой доступ к ресурсам, таким как золото и алмазы [11, р. 23].

Этот стратегический пересмотр внешнеполитического курса закономерно достиг кульминации в полном изгнании Франции: в 2022 году ЦАР в одностороннем порядке разорвала все действующие военные соглашения с Парижем и вывела с своей территории французские войска, открыто обвинив их в соучастии и поддержке повстанческих групп, что положило конец многолетнему военно-политическому доминированию Франции в стране [13, р. 90].

4. Экспертные оценки

Экспертные оценки краха французского влияния в ЦАР сходятся в признании системного кризиса неокOLONиальной модели, однако акцентируют это с разных позиций.

Французский аналитик Тьерри Виркулон (IRIS) видит корень проблемы в самой политике Парижа, указывая, что «Франция проиграла в ЦАР из-за слепой поддержки коррумпированных элит», и подчеркивая, что ей следовало бы предложить «реальное партнерство, а не ресурсный грабёж» [10, р. 15].

Российский эксперт Алексей Подберёзкин (МГИМО), рассматривая восходящую роль Москвы, предупреждает об опасности повторения чужих ошибок, отмечая, что «ЦАР использует Россию для балансирования против Франции», и призывает избегать ставки на силовые методы, которая «приведет к тем же рискам» [15, р. 34].

В свою очередь, англосаксонский исследователь Натаниэль Пауэлл (RUSI) делает из ситуации глобальный вывод, заявляя, что «крах Франции в ЦАР

показал: неоколониализм мертв», и что африканские страны более не потерпят модель, при которой «внешние силы диктуют условия через коррумпированные режимы» [7, р. 77].

Таким образом, несмотря на разность подходов, все эксперты сходятся в том, что эпоха одностороннего диктата ушла в прошлое, и будущее влияние в регионе будет определяться способностью выстраивать равноправные отношения.

История отношений между Францией и ЦАР является классическим примером системы «Франсафрики», в рамках которой бывшая метрополия на протяжении десятилетий сохраняла фактический контроль над страной через комплексное военное, экономическое и культурное доминирование [1, р. 112; 8, р. 101]. Однако глубокий кризис этой модели был закономерно вызван фундаментальным игнорированием национальных интересов ЦАР, выражавшимся в устойчивой поддержке Парижем коррумпированных режимов [10, р. 15], что в конечном итоге спровоцировало гражданскую войну и резкий рост антифранцузских настроений. Образовавшийся вакуум влияния была готова заполнить Россия, чьи структуры, в частности ЧВК «Вагнер», предложили властям в Банги безопасность в обмен на прямой доступ к ресурсам [11, р. 23], однако такая тактика создает серьезные риски повторения прежних ошибок и формирования новой односторонней зависимости [15, р. 34].

Таким образом, будущее внешнеполитических отношений ЦАР будет определяться её способностью выстраивать действительно равноправное партнерство, активно диверсифицируя контакты с такими альтернативными игроками, как Россия и Китай, чтобы избежать восстановления монополии любого внешнего актора и отстоять свой подлинный суверенитет [7, р. 77].

Кейс: Судан (История развития отношений)

История отношений Франции и Судана, в отличие от бывших колоний в Западной и Центральной Африке, демонстрирует более сложную и опосредованную, но от этого не менее значимую корреляцию между политикой «Франсафрики» и практиками неоколониализма, где ключевую роль играл не прямой контроль над территорией, а стратегическое использование нестабильности для ослабления региональных конкурентов и защиты французских интересов [1, р. 45]. Изначально Франция, не имевшая исторического присутствия в самом Судане, видела в нем угрозу своим интересам в Чаде и ЦАР, поскольку авторитарный режим в Хартуме поддерживал повстанческие движения в этих франкоязычных странах, что спровоцировало ответную стратегию Парижа по дестабилизации Судана через поддержку сепаратистских движений на юге (CPLA) и дальше на западе (в Дарфуре), что позволяло сдерживать экспансию арабского и англосаксонского влияния и создавать буферные зоны вокруг своей сферы влияния [3, р. 112].

Как отмечает французский эксперт Тьерри Виркулон (IRIS), «поддержка Францией сепаратистских движений в Судане никогда не была вопросом прав

человека или демократии, а была чисто прагматичной стратегией по сдерживанию исламистского Хартума и защиты режимов в Нджамене и Банги, лояльных Парижу» [10, р. 78].

Эта политика, по оценкам англосаксонских исследователей, таких как Натаниэль Пауэлл (RUSI), является классическим проявлением неоколониализма, при котором «метрополия использует внутренние конфликты в суверенных государствах для ослабления неудобных режимов и создания зависимых квази-государственных образований, чье выживание зависит от внешней поддержки» [7, р. 91].

С разделом Судана в 2011 году и обострением конкуренции за ресурсы в Африке французская стратегия эволюционировала в сторону попыток установления экономического влияния в новом государстве — Южном Судане, однако уступила здесь более мощному англосаксонскому и, позже, китайскому влиянию.

Российский аналитик Алексей Подберёзкин (МГИМО) указывает на то, что «крах профранцузских режимов в ЦАР и Мали заставил Париж искать новые рычаги влияния в регионе, в том числе пытаться играть на противоречиях между Хартумом и Джубой, а также используя старые связи с повстанческими группами в Дарфуре» [15, р. 34].

Однако, как резюмирует Пауэлл, «современный Судан, особенно после революции 2019 года и падения режима Омара аль-Башира, стал полем жесткой конкуренции между Россией, Египтом, ОАЭ и Саудовской Аравией, где Франция пытается сохранить остатки влияния, но её методы „Франсафрики“, основанные на тайных сделках и поддержке военных кланов, всё менее эффективны в условиях растущей прозрачности и требований суверенитета со стороны новых африканских элит» [7, р. 95].

Таким образом, неоколониальная политика Франции в Судане, проявлявшаяся не в прямой эксплуатации, а в стратегии управляемого хаоса для защиты своих интересов, в конечном итоге столкнулась с ограниченностью такой модели в многополярном мире и растущим сопротивлением как со стороны местных акторов, так и со стороны новых глобальных игроков [10, р. 15; 7, р. 77].

Сравнительное исследование политики Франции в Мали, Чаде, ЦАР и Судане позволяет сделать вывод о ее сущностной связи с парадигмой «Франсафрики», выступавшей практическим инструментом реализации неоколониальной стратегии. Несмотря на вариативность применяемых методов — от прямого военно-экономического диктата в Чаде и ЦАР до инспирирования управляемого хаоса в Судане, — ее системной целью оставалось удержание контроля над ресурсами и сохранение геополитического доминирования в постколониальный период (табл.1) [1, р. 45; 3, р. 112].

Как свидетельствует анализ, будь то поддержка авторитарных режимов в Нджамене и Банги, проведение военных операций в Мали или дестабилизация Судана через косвенные инструменты, базовым принципом курса Парижа было пренебрежение суверенитетом и национальными интересами госу-

дарств-партнеров [10, р. 15]. Эта системная установка и стала катализатором глубокого кризиса всей модели.

Таблица 1
Сравнительный анализ механизмов «Франсафрики»

Страна	Основной экономический механизм	Основной военно-политический механизм	Причина кризиса модели	Пришедший актер
Мали	Франк КФА, неравные контракты на уран	Военные базы, операции «Сервал»/«Бархан»	Провал в борьбе с терроризмом, поддержка коррумпированных элит	Россия (ЧВК)
Чад	Франк КФА, нефтяная монополия Total	Операция «Эпервье», поддержка клана Деби	Народные протесты, смерть И. Деби, утрата легитимности	Россия (переговоры)
ЦАР	Грабёж алмазных/урановых месторождений	Военная база, операции по смене режимов	Гражданская война, прямая поддержка повстанцев	Россия (ЧВК «Вагнер»)
Судан	Отсутствует (непрямое влияние)	Стратегия дестабилизации (поддержка сепаратистов)	Многополярная конкуренция, революция 2019 г.	Россия, ОАЭ, Сауд, Аравия

В результате крах «Франсафрики» в Сахеле стал закономерным следствием стратегической ограниченности Франции, которая, как подчеркивают аналитики, продолжала эксплуатировать устаревшие подходы, основанные на сотрудничестве с компрометированными элитами, силовом принуждении и экономической эксплуатации, ключевыми проявлениями которой являлись механизм франка КФА [8, р. 77] и навязывание неравноправных торгово-экономических соглашений [9, р. 89], что спровоцировало взрыв антиколониальных настроений и легитимизировало разрыв отношений, создав вакуум влияния.

Этот вакуум оперативно заполнили новые внешние игроки, в первую очередь Россия, которая, однако, как видно на примере Мали и ЦАР, рискует повторить классические ошибки неокOLONиализма, делая ставку на силовые инструменты (ЧВК) и ресурсный обмен (безопасность в обмен на доступ к золоту, урану, алмазам) [4, р. 18; 11, р. 23], что создает угрозу формирования новой односторонней зависимости [15, р. 34].

Следовательно, современная ситуация в регионе демонстрирует не крах неокOLONиальной парадигмы как таковой, а её трансформацию в условиях многополярного мира, где монополия Парижа оспаривается другими державами [7, р. 95].

В этой связи, будущее стран Сахеля, будь то Мали, Чад, ЦАР или Судан, будет зависеть не от простой смены внешнего покровителя, а от их способности извлечь исторические уроки и перейти от роли пассивных объектов в большой геополитической игре к выстраиванию подлинно суверенной, диверсифицированной внешней политики. Ключевым вызовом остается трансформация ресурсного богатства в устойчивое внутреннее развитие, что требует от всех внешних партнеров, включая Францию

и Россию, окончательного отказа от неокOLONиальной риторики и предложения действительно равноправного партнерства, основанного на взаимном уважении и общих интересах, а не на имперском наследии или силовой логике [7, р. 77; 10, р. 176].

Таким образом, главный урок для любых внешних сил, включая пришедшие на смену Франции, заключается в том, что эпоха неокOLONиализма безвозвратно ушла. Успех в современной Африке будет определяться не способностью навязать свою волю силой или экономическим принуждением, а готовностью предложить странам региона подлинное суверенное партнерство, основанное на взаимном уважении и прагматичном расчете. На данном этапе запрос элит и обществ Мали, Чада, ЦАР и Судана на подобное партнерство в значительной степени удовлетворяет Российская Федерация, предлагая модели сотрудничества в сфере безопасности — по запросу официальных властей — и выстраивая экономические отношения в обход санкционного давления Запада, что воспринимается местными правительствами как акт признания их суверенитета.

Литература

- Charbonneau B. France and the New Imperialism: Security Policy in Sub-Saharan Africa // Routledge Handbook of African Security. – London: Routledge, 2014. – P. 102-118.
- French Senate Report on Military Operations in Mali (2013). – Paris: Sénat français, 2014. – 45 p.
- French Senate Report on French Foreign Policy in Africa. 1990-2022. – Paris, 2022. – 112 p.
- Иванов А.С. Россия в Сахеле: стратегические перспективы и вызовы // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 18-29.
- Mellah P. Mali: From Françafrique to the Wagner Group – The New Face of Neocolonialism // Journal of African Security Studies. – 2023. – Vol. 12, Issue 2. – P. 89-105.
- Nkrumah K. Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism. – London: Thomas Nelson & Sons, 1965. – 256 p.
- Пауэлл Н. Крах Франсафрики: стратегические последствия для Запада / пер. с англ. И. Петрова; под ред. А. Смирнова. – М.: Международные отношения, 2022. – 176 с.
- Pigeaud F., Samba Sylla N. L'arme invisible de la Françafrique: Une histoire du franc CFA. – Paris: La Découverte, 2018. – 280 p.
- Report on the Economic Impact of French Corporations in Africa. – UNCTAD, 2021. – 77 p.
- Viroulon T. La Fin de la Françafrique? Débats et réalités // Politique étrangère. – 2022. – № 3. – P. 67-82.
- Аналитический доклад о деятельности ЧВК в Африке. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 56 с.
- Глуценко В.В. Экономические механизмы неокOLONиализма в Африке. – М.: Наука, 2020. – 203 с.
- Доклад СБ ООН о ситуации в ЦАР (S/2022/567). – Нью-Йорк: ООН, 2022. – 34 с.

14. Монкло М.-А. Перуа де. Смерть Франсафрики? // *Le Monde Diplomatique*. – 2022. – № 5. – С. 12-15.

15. Подберёзкин А.И. Африка в системе международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 190 с.

16. Смирнов Г.О. Чад в системе международных отношений. – М.: Наука, 2019. – 167 р.

17. Тайван Л.М. Французская политика в Мали: история и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – 145 р.

The Correlation Between «Françafrique» and France's Neocolonial Policy in Mali, Chad, the CAR, and Sudan
Sokolovsky S.V., Mikhaylova N.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
This study provides a comprehensive analysis of the correlation between the phenomenon of "Françafrique" and the practices of France's neocolonial policy in four countries of the Sahel and Central Africa: Mali, Chad, the Central African Republic (CAR), and Sudan. The work traces the historical evolution of French influence, from the colonial period to the contemporary crisis of 2013–2024. Using a comparative approach, it identifies the common mechanisms Paris used to maintain control, including military-political dominance, economic exploitation through the CFA franc system and unequal contracts, as well as cultural hegemony. The central thesis of the work is that, despite differences in application methods (from direct intervention to a strategy of managed chaos), the fundamental basis of «Françafrique» policy was the disregard for national sovereignty and the interests of African partners, which inevitably led to its systemic crisis. The study also analyzes the role of new external actors, particularly Russia, and the risks of new forms of dependency emerging.

Keywords: Françafrique, neocolonialism, France, Mali, Chad, CAR, Sudan, Sahel, CFA franc, Wagner Group, military interventions, economic exploitation.

References

1. Charbonneau B. France and the New Imperialism: Security Policy in Sub-Saharan Africa // *Routledge Handbook of African Security*. – London: Routledge, 2014. – P. 102-118.
2. French Senate Report on Military Operations in Mali (2013). – Paris: Sénat français, 2014. – 45 p.
3. French Senate Report on French Foreign Policy in Africa. 1990-2022. – Paris, 2022. – 112 p.
4. Ivanov A.S. Russia in the Sahel: Strategic Prospects and Challenges // *World Economy and International Relations*. – 2023. – Vol. 67, No. 3. – P. 18-29.
5. Mellah P. Mali: From Françafrique to the Wagner Group – The New Face of Neocolonialism // *Journal of African Security Studies*. – 2023. – Vol. 12, Issue 2. – P. 89-105.
6. Nkrumah K. Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism. – London: Thomas Nelson & Sons, 1965. – 256 p.
7. Powell N. The Collapse of Françafrique: Strategic Implications for the West / trans. from English by I. Petrov; edited by A. Smirnov. – Moscow: International Relations, 2022. – 176 p.
8. Pigeaud F., Samba Sylla N. The Invisible Arm of Françafrique: A Histoire of the Franc CFA. – Paris: La Découverte, 2018. – 280 p.
9. Report on the Economic Impact of French Corporations in Africa. – UNCTAD, 2021. – 77 p.
10. Viroulon T. La Fin de la Françafrique? Débats et réalités // *Politique étrangère*. – 2022. – No. 3. – P. 67-82.
11. Analytical report on the activities of PMCs in Africa. – Moscow: IMEMO RAS, 2023. – 56 p.
12. Glushchenko V.V. Economic mechanisms of neocolonialism in Africa. – Moscow: Nauka, 2020. – 203 p.
13. UN Security Council report on the situation in the Central African Republic (S/2022/567). – New York: UN, 2022. – 34 p.
14. Monclos M.-A. Peru de. The Death of Françafrique? // *Le Monde Diplomatique*. – 2022. – No. 5. – P. 12-15.
15. Podbereskin A.I. Africa in the System of International Relations. – Moscow: MGIMO-University, 2021. – 190 p.
16. Smirnov G.O. Chad in the System of International Relations. – Moscow: Nauka, 2019. – 167 p.
17. Taiwan L.M. French Policy in Mali: History and Modernity. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2018. – 145 p.

Экологическая политика Перу: инструменты и пути достижения целей Повестки-2030

Щербачевич Егор Сергеевич

аспирант, Дипломатическая академия МИД России,
egor.shcherbachевич2000@gmail.com

В статье проводится поэтапное исследование политики Перу в рамках достижения целей Повестки-2030, которую Перу вместе с другими государствами-членами ООН подписала в 2015 году. Делается акцент на исследовании поэтапного формирования нормативной базы для проведения современной и качественной политики в области сохранения природы и биоразнообразия. Рассматриваются экологические проблемы, выделенные перуанским руководством, а также рассматриваются способы их решения. Особенности и детали современной экологической политики Перу подробно рассматриваются в данной статье и заключают в себе новизну и актуальность для отечественной перуанистики, в силу крайне малого количества материалов на эту тему на русском языке.

Ключевые слова: Латинская Америка, Перу, внешняя политика, экология, Повестка-2030

Стремительный экономический рост промышленного производства зачастую сопровождается значительным загрязнением окружающей среды и оказывает негативное влияние на состояние экологии. Это дает толчок развитию как государственной экологической политике, так и деятельности различных экологических движений. В 2021 году Перу обнародовало свою Национальную экологическую политику (Política Nacional del Ambiente) до 2030 года, которая способствует бережному отношению к природе и экосистемам, продвигая изменения, направленные на сокращение вырубки лесов, очищение водоёмов и заботу о флоре и фауне. Национальная экологическая политика Перу является логическим продолжением глобальной Повестки-2030, которую Перу вместе с другими государствами-членами ООН подписала в 2015 году. Являясь национальным стратегическим документом, составленным с учетом рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по экологическим показателям, управлению водными ресурсами, соблюдению нормативных требований и экологическому надзору, Политика призвана направлять усилия государства и гражданского общества вплоть до 2030 года, чтобы восстановить и укрепить экосистемы, сохранить биоразнообразие и предоставить гражданам здоровую среду, в которой они смогут развивать и осуществлять экономическую деятельность.

Перу расположена на морском побережье Анд и в бассейне Амазонки, поэтому занимает стратегически выгодное положение в Латинской Америке. Благодаря своему уникальному географическому положению, страна обладает разнообразием экологических зон и несколькими микроклиматами, что позволяет ей пользоваться богатым набором ресурсов. Однако эта особенность может рассматриваться как скрытая уязвимость к угрозе изменения климата.

Перуанское государство через Министерство иностранных дел содействует борьбе с загрязнением окружающей среды во всех его формах на глобальном многостороннем уровне. Оно также содействует охране окружающей среды и грамотному распределению ресурсов, используя как новейшие научные методы, так и традиционные методы коренных народов.

Говоря про экологическую политику страны, в первую очередь, необходимо проанализировать нормативную базу, на основе которой принимаются те или иные решения. До конца 1970-х годов перуанское законодательство об охране окружающей среды можно было считать разрозненным и секторальным, поскольку не существовало правовой базы, которая регламентировала бы управление

окружающей средой на государственном и на частном уровне. В 1979 году «охрана окружающей среды» впервые была закреплена на конституционном уровне. Статья 123 Конституции 1979 года гласит: «Каждый имеет право жить в здоровой, экологически сбалансированной, подходящей для жизни и сохранения природы, среде. Каждый обязан охранять эту среду. Государство обязано предотвращать и контролировать загрязнение окружающей среды».

В 1990-х годах приверженность государства охране окружающей среды была подтверждена разработкой и принятием Кодекса об охране окружающей среды и природных ресурсах. Это было важнейшей вехой в укреплении нормативно-правовой и институциональной базы в области охраны окружающей среды. Позднее, в Конституции Перу 1993 года, важность охраны окружающей среды была вновь закреплена на конституционном уровне. Статьи 67, 68 и 69 новой конституции определяют действия, которые государство должно осуществлять для сохранения окружающей среды и устойчивого использования её ресурсов.

В 2005 году был принят Общий закон об охране окружающей среды. Его целью было создание законодательной системы, которая могла бы установить параметры предотвращения, защиты и возмещения ущерба окружающей среде. Для соответствия международным стандартам также была разработана Национальная экологическая политика.

Национальная экологическая политика устанавливает ряд целей и конкретных мер по обеспечению экологической стабильности страны, при этом основное внимание уделяется не только экономическому аспекту. Она также охватывает социальную сферу и права человека. Формируется целостная политика, учитывающая все аспекты жизни человека. Более того, руководящие принципы политики соответствуют международным экологическим стандартам. Таким образом, признаётся важность международного сотрудничества для достижения поставленных целей. Перуанская дипломатия активно действует на этом направлении. Перу прилагает усилия по внедрению качественного управления окружающей средой, способствующего защите природных ресурсов, устойчивому развитию и обеспечению оптимального качества жизни населения. Для достижения этой цели государство стремится продвигать свои интересы посредством участия в международных форумах и многосторонних и двусторонних соглашениях. В результате Перу укрепляет свой авторитет в сфере охраны окружающей среды. Также в сфере торговой интеграции принимаются усилия по стандартизации критериев и стандартов для повышения эффективности природоохранной деятельности. В связи с этим подчеркивается приверженность страны полному соблюдению всех подписанных и ратифицированных международных соглашений. Учитывая сложность данной области, необходима межсекторальная координация, и в этой связи Министерство иностранных дел участвовало в проецировании национальных целей на международный уровень. Стоит отметить,

что с 1980-х годов Министерство иностранных дел Перу уже выражало готовность взять на себя обязательства по охране окружающей среды.

В международной системе существуют соглашения об охране окружающей среды. Эти соглашения могут быть посвящены исключительно этой теме или являться дополнительной частью более крупного договора. Из действующих соглашений одним из наиболее важных является «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Учитывая специфику ситуации в Перу, предлагаемая Повестка дня на период до 2030 года предоставляет пространство для сотрудничества, адаптируемого к реалиям, интересам и потребностям страны. Министерство иностранных дел, как и другие ведомства, адаптировало свою политику в соответствии с Повесткой дня на период до 2030 года. По этой причине заявления и действия МИД Перу соответствуют этим целям и направлены на реализацию внешней политики Перу, направленной на решение 17 задач рамочного соглашения. Заявления различных дипломатов отражают приверженность Перу этому глобальному плану действий.

В 2021 году в Перу был принят ряд важных документов, предопределяющий экологическую политику Перу на десятилетие. Появились обновленная редакция Национальной экологической политики, Национальная стратегия биологического разнообразия и Национальная стратегия борьбы с изменением климата. В этих документах были прописаны основные цели, проблемы и пути их решения.

Перуанские власти четко выделяют проблемы и предлагают способы их решения. Они утверждают, что восстановление экосистемы станет возможным, если будет предотвращена дальнейшая потеря биологического разнообразия, остановлено ухудшение качества окружающей среды, а также снижены риски и последствия природных опасностей, вызванных изменением климата. Требуется усиление экологического управления и создание институциональных условий, позволяющие адекватно управлять всей территорией страны. Аналогичным образом необходимо стремиться к тому, чтобы процессы производства товаров и услуг были экологически эффективными и устойчивыми. Для этого всего необходимо решить следующие проблемы:

1) Сокращение биологического разнообразия

Имеется в виду вырубка лесов и браконьерство. По статистическим данным, за последние 20 лет было потеряно 2 миллиона гектаров леса, осталось порядка 68 миллионов. Отчеты полиции свидетельствуют, что в среднем в год совершается 1500 преступлений по статье браконьерство.

2) Ухудшение качества окружающей среды

Изменение физических, химических и биологических свойств воздуха, воды и почвы, наносит ущерб развитию экосистем, что напрямую влияет на здоровье людей. В этом смысле, например, загрязнение сточными водами снижает способность экосистем обеспечивать чистые и безопасные источники воды, создавая проблемы со здоровьем людей. Загрязнение воздуха в городах является причиной значи-

тельных ежегодных показателей смертности и заболеваемости, в основном в результате заболеваний сердца и легких. Для Перу это особенно актуально, потому что ведущие отрасли экономики, лишь недавно начали придерживаться экологических норм.

3) Увеличение рисков и последствий природных и антропогенных опасностей в условиях изменения климата

По статистике, чрезвычайные ситуации вследствие опасных природных явлений за последнее десятилетие увеличились в 6 раз: из них 72% имели климатическое происхождение.

4) Слабое государственное управление в сфере экологии

Несмотря на всю работу, проделанную за последние 20 лет, все равно есть пространство для роста. Еще предстоит заполнить нормативный вакуум, выделить дополнительное финансирование, а также вести просветительскую деятельность среди населения для вовлечения в процессы сохранения экологии, и особенно усердно привлекать компании к выполнению экологических норм.

5) Увеличение процессов производства товаров и услуг, которые не являются экологически полезными

Потребление материалов, используемых для производства в Перу, согласно исследованию Программы ООН по окружающей среде, выросло на 37% за последние 5 лет. Выбросы в транспортном секторе усугубляются из-за возраста автопарка, что приводит к снижению эффективности транспортных средств и, следовательно, к увеличению расхода топлива. Также возросло потребление энергии и воды.

После обозначения проблем необходимо также осветить способы их решения, которые Перу планирует предпринять, в соответствии с Национальной экологической политикой.

Правительством Перу предлагается:

1) Увеличить площади поверхности, находящейся под охраной и сохранением

2) Усилить регулирование и надзор за экологическими стандартами экономической деятельности, которые их еще не имеют

3) Внедрить новый подход к управлению водными ресурсами, который бы справлялся с рисками нехватки питьевой чистой воды

4) Наладить диалог между правительством и частным сектором по вопросам экологии

5) Улучшить финансовые и технические возможности исследовательских организаций, занимающиеся вопросами экологии

6) Ввести экологический налог и фискальные стимулы

7) Улучшить качество просветительской деятельности по вопросам экологии

Отдельно следует отметить, что для достижения всех Целей устойчивого развития и решения отдельных экологических проблем необходимы два ключевых фактора: консенсус и инклюзивность. Учет культурного разнообразия Перу имеет ключевое значение для получения целостного представления об экологических проблемах, с которыми по-прежнему сталкивается страна.

Перу - страна, отличающаяся огромным биоразнообразием. Благодаря этому разнообразию она обладает огромными ресурсами. Однако деятельность человека поставила под угрозу экосистему. С наступлением XX века Перу осознало необходимость защиты окружающей среды, что является единственным способом сохранить благополучие своих граждан.

С 1975 года Перу предпринимает шаги по разработке природоохранного законодательства. Кроме того, были проведены реформы в Министерстве иностранных дел. Таким образом, Перу стало частью новой эпохи для международного сообщества. Перу взяло на себя ведущую роль в решении экологических вопросов. В результате страна участвует в важных международных форумах по этому вопросу.

Сегодня внешняя политика Перу направлена на достижение Целей устойчивого развития, закрепленных в Повестке-2030 и следует отметить, что страна добилась прогресса. Это стало возможным благодаря совместным многоотраслевым усилиям Министерства иностранных дел и других государственных учреждений. Также следует отметить участие частного сектора и активное международное сотрудничество.

Литература

1. Ковалев Ю. Ю. «Климатическая политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна» // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. №3. С. 41-50.

2. Сахаров А.Г. «Изменения приоритетов и механизмов реализации ЦУР в системе международного сотрудничества, вызванные вспышкой COVID-19» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 273–287

3. Meza-Cuadra, G. «El Perú en las Naciones Unidas: el desarrollo sostenible y el sostenimiento de la paz» // Agenda Internacional, 2017, 24(35), С. 119–135.

4. Novak, F., & Namihas, S. «El Bicentenario de la Política Exterior Peruana y su proyección en un mundo de cambios» // Universidad Católica del Perú - 2020

5. Política Nacional del Ambiente (2010) // www.minam.gob.pe/wp-content/uploads/2013/08/Pol%C3%ADtica-Nacional-delAmbiente.pdf.

6. Rengifo Pizarro, R. J. «Diplomacia Verde: Evolución De La Política Ambiental E Influencia Del Pacto Verde Europeo En La Relación Bilateral Con El Perú», Academia Diplomática del Perú – 2020.

Peru's Environmental Policy: Tools and Pathways to Achieving the Goals of the 2030 Agenda

Shcherbachevich E.S.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
This article provides a step-by-step analysis of Peru's policy in achieving the goals of the 2030 Agenda, which Peru, along with other UN member states, signed in 2015. The article focuses on the gradual development of a regulatory framework for implementing a modern and high-quality policy in the area of nature conservation and biodiversity. The environmental challenges identified by the Peruvian leadership are examined, along with ways to address them. This article examines the specifics and details of Peru's current environmental policy in detail and offers novelty and relevance for Peruvian studies, given the very limited amount of materials on this topic in Russian.

Keywords: Latin America, Peru, foreign policy, ecology, 2030 Agenda

References

1. Kovalev Yu. Yu. "Climate Policy of Latin American and Caribbean Countries" // History and Modern Worldview. 2022. Vol. 4. No. 3. Pp. 41-50.
2. Sakharov A.G. "Changes in Priorities and Mechanisms for Implementing the SDGs in the System of International Cooperation Caused by the COVID-19 Outbreak" // Bulletin of International Organizations. 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 273-287
3. Meza-Cuadra, G. "El Perú en las Naciones Unidas: el desarrollo sostenible y el sostenimiento de la paz" // Agenda Internacional, 2017, 24(35), Pp. 119-135.
4. Novak, F., & Namihas, S. "El Bicentenario de la Política Exterior Peruana y su proyección en un mundo de cambios" // Universidad Católica del Perú - 2020
5. Política Nacional del Ambiente (2010) // www.minam.gob.pe/wp-content/uploads/2013/08/Pol%C3%ADtica-Nacional-delAmbiente.pdf.
6. Rengifo Pizarro, R. J. "Diplomacia Verde: Evolución De La Política Ambiental E Influencia Del Pacto Verde Europeo En La Relación Bilateral Con El Perú", Academia Diplomática del Perú – 2020.

Роль и значение этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений

Азаров Михаил Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Azarov.MS@rea.ru

Статья акцентирует внимание на важности формирования и укрепления единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений, что является не только одной из важнейших задач конкретных учреждений высшего образования, но и приоритетной государственной задачей. Автором предпринята попытка рассмотреть составляющие (элементы) единой гражданской идентичности (общества, молодежи) на основе анализа положений действующих нормативных правовых актов (в том числе документов стратегического планирования) для точного установления предметной области исследуемого явления, с целью учета государственного интереса при составлении рекомендаций по укреплению этого вида идентичности непосредственно в ВУЗах страны. В работе установлено и обосновано различие в содержании понятий «единая гражданская идентичность» и «национальная идентичность». Выявлено, что роль и значение этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений состоит не только в том, чтобы помочь ВУЗам подготовить высококлассных специалистов по тем или иным областям, но и в том, чтобы воспитать их в духе патриотизма, законопослушания, нравственности, с пониманием и следованием высоким образцам российской культуры, признавая и уважая культурные традиции и особенности различных народов, проживающих на территории Российской Федерации. В статье представлены практические рекомендации для высших учебных заведений по укреплению единой гражданской идентичности студентов, объединяющим элементом которых является предложение по введению в образовательные планы ВУЗов России курса по «Основам этики». Помимо этого, на основе проведенного автором исследования (анонимный письменный опрос), подтверждается необходимость увязки этического поведения студентов с их активными действиями по проявлению собственной гражданской идентичности.

Ключевые слова: единая гражданская идентичность, студенты ВУЗов, молодежь, общероссийская гражданская идентичность, ценности российского общества, единая российская культура, национальная идентичность, базовые этические категории, этическое поведение.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта № FSSW-2023-0002 «Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики Российской Федерации и совершенствование механизмов обеспечения национальной безопасности в контексте миграционных процессов в молодежной среде», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Введение

Вопрос, связанный с формированием единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений, следовательно, молодежи, не является вопросом, касающимся сугубо сферы деятельности институтов гражданского общества (политические партии, общественные движения и т.д.) и отдельных его членов, но во многом является государственной задачей по формированию таких групп молодого населения, находящегося в процессе получения высшего образования, которые бы чувствовали свою сопричастность Отечеству и российскому государству, смогли бы организовать себя на служение собственной стране, и в силу этого действовали бы в интересах всего российского общества.

Студенты высших учебных заведений есть неотъемлемая и, возможно, одна из важнейших составных частей, включенных в понятие «молодежь». Студенческий возраст характеризуется переходом к совершеннолетию, к юридически взрослой жизни. Наиболее пассионарные представители студенчества уже находясь в высшем учебном заведении делают, зачастую, довольно успешные шаги в построении собственной семьи, старте карьеры (начало профессиональной деятельности), позиционировании себя как члена гражданского общества и участника избирательного процесса. Именно период обучения молодежи в ВУЗе является тем периодом, когда государству в особенности следует позаботиться о формировании их единой гражданской идентичности.

В период до и после обучения молодежи в ВУЗе объективно довольно не просто формировать их единую гражданскую идентичность. Это связано со многими факторами.

Это и нагрузка, ложащаяся на плечи учеников (особенно в младшей и средней школе), когда маленький гражданин Российской Федерации вынужден посвящать всего себя выполнению домашних заданий и внеурочной активности. Это и фактор не полной сформированности, неготовности детского сознания к постижению таких сложных и комплексных категорий как элементы единой гражданской идентичности. Несмотря на это нельзя не отметить, что отдельные подвижки в этом вопросе в противовес институту школы 1990-х и начала 2000-х годов имели место: речь идет о приобщении школьников к отечественной государственной символике – флагу, гербу и гимну.

С другой стороны, пост-студенческий период в жизни молодежи, при их осмысленном отношении к жизни, является во многом очень суетливым. Это

обусловлено вопросами семейного быта, который следует обустроить, и возникшими нагрузками, к которым молодые специалисты должны еще будут привыкнуть. При этом подобные нагрузки тем выше, чем больше молодой специалист, вчерашний выпускник ВУЗа, будет стремиться реализовать свои амбиции, продемонстрировать свою полезность и перспективность. У молодого и подающего надежды специалиста фактически может не остаться времени на то, чтобы задуматься об уровне своей гражданской идентичности.

Именно поэтому 5 или 6-летний период обучения в ВУЗе является тем ценным временем, когда сознание молодых людей уже, как правило, готово к осмыслению информации, посвященной формированию их единой гражданской идентичности и в целом к предметному разговору об элементах этой категории, когда их возраст юридически позволяет им сформированную в той или иной конфигурации единую гражданскую идентичность проявить (демонстрировать ее обществу открыто), когда они, чаще всего, еще не отягощены бытовыми вопросами, «ворующими» все свободное время.

Тем не менее, мы, со своей стороны, не считаем верным рассматривать студенческую молодежь как какую-то эксклюзивную группу, включенную в понятие «молодежь», которая бы требовала своей особой молодежной политики, отличной от молодежной политики для не студентов. Все то, что является правильным (с точки зрения государственной молодежной и национальной политики) для молодежи в целом, является правильным и для студенческой молодежи. К тому же студенческое сознание, когда если и может подвергнуться воздействию со стороны всевозможных акторов (государство, общество, отдельные граждане, институты гражданского общества – партии, СМИ и так далее), не является автономным по отношению к сознанию (его качеству) других возрастных страт молодежи: согласимся с тем, что сам факт поступления в ВУЗ и выдачи юноше или девушке студенческого билета едва ли вообще как-то существенно и сразу меняет их мировоззрение, отношение к государству и проблемам, существующим в конкретном обществе.

Именно поэтому имеет смысл начать рассмотрение контуров государственной политики применительно к формированию единой гражданской идентичности молодежи в целом (и общества в целом), а не исключительно студенческого сообщества, что позволит нам приблизиться к установлению роли и значения этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений, что является **целью настоящего исследования**.

Материалы и методы исследования

В рамках проведенного исследования, основанного на анализе нормативных правовых актов и научных работ (статей), преимущественно использовались общенаучные методы такие как анализ, синтез и системный подход.

Использование **метода анализа** подтверждается произведенной аналитикой отдельных норм и

положений действующих нормативных правовых актов (включая документы стратегического планирования), регулирующих государственную политику по формированию единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений.

Использование **методов синтеза и системного подхода** подтверждается формулированием выводов по теме исследования из проанализированного нормативно-правового материала и научных работ (исследовательские статьи), опубликованных за последние несколько лет.

Помимо этого, в процессе подготовки исследования был задействован **социологический метод** и проведен анализ полученных с его помощью результатов (материалы анонимного письменного опроса с открытыми ответами), позволивший уточнить понимание студентами высших учебных заведений предметной области и признаков этического поведения, которое лежит в основе конструктивного проявления ими собственной гражданской идентичности.

Результаты

Рассмотренные и проанализированные основы правового регулирования формирования единой гражданской идентичности российского общества и молодежи, позволяют определить содержание категории «единая гражданская идентичность» и некоторые концептуальные основы государственной политики в этой части:

- 1) Формирование и укрепление единой гражданской идентичности российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений) есть важная задача, формулируемая и решаемая на государственном уровне;
- 2) Категория «единая гражданская идентичность» российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений) включает в себя следующие компоненты: а) принадлежность к государству и ответственность за страну; б) соблюдение гражданских прав и обязанностей; в) приверженность базовым ценностям российского общества;
- 3) Структурный компонент единой гражданской идентичности «принадлежность к государству и ответственность за страну» охватывается категорией «патриотизм»;
- 4) Структурный компонент единой гражданской идентичности «соблюдение гражданских прав и обязанностей» охватывается категорией «законопослушание»;
- 5) Структурный компонент единой гражданской идентичности «приверженность базовым ценностям российского общества» (традиционные российские духовно-нравственные ценности) охватывается категорией «нравственность»;
- 6) Единая гражданская идентичность российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений) базируется на единой российской культуре, сплачивающей российское общество, ключевым элементом которой выступает русский язык и культура;

7) Укрепление единой гражданской идентичности российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений) делает актуальным вопрос построения российской нации;

8) Укрепление единой гражданской идентичности российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений) не должно игнорировать региональные особенности и народные традиции соответствующих территорий в составе Российской Федерации.

Исходя из сказанного выше мы делаем закономерный вывод о том, что роль и значение этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений состоит не только в том, чтобы помочь ВУЗам подготовить высококлассных специалистов по тем или иным областям, но и в том, чтобы воспитать их в духе патриотизма, законопослушания, нравственности, с пониманием и следованием высоким образцам российской культуры, признавая и уважая культурные традиции и особенности различных народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Также отметим, что в мае 2024 года нами было проведено исследование, направленное на выявление признаков этического поведения (было проанализировано 213 анонимных анкет студентов 1-2 курсов РЭУ им. Г.В. Плеханова различных направлений обучения). Этическое поведение есть практическое отражение усвоенных студентами основ этики (которая была изначально сформирована их родителями, отчасти – школой, отчасти – окружением). Проведенный анонимный письменный опрос (студенты должны были самостоятельно указать признаки этического поведения, не выбирая предложенные варианты) показал следующую распределенность ответов (от самых популярных к менее популярным):

- 1) Соблюдение общепринятых норм этики (морали) и этикета – 191 студент;
- 2) Культурное поведение (вежливость; культурность в поведении, общении) – 167 студентов;
- 3) Уважение к окружающим (их правам, убеждениям, чувствам, мнениям) – 144 студента;
- 4) Честность, порядочность, прозрачность (в словах, действиях, решениях) – 140 студентов;
- 5) Сострадание по отношению к другим (помощь другим; эмпатия) – 133 студента;
- 6) Ответственность (за свои поступки) – 126 студентов;
- 7) Справедливость к окружающим (относиться ко всем одинаково, без предвзятости) – 96 студентов;
- 8) Уважение к собеседнику – 75 студентов;
- 9) Соблюдение чужих личных границ – 35 студентов;
- 10) Соблюдение законов – 25 студентов.

Большинство студентов высказались за то, что «этичное», то есть хорошее, правильное, разумное поведение по большому счету предполагает соблюдение моральных норм (к вопросу о значении морали как разновидности социальных норм и регуля-

тора поведения российского социума и молодежного сообщества). Высокие позиции занял ответ, связанный с проявлением сострадания и помощи ближнему: это не может не обнадеживать, поскольку это не только показатель здорового общества, исповедующего ценности гуманизма и те ценности, которые предлагают традиционные религии Российской Федерации, но и одна из ключевых, исторических особенностей русских людей (как они воспринимаются в мире), в независимости от их национальности. Собственно говоря, участие в чужой судьбе, готовность помочь – залог того, что в Российской Федерации может быть построено полноценное гражданское общество. События начала 2022 года подстегнули его развитие: достаточно вспомнить о массовом добровольческом движении, помощи неравнодушных граждан фронту и так далее.

Удивительно, что к предметной области категории «этичное поведение» студенты не относят практически ничего (помимо соблюдения существующих законов), что было бы связано с деятельным служением собственной стране. Речь в ответах студентов, к примеру, не шла о некоторой законной гражданской активности, участии в политическом процессе, об активном продвижении российской повестки и укреплении имиджа страны.

В целях дальнейшего укрепления единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений следует в ходе образовательного процесса связать категорию «этичное поведение» с категорией «социально активный гражданин». Студентам следует продемонстрировать позитивное воплощение в жизнь категории «социально активный, неравнодушный гражданин», благо примеры есть («Движение первых»; «Общероссийский народный фронт» и так далее). Соблюдение законов Российской Федерации – гражданский долг, но страна ждет большего.

Обсуждение

Поскольку формирование единой гражданской идентичности молодежи в лице студенчества представляется важнейшей государственной задачей, полагаем целесообразным рассмотреть основы ее правового регулирования с целью установления содержания категории, которую мы именуем «единая гражданская идентичность» (по тексту настоящей статьи категория «единая гражданская идентичность» является синонимом категории «общероссийская гражданская идентичность»).

В первую очередь следует назвать Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1]. В п. 4.2 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года раскрывается содержание общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которой понимается осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а

также приверженность базовым ценностям российского общества.

Представленным определением понятия «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» поставлен вопрос о значении (значимости) политико-правовой связи между гражданами страны и Российской Федерацией под названием «гражданство Российской Федерации». Это вопрос, по большому счету, про служение собственной стране, которое не предполагает необходимости проведения искусственных разграничений между категориями «российское государство» и «Отечество». История, в том числе относительно недавняя, показывает, что те (российские граждане сейчас и в прошлом) которые стремятся навредить российскому государству (находясь при этом не на территории России) и подтачивать основы российской государственности, работают одновременно против своего Отечества и в конце концов предают его.

При этом, разумеется, соблюдение гражданами своих законных прав и обязанностей является уже, в определенной мере, элементом служения Отчизне.

С другой стороны, поставлен вопрос о приверженности граждан Российской Федерации, со сформированной гражданской идентичностью, базовым ценностям российского общества. То есть затронут так называемый аксиологический аспект. Напомним, что согласно п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2], к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В п. 11.1 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года подчеркивается, что общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

Анализ пункта 11.1 показывает, что высшей формой культуры России является единая российская культура. Она сложена из множества составных частей: ядром культуры значатся русская культура и язык, а также культурное наследие всех народов, населяющих территорию Российской Федерации.

Единая российская культура сплавливает современное российское общество, позволяя рассматривать Россию как цивилизацию. Строго говоря, опорой общероссийской гражданской идентичности выступает многогранная российская культура. Неоценимую роль в продвижении, иначе говоря, распространении российской культуры сыграл русский язык, являющийся не только государственным языком Российской Федерации, но и языком межнационального общения. В этой связи, русский язык есть своеобразная «точка сборки» в отношении российской культуры. Именно на русском языке представителям многочисленных наций Российской Федерации проще всего вести межнациональный диалог по вопросу культурного взаимообогащения.

Пунктом 21 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года установлено, что формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одной из задач государственной национальной политики Российской Федерации.

Что касается формирования у молодежи общероссийской гражданской идентичности и воспитания культуры межнационального общения, отметим, что сейчас государство демонстрирует готовность и реальные шаги в части формирования российской нации буквально сизмальства. Национальная принадлежность может выступать в качестве центрального компонента национальной идентичности человека, позволяет ему ощущать сопричастность собственному роду (корню), вдохновлять себя на то, чтобы транслировать образцы культуры своей нации обществу, определенным образом себя маркировать и выделять из семей других народов. Кроме того, национальное самоопределение в ряде случаев позволяет человеку чуть лучше понимать культуру собственной народности, язык, его стремления и чаяния. Однако, в условиях многонациональной страны, национальная идентичность далеко не во всех случаях является тем, что сплавливает граждан Российской Федерации в единое целое.

Опасность состоит и в том, что, ставя на пьедестал собственную национальную самоидентификацию, человек рискует поддаться искушению смотреть на другие нации свысока, смотреть на них как на чужаков, не искать братства с другими народностями, поскольку собственная превышает все. Добавим к этому, что чрезмерное любование собственной национальной идентичностью некоторых граждан приводит к мыслям о «нашей земле», о создании собственного моноэтничного государства: едва ли все это способствует размышлениям в величии многонациональной России.

В этом смысле, национальная идентичность нередко нацелена на учет исключительно собственных и интересов собственной этнической группы,

что неизбежно будет вступать (и по факту вступает) в конфронтацию с претворяемой в жизнь идеей о России как доме для многих народов, тем более, если эта конкретная национальная группа не является большинством на территории России с точки зрения численности ее представителей. Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям [3] в 2021 году отметил: «В практике ряда государств гражданская и этническая идентичности часто воспринимаются как конкуренты. Считаю такой подход – у нас, во всяком случае, – мягко говоря, абсолютно некорректным, а для нашей страны, хочу это подчеркнуть особо, абсолютно неприемлемым. Человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у нас всех одна – большая Россия». Конечно, все обозначенное выше не может и не должно восприниматься как попытка понизить роль национальной идентичности в жизни человека, но следует учитывать, что это (национальная и единая гражданская) два типа идентичности совершенно отличных друг от друга, базирующихся на различных ипостасях как мироощущения, так и духовной культуры человека. Эти идентичности, при правильном понимании отдельным человеком их роли и смысла, в принципе не должны и не могут конфликтовать друг с другом, поскольку одна из них (национальная) предполагает ответ на вопрос о месте человека внутри своего «племени», а вторая (единая гражданская или общероссийская гражданская) – о служении собственной стране.

Речь не идет о том, что служение собственной стране должно быть сведено только лишь к непрерывному восхвалению государства. Однако, какими бы недостатками не обладала государственная система, крах государства, его фактическое отсутствие всегда приводит к массовому нарушению прав и свобод граждан, к человеческим жертвам, геноциду, войне. Всегда можно найти тех, кто недоволен государством, но, если они стремятся быть полезными своему Отечеству и считают себя патриотами, должны думать не о разрушении государства, а о механизмах, которые позволяют его усовершенствовать в интересах всех членов общества.

Гражданин, наделенный высоким уровнем гражданской идентичности, является законопослушной личностью, с развитым правосознанием, с высоким уровнем правовой культуры (однако же, без перекосов в сторону правового нигилизма и правового идеализма) и с пониманием значимости политико-правовой связи под названием «российское гражданство». Принадлежность России это не просто отметка в паспорте. Это целый комплекс гарантий и возможностей, предоставляемых гражданину российским государством, это возможность проживать в стране, объединяющей единомышленников и являющейся ковчегом традиционных ценностей, прибежищем многих здравомыслящих. С другой стороны, факт наличия гражданства Российской Федерации предполагает определенный уровень ответственности гражданина по отношению к своему государству, готовность встать на защиту Отечества в любой из моментов, когда это потребует. Участие

в выборах, деятельности институтов гражданского общества, поддержка социально незащищенных слоев населения, общее гражданское неравнодушие – все это элементы нормального гражданского самосознания.

Согласно статье 6 Федерального закона о молодежной политике в Российской Федерации [4], к числу основных направлений молодежной политики относятся в том числе патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи. При этом, согласно этому закону, в патриотическое воспитание молодежи включается формирование и укрепление у молодых граждан общероссийской гражданской идентичности (в том числе на основе региональных особенностей и народных традиций соответствующей территории), реализуемое органами публичной власти и иными субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики. Едва ли можно не согласиться с тем, что региональные особенности и национальные традиции соответствующей территории следует учитывать в контексте опоры на них в ходе построения приемлемой модели служения граждан Российской Федерации (представителей любой национальности в любом субъекте страны) в интересах Отечества. Это следует учитывать хотя бы в силу того, что Российская Федерация построена по национально-территориальному принципу, а не по территориальному, как США. В конце концов, категорически неприемлемо диктовать кому бы то ни было каким образом должен проявляться их патриотизм. Служение Отечеству основано на чувстве глубокого патриотизма и исходит в первую очередь от души, поэтому, во многом является спонтанным процессом, до конца не предсказуемым с точки зрения своих очертаний, следовательно, как-то канализировать его порой бессмысленно и вредно. Иногда, конечно, это служение приобретает очертания, видимые всему обществу. Никто не мог предположить каким будет по масштабу добровольческое движение, сформировавшееся за прошедшие три года: оно выявляет высокий уровень единой гражданской идентичности некоторых социальных страт нашего общества (не только молодежи).

Учитывая установленное содержание категории «единая гражданская идентичность» и применительно к формированию единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений, обратим внимание на следующее.

Сейчас одним из немаловажных вопросов является вопрос о системном преподавании основ этических знаний в ВУЗах. В рамках обсужденной правовой модели единой гражданской идентичности невозможно будет обойти стороной проблему формирования у студентов представления о базовых этических категориях, таких как «патриотизм», «нравственность», а также тех, которые именуются традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Как правило, преподаватели ВУЗов не проводят со студентами серьезного обсуждения базовых этических категорий (если речь не идет о подготовке философов). Чаще всего, студенты сталкиваются с подразделом философии «Этика»

один раз за весь период обучения в ВУЗе, а, именно, когда им приходится изучать дисциплину «Философия». К сожалению, даже в рамках изучения этой дисциплины, они зачастую касаются базовых категорий этики лишь вскользь, поскольку рабочими программами не предусмотрено сколь бы то ни было значительного количества часов на их изучение. В этой связи, как отметил Ма Синь «необходимо говорить о важности включения изучения основ этики, морали и нравственности в образовательный процесс при подготовке будущих журналистов, учитывая специфику преподавания основ этики при подготовке будущих журналистов» [5]. Мы же со своей стороны предлагаем распространить данную практику не только на профессию журналиста, а на все профессии, поскольку российскому государству жизненно необходимы высокопрофессиональные молодые специалисты, при этом со сформированной крепкой гражданской идентичностью. Образовательные планы ВУЗов должны предусматривать отдельный курс (дисциплину) по «Основам этики» (название условное), ориентированный на постижение студентами (на актуальных жизненных примерах) основополагающих категорий морали, а не отвлеченных философских концепций и разделов. Некоторыми исследователями уже рассматривалась примерная структура рабочей программы по похожему курсу [6].

Важным вопросом в ходе преподавания дисциплины «Основы этики» является вопрос о том, как не допустить морализаторства. Разговор преподавателя со студентами не должен сводиться к обсуждению этических категорий исключительно в теоретическом ключе. Важны примеры, которые преподаватель донесет до студентов по вопросу следования этим категориям тех, кто общепризнано имеет большие заслуги перед Российской Федерацией (описание жизни и подвиги Героев Российской Федерации; жизни выдающихся личностей из области искусства; рассказы о деятельности отечественных государственных деятелей, преодолевавших вместе со страной сложнейшие испытания). На занятиях по «Основам этики» также можно разбирать кейсы, касающиеся сложного морального выбора, чтобы каждый из студентов мог самостоятельно поработать с каждой из этических категорий, научившись верной методологии нахождения правильного решения, достойного человека и его Отечества.

Отметим, что формирование единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений едва ли может быть обеспечено включением в образовательный план одного лишь курса по «Основам этики». Это обусловлено тем, что в предметной области единой гражданской идентичности российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений), как мы это выяснили, содержится не только ценностный (аксиологический) компонент. Так, например, речь может и должна идти о формировании личности студентов в духе законопослушания. И это будет достигаться в том числе за счет таких дисциплин как «Право», «Основы российской государственности», «Право-

вые аспекты избранной профессии» и тому подобное. Если речь идет о русском языке (государственный язык и язык межнационального общения) и культуре, то здесь представляется целесообразным увеличить количество часов, отведенных на их изучение. Что касается актуализации знаний студентов по части национальных культур Российской Федерации (что позволит им адекватно воспринимать региональную специфику страны), то здесь может быть полезным введение курса посвященного утверждению толерантности и тому подобное.

В целом, задача формирования единой гражданской идентичности студентов конкретного ВУЗа, это задача комплексная для всего ВУЗа и его профессорско-преподавательского состава. Это не задача одного конкретного преподавателя. В этой связи, следует согласиться с мнением А.М. Юдиной и М.А. Буянкиной, касательно того, что это «реализуется средствами таких дисциплин, как история, нормативно-правовые основы профессиональной деятельности, правоведение, педагогика, психология, религиоведение, культурология, история России, всеобщая история, основы государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных вопросов в современной России» [7].

Говоря о морально-этических категориях и их смысловом наполнении, то есть о тех категориях, которым следует обучать студентов, важно на уровне администраторов от сферы образования определиться с их перечнем, и, в первую очередь, с подходом, которым следует руководствоваться при их определении. Кто будет составлять перечень морально-этических категорий, обязательных к усвоению молодым поколением? Институты гражданского общества? Отдельные эксперты? Уважаемые обществом люди? Сложность состоит в том, что не существует никакой общественной морали, она у каждого своя. Общественное обсуждение моральных ценностей и категорий, как видится, может привести к «замыливанию» самого обсуждения, поскольку общественный консенсус по данному вопросу едва ли возможен: обсуждение вопроса может длиться бесконечно долго, но будет бесплодным. Этого, в свою очередь, допустить нельзя, поскольку, не приобщая студентов к содержанию морально-этических категорий, мы, тем самым, не сумеем сформировать их общероссийскую гражданскую идентичность, что является приоритетом для государства и находит свое отражение в документах стратегического планирования. Выход из ситуации – следование государственной позиции в данном вопросе. Если речь идет о базовых этических категориях, лежащих в основе единой гражданской идентичности российского общества (включая молодежь и студентов высших учебных заведений), то следует руководствоваться именно теми, которые упоминаются в законах и подзаконных нормативных правовых актах (например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

Интересной с точки зрения изучения и учета является тенденция, замеченная Л.В. Пятилетовой [8], которая отмечает, что «зачастую вузы отказываются от традиционных гуманитарных дисциплин

(«Культурология», «Этикет») в пользу, например, «Этики и психологии делового общения», «Этика бизнеса», что говорит о дефиците моральноэтической компетентности у подрастающего поколения, о потребности «заземлить» культуру (акцент в образовательных программах на «владеть» в триаде «знать – уметь – владеть»). Считаем категорически неприемлемым подменять курс по «Основам этики» курсами так называемой профессиональной этики. Задача курса по профессиональной этике – помочь будущему специалисту освоиться в профессии, посредством уяснения основ профессионального этикета (поскольку во многом профессиональный этикет есть применение на практике основ усвоенной профессиональной этики). Профессиональная этика способствует формированию профессиональной идентичности личности, а не ее единой гражданской идентичности. Хотя едва ли могут быть сомнения в том, что не реализованный в профессии человек, будет винить в своих бедах всех вокруг, включая государство (Отечество), что вряд ли будет укреплять его гражданское самосознание.

Согласимся со справедливым указанием на некоторые сложности, обуславливающие формирование единой гражданской идентичности молодежи (студентов высших учебных заведений). Так, например, Х.-А. С. Халадов, А.М. Ходырев, И.В. Головина в своей статье указывают, что «личность априори «рождается» в социуме и по своей сути интегративна, значит, сформированность гражданской идентичности молодого поколения россиян зависит не только от трансформации самоосмысления и самосозидания личности, но и от особой социокультурной среды, где происходит этот процесс и которая характеризуется «глобализацией», увеличением интенсивности информации и степени открытости общества, размыванием национально-культурных границ, переориентацией с коллективистских ценностей на индивидуалистические» [9]. Процесс глобализации, ускорение обмена информацией, цифровизация многих сфер общественной и личной жизни человека постепенно, но неуклонно приводят к размыванию многих, ранее сформированных идентичностей человека. Постепенно размываются половая и гендерная идентичности, под влиянием агрессивной либеральной пропаганды подтачивается религиозная идентичность (в первую очередь человека западной цивилизации), кое-где размывается национальная идентичность или вместо естественно формировавшейся веками национальной идентичности искусственно взращивается иная национальная идентичность, вступающая в серьезный конфликт с изначальной национальной (что впоследствии приводит эту страну к войне с соседями).

В странах Запада (наиболее показательно), размывается постепенно и гражданская идентичность их населения: этот процесс происходит тем быстрее, чем агрессивнее становится насаждение так называемых «либеральных ценностей» (далеких от изначальных идей отцов-основателей либерализма), чем больший объем суверенитета утрачи-

вают те или иные государства, привыкшие к блоковой модели существования (пример – страны Европейского Союза, передавшие существенную часть своего национального суверенитета «в руки» бюрократии Союза). Чем общество является более открытым, тем более незащищенным оказывается коллективное сознание этого общества от воздействия угроз извне (например, религиозный радикализм, экстремистские угрозы и тому подобное). Для России неприемлемо ослабление и утрата ее взрослыми гражданами и молодежью (включая студенческую молодежь) единой гражданской идентичности, поскольку в этом случае страна едва ли сохранится на международной арене в качестве самобытной цивилизации.

Особенность России состоит в том, что далеко не все ее народы (разумеется, и студенческая молодежь этих народов) готовы и способны выдвинуть на первый план, сделать главной, собственную единую гражданскую идентичность. Для этих народов исторически национальная и религиозная идентичность сохраняют приоритетное значение, прочной остается и родовая структура. К тому же, религия, которую преимущественно исповедуют эти народы, зачастую, выдвигает на первый план их религиозную идентичность, которая роднит их с представителями других народов, исповедующих ту же религию.

Результаты исследования, размещенного в статье Е.А. Казаевой, Н.С. Чхетиани, Л.И. Пономаревой [10] показывают, что «студенты имеют разнообразные представления о своей гражданской идентичности. Некоторые считают, что это осознание своей принадлежности к государству и его обществу, в то время как другие считают, что гражданская идентичность является совокупностью убеждений, ценностей и норм, которые определяют их отношение к государству и обществу». Заметим, что единая гражданская идентичность – это, конечно, и осознание собственной принадлежности к государству и обществу, и совокупность убеждений и ценностей, которые определяют отношение к государству и обществу, однако, к сожалению, студенты далеко не всегда осознают, что единая гражданская идентичность имеет и свою деятельностную сторону. Высокий уровень сформированной единой гражданской идентичности предполагает служение собственной стране, а служение есть всегда действие, что определяет необходимость участия членов общества, молодежи и, в частности, студенческой молодежи в реализации тех или иных форм социальной активности, направленных на благо Отечества.

Заключение

Таким образом, мы видим, что роль и значение этических знаний в контексте формирования единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений колоссальны, а, следовательно, укреплению подобной идентичности следует заниматься на комплексной основе.

Подытожив, можно сказать следующее.

В образовательные (учебные) планы ВУЗов (это касается и гуманитарных, и технических ВУЗов) тре-

буется ввести курс по «Основам этики», который будет нацеливать студентов на постижение содержания основополагающих категорий морали, что должно быть проиллюстрировано конкретными примерами из жизни выдающихся людей Отечества. Курс по «Основам этики» не должен подменяться или по факту отменяться содержанием курсов по основам профессиональной этики.

Помимо введения курса по «Основам этики» требуется существенно увеличить количество отведенных часов на изучение дисциплин, направленных на формирование единой гражданской идентичности студентов высших учебных заведений.

ВУЗы должны придавать особое значение дисциплинам, формирующим единую гражданскую идентичность своих подопечных в лице студентов, а содержание рабочих программ по этим дисциплинам и качество их преподавания должны оставаться предметом пристального внимания со стороны администрации ВУЗов.

Набор морально-этических категорий, предлагаемых студентам к изучению (постижению их глубины), должен быть предопределен их перечнем, содержащимся de facto в законах и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, поскольку вопрос укрепления единой гражданской идентичности молодежи (студентов высших учебных заведений) напрямую влияет на уровень национальной безопасности Российской Федерации, в части ее информационного компонента.

В настоящий момент времени и в будущем, в процессе преподавания «Основ этики», требуется коррекция предметной области категории «этичное поведение», воспринимаемой студентами. Требуется связать категорию «этичное поведение» с необходимостью активных действий студентов ВУЗов по проявлению собственной гражданской идентичности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>.
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcript/s/copy/65252>
4. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Ма С. Специфика преподавания основ этики при подготовке будущих журналистов // Рефлексия. 2022. № 3. С. 52–55.
6. Азаров М.С. Вопросы формирования нравственно-этического сознания студентов // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2024. № 53 (53).

7. Юдина А.М., Буянкина М.А. Модель формирования современной общероссийской гражданской идентичности у студентов высшей школы на примере работы КЦ ВЛГУ // Глобальный научный потенциал. 2024. № 7 (160). С. 68–70.

8. Пятилетова Л.В. Этическое воспитание как базовая проблема современного образования // Альманах современной науки и образования. 2013. № 9 (76). С. 155–157.

9. Халадов Х.А.С., Ходырев А.М., Головина И.В. Специфика гражданской идентичности студентов - будущих педагогов и отечественные практики ее формирования в условиях академической мобильности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 228–236.

10. Казаева Е.А., Чхетиани Н.С., Пономарева Л.И. Патриотизм как инструмент формирования гражданской идентичности: анализ представлений студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2.

The role and importance of ethical knowledge in the context of the formation of a unified civic identity of students of higher education institutions

Azarov M.S.

Plekhanov Russian University of Economics

This article focuses on the importance of developing and strengthening a unified civic identity among students at higher education institutions, which is not only one of the most important tasks for specific higher education institutions but also a national priority. The author examines the components (elements) of a unified civic identity (of society and youth) based on an analysis of current regulatory legal acts (including strategic planning documents) to accurately define the subject area of the phenomenon under study and to consider national interests when developing recommendations for strengthening this type of identity within the country's universities. The article establishes and substantiates the distinction between the concepts of "unified civic identity" and "national identity." It has been revealed that the role and significance of ethical knowledge in the context of developing a unified civic identity among students at higher education institutions lies not only in helping universities prepare highly qualified specialists in various fields, but also in nurturing them in the spirit of patriotism, law-abidingness, and morality, with an understanding and adherence to high standards of Russian culture, recognizing and respecting the cultural traditions and characteristics of the various peoples living in the Russian Federation. The article presents practical recommendations for higher education institutions to strengthen students' unified civic identity, a unifying element of which is the proposal to introduce a course on "Fundamentals of Ethics" into the curricula of Russian universities. Furthermore, the author's research (an anonymous written survey) confirms the need to link students' ethical behavior with their active efforts to demonstrate their own civic identity. The article was prepared as part of the implementation of project No. FSSW-2023-0002 "Formation of the all-Russian civic identity of young people within the framework of the implementation of the state youth policy of the Russian Federation and improvement of mechanisms for ensuring national security in the context of migration processes among young people", financed by the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia.

Keywords: unified civic identity, university students, youth, all-Russian civic identity, values of Russian society, unified Russian culture, national identity, basic ethical categories, ethical behavior.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025" // Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>.
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/65252>
4. Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Ma S. Specifics of Teaching the Fundamentals of Ethics in the Training of Future Journalists // Reflection. 2022. No. 3. pp. 52-55.
6. Azarov M.S. Issues of Forming Students' Moral and Ethical Consciousness // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2024. No. 53 (53).
7. Yudina A.M., Buyankina M.A. A Model for Forming Modern All-Russian Civic Identity in Higher Education Students Using the Example of the Work of the VLSU Cultural Center // Global Scientific Potential. 2024. No. 7 (160). pp. 68-70.

8. Pyatiletova L.V. Ethical Education as a Basic Problem of Modern Education // Almanac of Modern Science and Education. 2013. No. 9 (76). pp. 155-157.
9. Khaladov Kh.A.S., Khodyrev A.M., Golovina I.V. Specifics of the civic identity of students - future teachers and domestic practices of its formation in the context of academic mobility // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2024. No. 3 (44). Pp. 228-236.
10. Kazaeva E.A., Chkhetiani N.S., Ponomareva L.I. Patriotism as a tool for the formation of civic identity: analysis of students' ideas // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. No. 2.

Трансформация института прямого политического обращения в условиях цифровизации публичной сферы

Акопян Давид Ваграмович

Аспирант, Кафедра политических процессов и технологий, АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского», david@hakobyan.ru

Статья посвящена трансформации института прямого политического обращения в условиях цифровизации публичной сферы. Актуальность темы обусловлена переходом от разовых медийных выступлений к непрерывным платформенным контурам «адресация → обратная связь → решение», что меняет нормы участия граждан и управленческие регламенты. Научная новизна состоит в интегративном описании зрелости института через связку каналов (официальные страницы, персональные аккаунты, «прямые линии», Telegram) с едиными правилами маршрутизации, метриками и инклюзией. В рамках работы описаны институциональные сдвиги, изучены каналы и их результативность, сопоставлены федеральные и региональные практики. Особое внимание уделено молодёжным сценариям участия и рискам цифрового неравенства. Цель — выявить условия устойчивости обновлённого института; для её достижения применены сравнительный, институциональный и дискурс-аналитический подходы, вторичный анализ эмпирики. Изучены российские исследования 2023–2024 гг. и международная аналитика. В заключении описываются управленческие и дизайнерские импликации (маршрутизация «по месту решения», сквозные статусы, KPI). Статья будет полезна исследователям публичной политики, практикам цифрового госуправления, сотрудникам ЦУР и муниципалитетов.

Ключевые слова: цифровизация публичной сферы, прямое политическое обращение, Платформа обратной связи, официальные страницы, персонифицированные аккаунты, прямые линии, Telegram-каналы, электронное участие, молодёжь, институциональная трансформация.

Введение

Актуальность исследования определяется быстрым переходом публичной коммуникации власти и граждан в цифровую среду, где «прямое обращение» перестаёт быть эпизодическим жанром и превращается в управляемый платформами процесс с новыми правилами, метриками и рисками неравенства участия.

Цель статьи — выявить параметры зрелости обновлённого института прямого политического обращения и определить условия его устойчивости.

Задачи:

1. описать институциональные изменения и их влияние на логику «адресация → обратная связь → решение»;
2. сопоставить каналы (официальные страницы, персональные аккаунты, «прямые линии», Telegram) по вовлечению и «решаемости»;
3. определить управленческие и дизайнерские условия зрелости: маршрутизация «по месту решения», сквозные статусы, KPI и инклюзия.

Новизна — состоит в целостном, практико-ориентированном представлении института как связанной экосистемы каналов и регламентов, а также в операционализации метрик зрелости (доля «решённых с первого цикла», скорость классификации, сквозная трассировка обращений) и фокусе на молодёжных сценариях.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были отобраны следующие работы: В.Д. Абрамова [1] анализирует информационную политику органов власти в цифровой среде, подчёркивая роль официальных страниц как институционального канала. С.С. Бодрунова [2] вводит рамку «кумулятивной делиберации», позволяющую трактовать онлайн-обращения как агрегат множества микро-действий. А.А. Градюшко [3] исследует публичные Telegram-каналы и требования к их эффективному функционированию. А.Н. Гуреева и П.А. Киреева [4] показывают специфику взаимодействия молодёжи с государством в соцсетях и пределы её институциональной вовлечённости. А.А. Максименко [5] оценивает восприятие эффективности цифровой коммуникации первых лиц регионов, фиксируя значение персонификации и регулярности. Е.В. Матвеева и Э. Алагоз [6] анализируют сетевой контент региональных политических акторов в электоральном цикле. Организация Объединённых Наций [7] демонстрирует международные стандарты электронного правительства и риски цифрового неравенства. Г.О. Панфилов [8] на примере Санкт-Петербурга описывает централизацию и различия результативности между федеральной и региональной платформами.

Г.О. Панфилов, О.И. Волкова, А.В. Чугунов [9] представляют мониторинг каналов электронного участия в РФ (2020–2023). Г.А. Савчук, Г.А. Банных, С.В. Кульпин, Р.М. Курашов [10] изучают взаимодействие студенческой молодёжи с органами МСУ в социальных медиа и эффективность «прямых» форумов.

Методы: сравнительный анализ каналов и практик; институциональный анализ регламентов и маршрутизации; дискурс-анализ публичных обращений и реакций; кейс-стади региональных и федеральных платформ; вторичный анализ эмпирических замеров из указанных работ; элементы контент-анализа и операционализация KPI зрелости.

Результаты

В условиях цифровизации публичной сферы «прямое политическое обращение» перестаёт быть однонаправленным речевым актом (телевизионное или парламентское обращение) и превращается в постоянный, платформенно опосредованный цикл «адресация → обратная связь → доработка повестки». На уровне теории публичной сферы это соответствует сдвигу от классической делиберативной модели к «кумулятивной делиберации», где мнения складываются через множество микро-действий пользователей (лайки, комментарии, репосты), а не через единый рациональный диалог. Этот сдвиг объясняет рост доли «фрагментарных» реакций граждан на обращения власти онлайн и потребность в институтах, которые умеют собирать и агрегировать рассеянную реакцию аудитории [1].

За 2020–2024 гг. в России сформировалась новая институциональная рамка «прямого обращения» — официальные страницы органов власти в соцсетях и федеральные/региональные порталы обратной связи. Исследования фиксируют, что с 2020 года идёт последовательная централизация системы электронного участия: внедрение единой Платформы обратной связи (ПОС) дублировало функции региональных ресурсов, изменив траектории маршрутизации обращений граждан и перераспределив полномочия между уровнями власти [3, 4]. В эмпирической работе на примере Санкт-Петербурга показано, что при параллельном сосуществовании регионального портала «Наш Санкт-Петербург» и федеральной ПОС результаты для граждан различаются: доля «решённых при первой подаче» выше на региональном портале (64,7% против 46,3% через ПОС), а доля формальных ответов («отписок») — ниже (11,8% против 17,1%) [4]. Это указывает, что «прямое обращение» как институт в цифровой среде получает разные управленческие реализации на федеральном и региональном уровнях и нуждается в согласовании стандартов обработки и обратной связи [3, 4].

Нормативную основу перехода к «официальным страницам» обеспечили федеральные поправки, обязавшие органы публичной власти создавать и вести верифицированные аккаунты в утверждённых соцсетях; это институционально расширило каналы для прямых адресаций и быстрой обратной связи с

гражданами (в т.ч. через комментарии и личные сообщения).

Эмпирика по различным уровням власти показывает диверсификацию каналов прямого обращения:

1. Официальные страницы органов власти («госпаблики»). Они охватывают широкую аудиторию, однако нередко воспринимаются как «доска объявлений», а не площадка для решения проблем; молодёжь слабо вовлечена в двусторонний диалог, не понимает процедур и демонстрирует низкое доверие к результативности онлайн-обращений. При этом наличие институциональной инфраструктуры — необходимое, но недостаточное условие: требуются сценарии, которые видимым образом доводят обращение до решения, — иначе внимание и доверие быстро теряются [5].

2. Личные (персонифицированные) аккаунты глав регионов/городов. Население оценивает эффективность цифровой коммуникации руководителей прежде всего по её регулярности, адресности и «осязаемому» эффекту; исследования отмечают, что персонификация и частые «точечные» обращения повышают удовлетворённость взаимодействием и готовность оставлять сообщения о проблемах [6]. Во многих регионах именно персональные аккаунты первых лиц показывают более высокую вовлечённость молодёжи по сравнению с «госпабликами» учреждений [5, 6].

3. Прямые трансляции и «прямые линии». В ряде регионов «прямое обращение» реализуется в форме регулярных прямых эфиров с главами субъектов и муниципалитетов; пилоты и замеры показывают, что форматы «прямой линии» оперативно выявляют болевые темы (здоровоохранение, ЖКХ и др.) и дают гражданам низкопороговый вход в коммуникацию. Это подтверждает устойчивость «живого» синхронного формата как ключевого элемента обновлённого института прямого обращения в цифровой среде [10].

Молодёжь остаётся стратегически важной целевой группой для прямых обращений власти в соцмедиа. Контент-анализ комментариев под постами федеральных ведомств во «ВКонтакте» показывает, что молодые пользователи чаще стремятся «презентовать собственную картину мира» и критически оценить информацию, чем совершить действия, ведущие к непосредственным управленческим результатам [2]. Деструктивные интенции встречаются редко; однако ожидание предметной реакции на обращение невысоко — молодёжь не всегда видит соцсети площадкой для решения вопросов с властью. В совокупности это требует от власти чётких процедурных «мостиков» между онлайн-комментарием и офлайн-решением: упрощённой подачи обращения, публичного трекинга статуса, обратной связи о результатах и учёта «малых действий» (реакций, опросов) как части официального взаимодействия [2, 5].

Параллельно с «традиционными» соцсетями усиливается слой публичных Telegram-каналов органов власти и городов-миллионников; он используется для адресных сообщений, быстрых разъясне-

ний и локальных «call to action». Исследования подчёркивают ускорение адаптации Telegram для публичной коммуникации властей в 2022–2024 гг. и раскрывают требования к эффективной подаче (оперативность, понятность, возможность быстро перейти к подаче обращения) [7, 8]. При этом каналы Telegram часто остаются «входом» к формализованным процедурам — их нужно технологически и регламентно «сшивать» с ПОС/региональными порталами, чтобы комментарий/репорт в мессенджере действительно становился обращением [4, 7, 8].

Цифровая инфраструктура прямой адресной коммуникации стала фактически повсеместной. Отраслевые обзоры показывают массовую верификацию официальных страниц органов власти и учреждений, а также методическое закрепление стандартов их ведения и модерации [7]. В отчёте о глобальном состоянии электронного правительства подчёркивается необходимость выравнивать доступ и вовлечение, иначе «цифровые» каналы прямого обращения усилят неравенство участия (участвуют те, кто уже имеет ресурсы и навыки) [9]. Это напрямую касается российских практик: при централизации платформ и потоков обращений важно обеспечивать инклюзивность — простые интерфейсы, офлайн-альтернативы и регулярную «переводку» обращений между каналами, чтобы запрос не «терялся» при переходах [3, 4, 9].

Комплексные замеры показывают:

1. Централизация (ПОС) даёт единые регламенты и масштабируемость обработки, но может снижать «видимую» долю решённых вопросов «с первого раза» в сравнении с зрелыми региональными порталами с локально отлаженными практиками [4].

2. Коммуникация «первого лица» (губернатора/мэра) повышает оценку эффективности и готовность к взаимодействию, особенно при регулярных коротких обращениях и последующей отчётности о выполнении [6].

3. Молодёжные аудитории активнее откликаются в личных аккаунтах и мессенджерах, требуя «ввязки» с официальными процедурами; иначе «прямое обращение» останется символическим актом, не приводящим к результату [2, 5, 7, 8].

В целом, институт прямого политического обращения в цифровой публичной сфере продвинулся от эпизодических символических речей к постоянно действующей инфраструктуре двустороннего взаимодействия. Его зрелость измеряется не числом постов и «охватом», а скоростью, прозрачностью и предсказуемостью пути запроса гражданина — от адресации к решению — во всех каналах.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что «прямое обращение» перестало быть единичным медийным актом и стало контуром непрерывной двусторонней коммуникации, встроенной в платформенные экосистемы публичной власти. Это смещение от разового монолога к циклу «адресация → ответ → доработка повестки» означает институциональную перестройку: регламенты, маршрутизация

запросов и метрики эффективности теперь задаются не столько жанром обращения, сколько логикой цифровой инфраструктуры и интерфейсов участия [1, 2, 9]. В терминах нормативной теории публичной сферы это согласуется с «кумулятивной» моделью, где вклад гражданина часто выражается короткими, но массовыми микро-действиями (комментарий, отметка, жалоба через виджет), а не длинной рациональной дискуссией [2].

Централизация каналов (в том числе через федеральные платформенные решения) принесла единые стандарты и масштабируемость обработки обращений, однако выявила риски «обезличивания» и падения видимой результативности для граждан в сравнении с отлаженными региональными системами [8, 9]. На региональном уровне лучше сохраняется контекст конкретной проблемы, короче «петля обратной связи» и выше вероятность продемонстрировать материальный итог (ремонт, проверка, адресная мера) там, где управленческие и сервисные цепочки давно интегрированы с порталом [8]. Вывод: зрелость института формируется не только сверху через регламенты, но и снизу — через локальные практики сцепления цифрового обращения с офлайн-исполнением. Отсюда — потребность в межуровневых стандартах маршрутизации и взаимной «доставке» запросов между контурами (федеральный ↔ региональный ↔ муниципальный), без потери статуса и сроков [8, 9].

Коммуникация первых лиц в социальных медиа и прямых эфирах оказывается мощным усилителем внимания и доверия: регулярность, адресность и постфактум-отчётность повышают готовность граждан вступать во взаимодействие [5, 6, 10]. Персонализация создаёт эффект причастности и ускоряет «разбор полётов» по болевым темам. Но у неё есть пределы: она не заменяет институциональную обработку массовых запросов и может создавать «бутылочные горлышки», когда значимая доля обращений стремится в персональные аккаунты, минуя формальные каналы и статистику. Следовательно, необходима технологическая «сшивка» персонализированных каналов с официальными механизмами, чтобы любое сообщение легко конвертировалось в обращение со статусом и сроком исполнения [5, 6, 8].

Для молодёжной аудитории цифровые каналы власти чаще выступают площадкой самопрезентации и критической реакции, чем «доской решений». Это не означает цинизма, скорее — низкую веру в управленческую дееспособность именно социальных сетей как канала решения проблемы [4], [10]. Поэтому ключевым оказывается конструкт «видимых процедур»: простой вход (виджет, бот, короткая форма), публичный трекинг статуса, понятные сроки и «репутация решаемости» по типовым кейсам [4]. Усиление роли Telegram-каналов и чатов органов власти добавляет скорости и адресности, но повышает риск фрагментации потоков. Без автоматической конвертации сообщений в обращения и без сквозной аналитики такие каналы остаются символическими «звонками внимания», а не частью института [3, 7, 8].

Переход к платформенно управляемым каналам усиливает роль интерфейсов и алгоритмов как «невидимых регуляторов» публичной сферы: кто и как увидит обращение, каким будет порядок приоритизации, какие формулировки подтолкнут к корректному типу заявки [1, 7, 9]. Это несёт и риск усиления цифрового неравенства: участвуют активнее те, у кого есть доступ, навыки и время; менее «цифровые» группы могут выпадать или оставаться в офлайн-очередях [7]. Управленческий вывод — развивать параллельные офлайн-альтернативы и сервисы «помощи в подаче», а также регулярно «перетаскивать» обращения между каналами, сохраняя сквозной идентификатор и историю, чтобы избежать потерь и дублирования [7, 9].

Традиционные SMM-метрики (охваты, реакции) недостаточны для оценки зрелости института. Показателями становятся: среднее время до классификации и маршрутизации; доля обращений, получивших решение с первого цикла; доля «видимых решений» (с подтверждением результата и обратной связью заявителю); прозрачность очереди; повторяемость обращений по типовым кейсам; доля переводов между каналами без потери статуса [5, 8, 9]. В этой системе персонифицированные форматы и прямые линии работают как катализатор — растят вовлечённость и «обнуляют» барьеры входа — но только в связке с операционными регламентами.

Управленческие и дизайнерские импликации:

- Любое сообщение гражданина — комментарий, пост, бот, виджет — должно получать единый идентификатор и сразу попадать в управленческий контур с SLA; статусы — доступны в личном кабинете и в привычном канале коммуникации [8, 9].
- Настройка правил приоритизации и передачи между уровнями (федеральный/региональный/муниципальный) с учётом эмпирики успешных региональных практик [8].
- Интеграция аккаунтов первых лиц и «прямых линий» в единую CRM обращений: модераторы и ЦУР переводят вопросы в заявки автоматически, а отчётность по решениям возвращается в тот же канал [5], [6, 10].
- Короткие сценарии подачи, понятные статусы, публичные кейсы-«истории решений», акцент на мессенджеры и мобильные интерфейсы [4, 10].
- Дублирование цифровых сервисов офлайн-точками и выездными форматами; обучение и «помощники подачи» для групп с низкой цифровой грамотностью [7].

Трансформация института «прямого политического обращения» в цифровой публичной сфере проявляется как переход от символического «выступления» к управленческому процессу с чёткими интерфейсами, маршрутами и KPI. Ключ к устойчивости — не выбор «лучшей площадки», а сцепление каналов между собой и с офлайн-исполнением, приоритизация процедур, которые делают результат обращения видимым и проверяемым для граждан.

Заключение

Институт прямого обращения претерпел сдвиг от монологического жанра к платформенно управляемому процессу, где ключевыми становятся сквозные статусы, скорость классификации и прозрачность обратной связи.

Каналы разноэффективны — персональные аккаунты и «прямые линии» усиливают вовлечённость, тогда как официальные страницы и централизованные платформы обеспечивают масштаб и стандарты; Telegram повышает оперативность, но требует «сшивки» с формальными процедурами.

Определены условия зрелости: маршрутизация «по месту решения» между уровнями власти; единый идентификатор обращения в любых каналах; метрики «решаемости» (в т.ч. доля решённых с первого цикла); сценарии инклюзии для групп с низкой цифровой грамотностью; публичная отчётность первых лиц, интегрированная в CRM обращений.

Таким образом, устойчивость института обеспечивается не выбором одной «лучшей» площадки, а связностью каналов и регламентов, их привязкой к управленческим результатам и регулярной демонстрацией «видимых решений». Это создаёт основу для воспроизводимого доверия и повторного участия граждан в цифровой публичной сфере.

Литература

1. Абрамова В. Д. Информационная политика органов власти в цифровой среде // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2024. № 2. URL: <https://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2024/02/2024-02-20.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).
2. Бодрунова С. С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 1. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122.
3. Градюшко А. А. Публичные каналы в Telegram: актуальные аспекты функционирования // (научная публикация). 2023. С. 63–66. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/304986/1/63-66.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).
4. Гуреева А. Н., Киреева П. А. Особенности медиакоммуникации молодёжи с государством в социальных сетях // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 841–857.
5. Максименко А. А. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов Российской Федерации // Регионология (Regionology). 2024. URL (PDF): <https://pdfs.semanticscholar.org/e9f6/51ea19ef2af842a21febdee8f52dbe024ad6.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).
6. Матвеева Е. В., Алагоз Э. Сетевой контент кандидатов в губернаторы субъектов Сибирского федерального округа в избирательной кампании 2023 года // Забайкальский вестник (электронное научное издание). 2023. URL (PDF): <https://zabvestnik.com/wp-content/uploads/101024121056->

Matveeva%2CAlagoz.pdf (дата обращения: 13.09.2025).

7. Организация Объединённых Наций. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Нью-Йорк: Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, 2024. URL (рус. версия, PDF): <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).

8. Панфилов Г. О. Электронные порталы сообщений о проблемах в контексте централизации политики цифрового развития (на примере Санкт-Петербурга) // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 48–70. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-48. URL (PDF): https://spi.yspu.org/wp-content/uploads/sites/22/2024/12/SPI-2024_3-48-70.pdf (дата обращения: 13.09.2025).

9. Панфилов Г. О., Волкова О. И., Чугунов А. В. Мониторинг каналов электронного участия в Российской Федерации: результаты исследований 2020–2023 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 7. 2024. URL (PDF): <https://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/download/1346/1157> (дата обращения: 13.09.2025).

10. Савчук Г. А., Банных Г. А., Кульпин С. В., Курашов Р. М. Коммуникация студенческой молодёжи с органами местного самоуправления в социальных медиа // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 168–183. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-1.

Transformation of the institute of direct political address in the context of digitalization of the public sphere

Akopyan D.V.

V.V. Zhirinovskiy Educational and Methodological Center

The article is devoted to the transformation of the institution of direct political appeal in the context of digitalization of the public sphere. The relevance of the topic is due to the transition from one-time media performances to continuous platform contours of "addressing → feedback → decision", which changes the norms of citizen participation and management regulations. Scientific novelty lies in the integrative description of the institution's maturity through a bundle of channels (official pages, personal accounts, "direct lines", Telegram) with uniform routing rules, metrics and inclusion. The work describes institutional shifts, studies channels and their effectiveness, compares federal and regional practices. Particular attention is paid to youth participation scenarios and the risks of digital inequality. The goal is to identify the conditions for the sustainability of the updated institution; to achieve this, comparative, institutional and discourse-analytical approaches, secondary analysis of empirics are used. Russian studies of 2023–2024 and international analytics are studied. The conclusion describes the management and design implications (routing "at the location of the solution", end-to-end statuses, KPI). The article will be useful for public policy researchers, digital public administration practitioners, employees of the SDGs and municipalities.

Keywords: digitalization of the public sphere, direct political appeal, Feedback Platform, official pages, personalized accounts, direct lines, Telegram channels, electronic participation, youth, institutional transformation.

References

1. Abramova V. D. Information Policy of Government Bodies in the Digital Environment // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2024. No. 2. URL: <https://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2024/02/2024-02-20.pdf> (accessed: 13.09.2025).
2. Bodrunova S. S. Cumulative Deliberation: New Normativity in the Study of Public Spheres Online // Bulletin of Moscow University. Series. 10: Journalism. 2023. No. 1. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122.
3. Gradyushko A. A. Public Channels in Telegram: Current Aspects of Functioning // (scientific publication). 2023. P. 63–66. URL: <https://elib.bsui.by/bitstream/123456789/304986/1/63-66.pdf> (accessed: 13.09.2025).
4. Gureeva A. N., Kireeva P. A. Features of media communication of youth with the state in social networks // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2023. Vol. 16, No. 5. P. 841–857.
5. Maksimenko A. A. Population assessment of the effectiveness of digital communication of the heads of regions of the Russian Federation // Regionology. 2024. URL (PDF): <https://pdfs.semanticscholar.org/e9f6/51ea19ef2af842a21febdee8f52dbe024ad6.pdf> (accessed: 13.09.2025).
6. Matveeva E. V., Alagoz E. Network content of candidates for governors of the subjects of the Siberian Federal District in the 2023 election campaign // Zabaikalsky Vestnik (electronic scientific publication). 2023. URL (PDF): <https://zabvestnik.com/wp-content/uploads/101024121056-Matveeva%2CAlagoz.pdf> (date accessed: 13.09.2025).
7. United Nations. UN Study: E-Government 2024. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2024. URL (Russian version, PDF): <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> (accessed: 13.09.2025).
8. Panfilov G. O. Electronic portals for reporting problems in the context of centralization of digital development policy (on the example of St. Petersburg) // Social and political studies. 2024. No. 3 (24). P. 48–70. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-48. URL (PDF): https://spi.yspu.org/wp-content/uploads/sites/22/2024/12/SPI-2024_3-48-70.pdf (date of access: 13.09.2025).
9. Panfilov G. O., Volkova O. I., Chugunov A. V. Monitoring of channels of electronic participation in the Russian Federation: results of research 2020–2023 // State and citizens in the electronic environment. Issue. 7. 2024. URL (PDF): <https://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/download/1346/1157> (date of access: 13.09.2025).
10. Savchuk G. A., Bannykh G. A., Kulpin S. V., Kurashov R. M. Communication of student youth with local governments in social media // Scientific Result. Sociology and Management. 2024. Vol. 10, No. 3. Pp. 168–183. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-1.

Поляризация партийной системы США как ключевой фактор эрозии институтов представительной демократии

Зархи Михаил Аркадьевич

аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН им. Патриса Лумумбы, 1142240430@pfur.ru

В настоящей статье анализируется феномен партийной поляризации в Соединенных Штатах Америки как ключевой каузальный фактор эрозии институтов представительной демократии. Автор утверждает, что усиление идеологического раскола между Демократической и Республиканской партиями вышло за рамки традиционной политической конкуренции и трансформировалось в системный драйвер дисфункции. В работе вводится и обосновывается концепция «институционального арбитража» — стратегического поведения политических акторов, которые в условиях законодательного паралича (гридлока) целенаправленно переносят политическую борьбу в другие институциональные арены (исполнительную и судебную ветви власти), эксплуатируя их уязвимость. Этот процесс ведет к нарушению системы сдержек и противовесов, снижению легитимности государственных институтов и создает самовоспроизводящийся цикл, угрожающий долгосрочной стабильности американской демократической модели. Анализ основан на изучении трансформации функционирования Конгресса, президентской власти и судебной системы в XXI веке. **Ключевые слова:** поляризация, партийная система, институциональная эрозия, представительная демократия, Конгресс США, Верховный суд, исполнительная власть, институциональный арбитраж, гридлок, легитимность.

Введение

Политическая система Соединенных Штатов Америки, долгое время считавшаяся эталоном стабильной представительной демократии, в последние десятилетия демонстрирует явные признаки системного стресса и институциональной деградации. В центре этого процесса находится феномен аффективной и идеологической поляризации партийной системы. Если в середине XX века американские партии представляли собой широкие коалиции с существенным идеологическим пересечением, что обеспечивало возможность межпартийного компромисса, то к началу XXI века они превратились в два гомогенных, идеологически удаленных друг от друга полюса. Данное исследование ставит своей целью доказать, что поляризация является не просто симптомом политических разногласий, но фундаментальным каузальным механизмом, запускающим процесс эрозии ключевых институтов представительной демократии. Научная новизна работы заключается в предложении и разработке концепции «институционального арбитража» как центрального объяснительного инструмента. Под этим термином понимается рациональная стратегия политических акторов, которые, столкнувшись с нефункциональностью одного института (прежде всего, парализованного законодательного органа), сознательно перенаправляют свои усилия на достижение политических целей через другие, менее защищенные от партийного давления институты. Таким образом, проблема рассматривается не как одновременный упадок всех институтов, а как последовательный процесс их деформации, где дисфункция одного звена системы провоцирует перегрузку и последующую политизацию другого.

Результаты исследования

Исторически двухпартийная система США характеризовалась наличием значительного центристского, умеренного сегмента как среди избирателей, так и среди элит. Существование «либеральных республиканцев» и «консервативных демократов» создавало почву для формирования межпартийных коалиций в Конгрессе и обеспечивало гибкость законодательного процесса⁵. Однако начиная с 1970-х годов, под влиянием таких факторов, как партийная перегруппировка на Юге после движения за гражданские права, рост идеологически ориентированных СМИ, а также изменение системы праймериз, поощряющей более радикальных кандидатов,

⁵ Медушевский А. Н. Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // Полития. 2019. №3 (94). С.89

начался процесс неуклонного идеологического размежевания. К настоящему времени, по данным анализа голосований в Конгрессе (например, на основе метрик DW-NOMINATE), идеологическая дистанция между средним республиканцем и средним демократом достигла исторического максимума. Это означает, что пространство для компромисса практически исчезло⁶.

Первым и наиболее очевидным следствием этого стал перманентный законодательный паралич, или «гридлок» (gridlock), в Конгрессе. Такие инструменты, как филибастер в Сенате, из процедурного меньшинства превратились в стандартное оружие для блокирования любых инициатив оппонентов. Законодательный орган, задуманный отцами-основателями как центральная арена для выработки национальной политики через диалог и торг, утратил свою основную функцию. Он все чаще оказывается неспособен принимать решения по ключевым вопросам — от бюджета до иммиграционной реформы⁷.

Именно в этой точке законодательной дисфункции активизируется механизм «институционального арбитража». Столкнувшись с невозможностью провести свою повестку через Конгресс, политические силы, контролирующие Белый дом, начинают систематически использовать полномочия исполнительной власти в качестве альтернативного инструмента для реализации политики. Мы наблюдаем экспоненциальный рост значимости и масштаба указов президента (executive orders) и действий федеральных агентств.

Администрации обеих партий, не имея возможности принять полноценный закон, прибегают к нормативному регулированию в таких сферах, как экология (например, план «Чистая энергия» администрации Обамы и его последующая отмена администрацией Трампа), иммиграционная политика (программа DACA) и здравоохранение⁸. Такое поведение является рациональным выбором в условиях поляризации: если законодательный путь заблокирован, акторы ищут обходные пути. Однако системным последствием такого арбитража становится эрозия принципа разделения властей. Политика становится крайне волатильной, поскольку указ одного президента может быть легко отменен следующим, что подрывает долгосрочное планирование и стабильность. Что еще более важно, центр принятия решений смещается из представительного органа в менее подотчетную обществу исполнительную вертикаль, ослабляя демократическую легитимность принимаемых мер.

Следующим шагом в логике «институционального арбитража» становится перенос политической борьбы на судебную арену. Поскольку важнейшие политические вопросы не находят разрешения в

Конгрессе, а решения исполнительной власти постоянно оспариваются, Верховный суд и федеральные суды в целом превращаются в финального арбитра по наиболее острым идеологическим конфликтам. Это коренным образом меняет природу судебной власти. Процесс назначения судей, особенно в Верховный суд, трансформируется из оценки юридической квалификации в ожесточенную политическую битву с нулевой суммой. Номинации Роберта борка, Кларенса Томаса, Бретта Кавано и других стали яркими примерами того, как партийная поляризация превращает процесс утверждения в Сенате в референдум по идеологическим вопросам. В результате сама судебная система начинает восприниматься обществом не как нейтральный страж закона, а как еще одна политическая арена, где судьи являются игроками в партийной униформе. Это разрушает легитимность судебных решений и подрывает доверие к верховенству права — одному из фундаментальных столпов демократии. Решения, принятые минимальным большинством голосов по таким вопросам, как право на аборт, избирательные права или регулирование экономики, перестают восприниматься как окончательные юридические вердикты и рассматриваются лишь как временная победа одной из сторон в непрекращающейся политической войне.

Данная тенденция политизации судебной власти является не изолированным явлением, а одним из наиболее ярких симптомов системного заболевания, поразившего весь каркас представительной демократии в Соединенных Штатах. Логика «институционального арбитража», описанная выше, экстраполируется и на другие ветви власти, прежде всего на законодательную, превращая Конгресс из органа национального представительства и законотворчества в парализованную арену перманентной предвыборной кампании⁹. Научная новизна предлагаемого анализа заключается в рассмотрении эрозии институтов не просто как следствия поляризации, а как самоподдерживающегося циклического процесса, где дисфункция одного института катализирует дисфункцию другого, создавая порочный круг делегитимации. Ключевым элементом этого цикла становится не просто отсутствие сотрудничества, а целенаправленное «институциональное оружие» (institutional weaponization), когда процедуры и нормы, изначально предназначенные для обеспечения консенсуса и защиты прав меньшинства, используются в качестве инструментов для обструкции, шантажа и достижения партийных целей в обход демократического процесса.

Рассмотрим в первую очередь эрозию законодательной власти. Классическая модель функционирования Конгресса, основанная на межпартийных коалициях, работе комитетов и поиске компромисса,

⁶ Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. №1.

⁷ Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена: шипы и розы обретения "нормальности" // США & Канада: экономика — политика — культура. 2022. № 4. С. 16

⁸ Geil k., Porter M. Why Competition in the Politics Industry Is Failing America. A strategy for reinvigorating our democracy. Harvard Business School. September 2017. — URL: [hbs.edu/ competitive-ness/.../why-competition-in-...](https://hbs.edu/competitive-ness/.../why-competition-in-...)

⁹ Buchanan P.J. (2011) Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025? New York: Thomas Dunne Books

фактически перестала существовать. Рост идеологической дистанции между партиями, усиленный практикой агрессивного джерримендеринга, создал ситуацию, в которой большинство конгрессменов представляют гомогенные, идеологически «безопасные» округа. В таких условиях основной электро-альной угрозой для действующего законодателя является не кандидат от оппозиционной партии на всеобщих выборах, а более радикальный претендент на партийных праймериз. Это коренным образом меняет систему стимулов: вместо поиска общего языка с оппонентами для решения национальных проблем, законодатели вынуждены демонстрировать идеологическую чистоту и непримиримость для удовлетворения своего партийного ядра¹⁰.

В результате такие инструменты, как филибастер в Сенате, из редкого средства защиты прав меньшинства превратились в рутинный механизм блокировки любых инициатив большинства. Процедуры утверждения бюджета и повышения потолка государственного долга трансформировались из технических вопросов в регулярные кризисы и инструменты политического шантажа, ставящие под угрозу финансовую стабильность страны ради тактических выгод. Законодательная производительность Конгресса резко упала, а его деятельность свелась к «перформативной политике» — принятию заведомо непроходных законопроектов для их использования в партийной пропаганде и публичным слушаниям, нацеленным не на поиск истины, а на дискредитацию оппонентов в прямом эфире.

Паралич законодательной власти, в свою очередь, провоцирует гипертрофию и эрозию власти исполнительной. В условиях, когда Конгресс не способен принимать необходимые законы, президенты все чаще прибегают к исполнительным указам и расширительному толкованию своих полномочий для реализации своей повестки. Это создает так называемый «маятник политики»: каждая новая администрация тратит значительную часть своего первого срока на отмену указов предыдущей, что приводит к хронической нестабильности регуляторной среды и подрывает долгосрочное планирование как для граждан, так и для бизнеса. Более того, поляризация напрямую затрагивает и федеральную бюрократию. Профессиональные государственные служащие, которые должны обеспечивать преемственность и экспертизу в управлении, все чаще воспринимаются приходящей администрацией как нелояльные элементы или часть враждебного «глубинного государства» (deep state). Назначения на ключевые посты в министерствах и ведомствах все больше определяются не профессиональной компетентностью, а личной преданностью президенту и его партийной линии. Это ведет к депрофессионализации государственного аппарата и эрозии его способности эффективно выполнять свои функции,

что, в свою очередь, еще больше подрывает доверие граждан к государству как таковому.

Кульминацией этого процесса эрозии становится атака на самый фундаментальный институт представительной демократии — избирательную систему. Поскольку ставки в политической борьбе поднимаются до экзистенциального уровня («победитель получает все»), а компромисс становится невозможен, сама процедура выборов превращается из механизма мирной передачи власти в объект ожесточенной борьбы.

Партии начинают рассматривать правила проведения выборов не как нейтральную рамку, а как еще один инструмент для достижения победы. Это проявляется в битвах за законы об идентификации избирателей, досрочном и почтовом голосовании, чистке списков избирателей и, что наиболее опасно, в попытках делегитимизировать результаты выборов в случае проигрыша. Обвинения в массовых фальсификациях, отказ признавать поражение и попытки оказать давление на должностных лиц, ответственных за подсчет голосов, разрушают базовое консенсусное представление о том, что выборы являются честным и легитимным способом определения воли народа. Таким образом, цикл замыкается: поляризация ведет к параличу институтов управления; паралич повышает ставки на выборах до предела; запредельные ставки мотивируют партии атаковать саму избирательную систему; а недоверие к выборам еще больше углубляет раскол в обществе и поляризацию элит. В итоге институты представительной демократии, сохраняя свой внешний фасад, выхолащиваются изнутри, превращаясь из площадок для артикуляции и агрегирования интересов граждан в орудия в непрекращающейся войне между двумя непримиримыми политическими племенами.

Ключевым фактором здесь выступает феномен асимметричной поляризации, подробно исследованный такими политологами, как Томас Манн¹¹ и Норман Орнштейн¹². Их анализ показывает, что за последние десятилетия Республиканская партия сместилась вправо значительно сильнее, чем Демократическая партия влево от исторического центра. Это не просто вопрос идеологических позиций, а фундаментальное изменение отношения к политической системе.

Республиканская партийная элита и её электро-альное ядро все чаще демонстрируют отход от приверженности устоявшимся нормам (normative commitment) в пользу партийной целесообразности. Практика «институционального оружия» становится не просто тактикой, а стратегией, оправданной убеждением в том, что сами институты (от федеральной бюрократии и мейнстримных СМИ до избирательных комиссий) являются частью враждебной системы. Примером может служить эволюция отно-

¹⁰ Cozzolino A. (2018) "Trumpism as Nationalist Neoliberalism: A Critical Enquiry into Donald Trump's Political Economy" // Erasmus School of Economics: ESE Publications, vol. 4, no. 1.

¹¹ Mann T. E., Ornstein N. J. It's Even Worse Than It Looks: How the American Constitutional System Collided With the New Politics of Extremism. New York : Basic Books, 2012.

¹² Mann T. E., Ornstein N. J. Let's just say it: The Republicans are the problem // The Washington Post. 2012. 27 April

шения к филибастеру в Сенате: от его активного использования для блокировки инициатив демократов при Бараке Обаме до его частичной отмены (через "nuclear option") для утверждения судей Верховного суда при Дональде Трампе. Подобная готовность менять правила игры в зависимости от конъюнктуры свидетельствует не просто о поляризации, а об эрозии базового консенсуса относительно легитимности самих правил.

Эта асимметрия усугубляется аффективной поляризацией — ростом взаимной неприязни и недоверия между сторонниками разных партий, которая зачастую превосходит их идеологические разногласия. Исследования Стэнфордского университета показывают, что количество американцев, которые были бы «недовольны» или «очень недовольны», если бы их ребенок женился на стороннике другой партии, выросло с менее 5% в 1960 году до почти 50% в наши дни. Эта племенная психология, подпитываемая сегментированной медиасредой с её эхо-камерами и фильтрующими пузырями, напрямую транслируется в политический процесс. Она объясняет, почему для законодателей становится выгоднее «перформативная политика» и атаки на оппонентов, а не поиск компромисса. Компромисс в условиях аффективной поляризации воспринимается электоральным ядром не как достижение, а как предательство¹³. Это создает порочный круг: политики, реагируя на запросы своего наэлектризованного электората, ведут себя более агрессивно, что еще больше усиливает межпартийную вражду в обществе. В результате эрозии подвергается не только функциональность институтов, но и сама социальная ткань, необходимая для их работы — минимальный уровень доверия и готовность признавать легитимность оппонента.

Данные процессы находят свое концентрированное выражение в мутации федерализма и отношений между центром и штатами. Поляризация привела к тому, что штаты, контролируемые разными партиями, все чаще действуют как политические анклав, ведущие друг с другом «холодную гражданскую войну» через законодательство и судебные иски. Мы наблюдаем, как штаты, управляемые демократами, объявляют себя «убежищами» по вопросам иммиграционной политики или прав на аборт, в то время как республиканские штаты принимают законы, прямо бросающие вызов федеральным нормам в области экологии или контроля над оружием.

Ключевой пример — законодательство Техаса (SB 8), делегирующее правоприменение в вопросе абортов частным гражданам, что было сознательно спроектировано для обхода традиционной процедуры судебного надзора. Это не просто разногласия в рамках федеративной системы, а целенаправленное использование структуры федерализма для саботажа национальной политики и углубления раскола. Институты федерализма, призванные быть

лабораториями демократии и учитывать региональную специфику, превращаются в оружие партизанской войны, что еще больше подрывает единство правового и экономического пространства страны.

В итоге описанный самоподдерживающийся цикл эрозии приобретает новое, более опасное измерение. Асимметричная и аффективная поляризация приводит к тому, что как минимум одна из сторон начинает рассматривать демократические институты не как нейтральную арену для конкуренции, а как вражескую территорию, подлежащую захвату, нейтрализации или демонтажу. Это объясняет переход от процедурной обструкции (как использование филибастера) к фундаментальным атакам на легитимность выборов и судебной власти. Когда политические ставки вырастают до уровня культурной и экзистенциальной войны, проигрыш по правилам становится неприемлем, что создает мощный стимул для изменения или полного игнорирования этих правил. Таким образом, американская представительная демократия сталкивается не просто с дисфункцией, а с целенаправленным внутренним демонтажом, осуществляемым политическими акторами, которые, формально действуя в рамках системы, фактически разрушают её нормативные и этические основы. Сохранение внешних атрибутов демократии — выборов, конгресса, судов — маскирует процесс внутреннего выхолащивания их сущности, превращая их в пустую оболочку, неспособную выполнять свою главную функцию — обеспечивать мирное разрешение конфликтов и легитимное управление в глубоко разделенном обществе.

Литература

1. Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2024. — №1.
2. Медушевский А. Н. Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // Полития. — 2019. — №3 (94). — С. 89.
3. Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена: шипы и розы обретения "нормальности" // США & Канада: экономика — политика — культура. — 2022. — № 4. — С. 16.
4. Buchanan P.J. Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025? — New York: Thomas Dunne Books, 2011.
5. Cozzolino A. "Trumpism as Nationalist Neoliberalism: A Critical Enquiry into Donald Trump's Political Economy" // Erasmus School of Economics: ESE Publications. — 2018. — Vol. 4, no. 1.
6. Geil K., Porter M. Why Competition in the Politics Industry Is Failing America. A strategy for reinvigorating our democracy. Harvard Business School. September 2017. — URL: hbs.edu/competitiveness/.../why-competition-in-...
7. Mann T. E., Ornstein N. J. It's Even Worse Than It Looks: How the American Constitutional System

¹³ Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия // Вестник

Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. №1.

Collided With the New Politics of Extremism. – New York: Basic Books, 2012.

8. Mann T. E., Ornstein N. J. Let's just say it: The Republicans are the problem // The Washington Post. – 2012. – 27 April.

Polarization of the U.S. party system as a key factor in the erosion of institutions of representative democracy

Zarkhi M.A.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article analyzes the phenomenon of party polarization in the United States of America as a key causal factor in the erosion of representative democracy institutions. The author argues that the widening ideological divide between the Democratic and Republican parties has transcended traditional political competition and transformed into a systemic driver of dysfunction. The paper introduces and substantiates the concept of "institutional arbitrage"—a strategic behavior of political actors who, in the context of legislative paralysis (gridlock), deliberately shift the political struggle to other institutional arenas (the executive and judicial branches), exploiting their vulnerabilities. This process leads to the disruption of the system of checks and balances, a decrease in the legitimacy of state institutions, and creates a self-perpetuating cycle that threatens the long-term stability of the American democratic model. The analysis is based on the study of the transformation in the functioning of Congress, the presidency, and the judicial system in the 21st century.

Keywords: polarization, party system, institutional erosion, representative democracy, U.S. Congress, Supreme Court, executive branch, institutional arbitrage, gridlock, legitimacy.

References

1. Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* New York: Thomas Dunne Books.
2. Cozzolino A. (2018) "Trumpism as Nationalist Neoliberalism: A Critical Enquiry into Donald Trump's Political Economy". *Erasmus School of Economics: ESE Publications*, vol. 4, no. 1.
3. Geil K., Porter M. (2017) *Why Competition in the Politics Industry Is Failing America. A strategy for reinvigorating our democracy*. Harvard Business School. September. URL: hbs.edu/competitiveness/.../why-competition-in-...
4. Kanevskiy P.S. (2024) "Crisis trends in the development of the US socio-political system: causes and consequences". *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 1.
5. Mann T. E., Ornstein N. J. (2012) *It's Even Worse Than It Looks: How the American Constitutional System Collided With the New Politics of Extremism*. New York: Basic Books.
6. Mann T. E., Ornstein N. J. (2012) "Let's just say it: The Republicans are the problem". *The Washington Post*, 27 April.
7. Medushevskiy A.N. (2019) "Weimar America: a political discussion on the causes of the decline of a great democracy". *Politiya*, no. 3 (94), p. 89.
8. Travkina N.M. (2022) "The J. Biden Administration: thorns and roses of gaining 'normality'". *USA & Canada: Economics — Politics — Culture*, no. 4, p. 16.

Некоторые вехи исторического развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания от «Русской правды» до «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»

Андреев Семен Петрович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

В двадцатом и в двадцать первом веках институт освобождения от уголовной ответственности и наказания приобрёл широкое развитие, став одним из основных направлений гуманизации отечественного уголовного закона. Процесс этот происходил неоднородно, далеко не все меры, принятые законодателем, были положительно приняты уголовно-правовым сообществом и нашли свое место в правоприменительной практике. Тем не менее, он занял свое значительное место в системе законодательства Российской Федерации, и полностью оправдал свое социальное значение для российского общества.

Для того, чтобы понять данный институт на современном этапе и верно определить вектор его дальнейшего развития, необходимо научное осмысление его исторического генезиса.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, исторический генезис, Русская Правда, Уложение о наказаниях 1845 года, гуманизация уголовного права, примирение с потерпевшим, судебный штраф

Преступления и кары за их совершение являются спутником человечества на всем протяжении его исторического пути. Философский вопрос, поставленный Ф. М. Достоевским, вопрос соотношения преступления и справедливости наказания за его совершения, был актуален в прошлом и остается не отвеченным до сих пор. Одно можно сказать с полной уверенностью, чем прогрессивней становится человеческое общество, тем более гуманно оно относится к своим членам. Так, еще в 15-16 веках за совершение тяжких преступлений можно было подвергнуться не просто смертной казни, а ее квалифицированной форме, то есть не просто лишиться головы путем ее отсечения, а быть колесованным, четвертованным или утопленным заживо [8]. Такая жестокость не удивительна, ведь цели уголовного наказания в данный период существенно расходились с содержанием ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, и заключались прежде всего в устрашении [8]. В свою очередь, развитие человеческой мысли, примеры которой просматриваются через призму таких работ, как «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» М. Фуко, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, работ выдающихся отечественных теоретиков права «Смертная казнь» С.Н. Таганцева и др., сделали вышеприведенные средства «исправления» и социальной регуляции совершенно недопустимыми на современном историческом этапе.

Дальше больше, оксюморон, на сегодняшний день можно говорить о том, что для достижения целей уголовного наказания, порой, целесообразно вовсе его не применять в отношении преступника. Конечно, освобождения от наказания — это не явление исключительно современности, но в предыдущие эпохи оно преимущественно было связано с таким нарративом, как «смерть виновного», а не попытками гуманизации.

На протяжении всего двадцатого и двадцать первого веков отчетливо просматриваются смещения вектора уголовной репрессии от более тяжёлых, репрессивных форм к более мягким, от криминализации различных общественных девиаций к декриминализации, от лишения свободы к «судебному штрафу» и иным основаниям, заключенным в главах 11 и 12 УК РФ.

Нам в прочем, как законодателю и многим представителям отечественной уголовно-правовой науки, данный процесс видится исключительно целесообразным, правильным, необходимым. Однако, нельзя признать, что все новеллы законодателя в этом направлении оказались исключительно

эффективными, должным образом показав себя в процессе правоприменения.

Допустим приведённый нами выше «Судебный штраф», удостоился самых противоречивых оценок. Диапазон мнений варьировался от комплементарно-восторженных до издевательски-негативных. Апологеты судебного штрафа говорят о декриминализации общества, характеризуют его, как «клапан», который позволяет сбрасывать давление, не давая захлебнуться системе уголовной юстиции с одной стороны [3], и позволяет избежать негативных последствий уголовного наказания относительно неопасным преступникам с другой. В свою очередь, противники рассматривают его как элемент «квазиуголовного права» [6]. Сетуня о несовершенстве практики применения судебного штрафа, генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов заявлял, что, порой, «назначение судебного штрафа приводит к «ущемлению прав потерпевших, нарушению принципа неотвратимости наказания, создает коррупционные риски»» [1, с. 7].

Также противоречиво выглядит и статистика его применения, тем самым характеризуя отношение к нему правоприменителей. В пиковом 2020 году на основании судебного штрафа было освобождено 56 980 человек, тогда как в 2023 году всего 14 957 человек¹⁴. Следует заметить, что такое снижение неслучайно, и обусловлено не изменившимся отношением суда, а объективными изменениями в стране, такими как COVID-19, начало СВО, которые повлекли «изменения отечественного уголовного законодательства, справедливо обусловленные необходимостью его адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям гибридной войны, ведущейся против России странами коллективного Запада» [1, с. 8].

Приведенный пример показывает, насколько неоднозначно могут рассматриваться уголовно-правовым сообществом пути гуманизации уголовного закона, и насколько сами эти пути могут быть не адаптивны к изменению социально-экономической среды.

В тоже время институт освобождения от уголовной ответственности остается важнейшим в структуре уголовного закона, его значение для стабилизации социальной структуры российского общества велика, однако оценка его роли, места и перспектив развития, требует постоянного научного осмысления. Сделать это можно только проследив его исторический генезис, раскрыв основные вехи его формирования.

Как любой правовой феномен институт освобождения от уголовной ответственности имеет свои исторические корни, которые самым непосредственным образом сказались на его современном состоянии.

Свой путь по извилистым дорогам отечественной истории освобождения от тех или иных форм наказания начали почти синхронно с законодательным закреплением самих наказаний.

Русская правда, созданная и введенная в отечественный «правовой оборот» на территории древнерусского государства великим князем Киевским Ярославом Владимировичем «Мудрым», предусматривала освобождение от «уголовной ответственности» и наказания в связи со смертью виновного [15, с. 214]. Следует отметить, что термин «уголовная ответственность» мы употребляем условно для того, чтобы более понятно обозначить явление современному читателю, однако, на рубеже 11, 12 веков он не существовал. Рассматривая данный памятник права, необходимо учитывать его общие черты, такие как казуистичность норм и отсутствие дифференциации личного и публичного интереса при реализации репрессии, а также слиянии материальной (имущественной) ответственности виновного перед потерпевшим и публичной (уголовной) ответственности [4, с. 9].

В первую очередь следует рассмотреть представляемую «Русской правдой» возможность отказа потерпевшего от кровной мести сопряжённое возмещением ущерба. Данную возможность Е.В. Попаденко рассматривает как «самую древнюю форму примирения с потерпевшим» [10]. Однако данная точка зрения не является единственной, например, Антонов А.Г. «вознаграждение за обиду», которая выплачивалась потерпевшему, не считает основанием освобождения от ответственности обоснованным, рассматривая ее как альтернативную санкцию [4, с. 9]. Не присоединяясь и не оспаривая ни одну из представленных точек зрения, представляется возможным сделать вывод о том, что в рассматриваемом памятнике права, данную меру по форме и по своему смыслу, можно соотносить с основанием освобождения от уголовной ответственности в современном понимании, но данное соотношение не будет абсолютным.

Рассматривая меры, сопряжённые с проявлением «деятельного раскаяния» виновным лицом или в некоторых случаях коллективным субъектом, А.Г. Антонов приводит любопытные примеры.

Так, согласно ст. 32 «Пространной правды» выдача холопа, бежавшего от господина, освобождала от трехгривенного штрафа за его укрывательства, а в соответствие со ст. 20 «Правды Ярослава» изобличение и добровольная выдача властям лица, совершившего убийство или разбой, освобождало от ответственности общину (вервь), на территории которой было совершено преступление [4, с. 10].

Судебник Великого князя Московского Ивана Васильевича 1550 года дает нам куда более интересный материал, так в нем устанавливается: «А *которого татя поймут с тядбою с какою ни буди впервые....А как истец, взяв на нем свое, отдаст его бояром, и боярин велит его дати на крепкую поруку, кто ему будут вперед иные истцы; а не будет по нем крепкие поруки, ино его кинути в тюрьму, доколе по нем порука будет*»¹⁵. В представ-

¹⁴ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru./index.php?id=79> (дата обращения: 24.09.2025)

¹⁵ [sudebnik_1550_goda.pdfhttps://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf](https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf)

ленном отрезке, закреплена возможность освобождения виновного в совершении кражи от наказания в виде торговой казни и отдания его истцу, при условии совершения данной кражи впервые и возмещении вреда потерпевшему¹⁶. Примечательно, как в данной норме перекликается с современностью условие «восстановления материального вреда» и «совершения преступления впервые» для большинства оснований, заключенных в главу 11 УК РФ, которые по-прежнему являются обязательными.

Не менее интересным для нашего исследования является 18 век, рассматривая который стоит процитировать артикул 92 Артикула Воинского 1715 года: *«Ежели кто после своего побегу, раскаясь на дороге, сам возвратится, и добровольно у своего офицера явится, оный по правде живота лишен не имеет быть, однакож ради его имевшего злаго замыслу по состоянию времени и по рассмотрению, шпицрутенами или иным каким наказанием наказать подобает»*¹⁷. В приведенном отрезке мы видим, что при проявленном «деятельном раскаянии», к дезертиру не применялась максимально суровая кара, однако, он не освобождался от наказания полностью, что не позволяет судить о ней как норме, заключенной в ст. 75 УК РФ в полном, абсолютном смысле, так как скорее в данном случае проявленное позитивное посткриминальное поведение является смягчающим обстоятельством, а не основанием освобождения от уголовной ответственности. Следует сказать, что при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ факт доброго деятельного раскаяния может быть расценен судом как смягчающий, и при указанных в примечании данной статьи обстоятельствах послужит дополнительным стимулом для суда освободить данное лицо от уголовной ответственности.

Настоящее расширение рассматриваемого института в системе отечественного законодательства происходит в 19 веке. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» к уже имевшемуся в средние века освобождению от наказания в связи со смертью преступника, добавляется иное, в связи с его «неизлечимой болезнью» [12]. Помимо этого, рассматриваемый «нормативно-правовой акт» включал в себя такие основания освобождения от «уголовной ответственности», как примирение с обиженным, давность и помилование [12].

Говоря о примирении с обиженным, надо сказать, что именно в этот период происходит существенное расширение преступлений, расследование и привлечение к ответственности за совершение которых происходило по инициативе потерпевшего, а следовательно, «примирение» с ним могло послужить основанием освобождения виновного. Примечательно, в уголовно-правовой науке даже бытует мнение, что именно тогда в горниле отечественного уголовного закона зародился институт частного обвинения [10]. В своем исследовании Е.В. Попаденко приводит объёмный перечень этих преступлений, не имея возможности процитировать его полностью, представляется любопытным привести

некоторые из них. Так, к данным преступлениям были отнесены нанесение оскорбления, клевета, распространение ругательных или других оскорблений для чести сочинений, изображении или слухов; высказывание угроз, вступление в брак через насилие, угрозы или обман [10].

Помимо выше указанных, рассматриваемый правовой акт содержал круг деяний, при совершении которых лицо не могло быть освобождено от наказания при аналогичном обстоятельстве. К ним относились растление и изнасилование, похищение с намерением изнасиловать, обольщение несовершеннолетней лицом, имеющим над ней власть, брак по принуждению и т.д. А вот в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. такового перечня уже не содержалось, тем не менее, он был представлен в Уставе уголовного судопроизводства и содержал в себе такие преступления, как преступления против брачного союза, дела об оскорблении правительственных установлений и должностных лиц, преступления, учинённые за границей, любовно-страстные деяния.

Думается уместным отметить параллели, возникающие между логикой применения «примирения с обиженным» с логикой применения некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, заключенных в гл. 11 УК РФ. Так, оно, как по смыслу, так и лингвистически сходно с нормами, заключенными в статьях 76 (примирение с потерпевшим) УК РФ. Стоит ли говорить, что имеются общие дефиниции, касающиеся выбора некоторых преступлений, за совершение которых, лицо не могли освободить от наказания [2, с. 36].

В свою очередь, современный уголовный закон и поныне содержит табуированные для применения освобождения от уголовной репрессии составы преступлений.

В качестве примера следует привести императивный запрет в отношении освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК РФ лиц, покусившихся на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Надо сказать, что такая преемственность в позиции законодателя близка многим современным авторам из числа уголовно-правового сообщества [5, 9, с. 97], мы также полностью поддерживаем данную инициативу.

Есть определенная схожесть и в том, что если в 1885 году лицо, которое оскорбило правительственное установление или должностное лицо, не могло быть освобождено от наказания, то современный УК РФ справедливо запрещает применять ст. 78.1 в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 207.2 (Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия), 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями

¹⁶ Там же.

¹⁷ <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>

ями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации) [2, с. 36].

Рассмотренные нами исторические вехи наглядно показывают, что институт освобождения от уголовной ответственности и наказания прошёл долгий путь эволюции, в ходе которого сформировалась основная оценочная шкала, содержащая ряд поступков, выраженных в позитивном поведении виновного лица, которые свидетельствуют с одной стороны о его «раскаянии», а с другой о возмещении нарушенной справедливости, путем восстановления прав потерпевшего, что позволяло суду и законодателю не применять в отношении этого лица уголовную репрессию.

Помимо поступков положительного толка, через толщу времен прослеживаются и те обстоятельства, которые не позволяют освободить виновное лицо от уголовной ответственности, например, покушение на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Многие нормы глав 11 и 12 УК РФ нашли свое современное звучание, юридические формы и условия своего применения на современном этапе, однако, их начало лежит в исторической глубине отечественного закона.

Литература

1. Андреев С.П. Судебный штраф восемь лет спустя. Актуальные вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 4(55). С. 7-8;

2. Андреев С. П. Исторический генезис норм, регламентирующих прекращение уголовного дела и уголовного преследования /Андреев С.П./ Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 34-40. С. 36;

3. Антонов А. Г. Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности ст. 76² УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»)? // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 17–19;

4. Антонов А.Г. Деятельное раскаяние. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 165 с.;

5. Антонова Е. Ю., Луценко Н. С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: необходимость ограничения его правоприменения // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. №4-5. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-neobhodimost-ogranicheniya-ego-pravoprimeneniya> (дата обращения: 20.09.2025);

6. Валеев М.Т. Денежное возмещение, предусмотренное ч. 2 ст. 76. 1 УК РФ как элемент «квазиуголовного права» // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 5–10;

7. Д.Р. Файзулина. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания. «Актуальные проблемы экономики и права» 2008. №2. С. 151-157.

8. Лоба Всеволод Евгеньевич Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. 2015. №5 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-prestupleniya-i-nakazaniya-po-sudebnikam-xv-xvi-vekov> (дата обращения: 25.09.2025).

9. Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Полуэктов Андрей Георгиевич. – Москва, 2018. – 210 с.

10. Попаденко Е.В. Институт примирения в истории российской уголовной юстиции (дореволюционный период) // Право: история и современность. 2021. №3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-primireniya-v-istorii-rossiyskoy-ugolovnoy-yustitsii-dorevolutsionnyy-period> (дата обращения: 26.09.2025);

11. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. Т. 1. – 430 с.

12. Спасович Д.В. Учебник уголовного права. – Т.1.- Вып. 1. – СПб.,1863. – С.425;

13. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru./index.php?id=79> (дата обращения: 25.09.2025);

14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2т. Т.2.-М.:Наука, 1994. – 419 с.

15. Юшков С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. – М.,1950. – 370 с.

Some milestones in the historical development of the Institute of exemption from criminal liability and punishment from «Russian Truth» to the «Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845»

Andreev S.P.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the twentieth and twenty-first centuries, the institution of exemption from criminal liability and punishment gained wide development, becoming one of the main directions of the humanization of the domestic criminal law. This process was ambiguous, far from all the measures taken by the legislator were unequivocally positively accepted by the criminal law community and found their place in law enforcement practice. Nevertheless, it has taken its significant place in the system of legislation of the Russian Federation, and has fully justified its social significance for Russian society. In order to understand this institution at the present stage and correctly determine the vector of its further development, a scientific understanding of its historical development is necessary.

Keywords: exemption from criminal liability, historical genesis, Russian Truth, Penal Code of 1845, humanization of criminal law, reconciliation with the victim, judicial fine

References

1. Andreev S.P. Judicial Fine Eight Years Later. Current Issues of Theory and Law Enforcement Practice // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2024. No. 4 (55). Pp. 7-8;
2. Andreev S. P. Historical Genesis of the Norms Governing the Termination of Criminal Cases and Criminal Prosecution /Andreev S.P./ Criminal

Procedure in Russia and Foreign States: Problems and Development Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 29, 2024. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - Pp. 34-40. P. 36;

3. Antonov A. G. Is Article 76² of the Criminal Code of the Russian Federation ("Release from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine") Grounds for Exemption from Criminal Liability? // Russian Justice. 2018. No. 9. pp. 17–19;
4. Antonov A.G. Active Repentance. – Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 2002. – 165 p.;
5. Antonova E. Yu., Lutsenko N.S. Release from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine: the Need to Limit Its Enforcement // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2018. No. 4–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-neobhodimost-ogranicheniya-ego-pravoprimeneniya> (accessed: 20.09.2025);
6. Valeev, M.T. "Pecuniary Compensation Provided for in Part 2 of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as an Element of "Quasi-Criminal Law"" // Criminal Justice. 2016. No. 2 (8). Pp. 5–10;
7. Fayzulina, D.R. "History of the Development of the Institute of Exemption from Criminal Liability and Punishment." "Current Problems of Economics and Law," 2008. No. 2. Pp. 151–157.
8. Loba, Vsevolod Evgenievich "Understanding Crime and Punishment According to the Codes of Law of the 15th–16th Centuries" // Philosophy of Law. 2015. No. 5 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-prestupleniya-i-nakazaniya-po-sudebnikam-xv-xvi-vekov> (date of access: 25.09.2025).
9. Poluektov, A. G. Release from criminal liability in connection with the imposition of a judicial fine: theoretical and applied aspects: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; criminal-executive law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Poluektov Andrey Georgievich. - Moscow, 2018. - 210 p.
10. Popadenko E.V. The Institute of Reconciliation in the History of Russian Criminal Justice (pre-revolutionary period) // Law: History and Modernity. 2021. No. 3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-primireniya-v-istorii-rossiyskoy-ugolovnoy-yustitsii-dorevolyutsionnyy-period> (accessed: 26.09.2025);
11. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1984. Vol. 1. – 430 p.
12. Spasovich D. V. Textbook of criminal law. Vol. 1. Issue 1. St. Petersburg, 1863. P. 425;
13. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics. Judicial statistics data. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date accessed: 25.09.2025);
14. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. Lectures. General Part. In 2 volumes. Vol. 2.-M.: Nauka, 1994. – 419 p.
15. Yushkov S.V. Russian Truth. Origin, Sources, Its Significance. – M., 1950. – 370 p.

Соотношение системы права и системы законодательства: основания деления, общие и особенные черты

Жохова Наталья Александровна

магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
nata.zhoxova.02@mail.ru

В статье рассматривается соотношение системы права и системы законодательства как двух взаимосвязанных, но в то же время различных понятий в юридической науке. Особое внимание уделяется теоретическим подходам к определению системы права и системы законодательства, а также взаимоотношению между ними в контексте формирования и применения правовых норм. Исследуются теоретические основы деления этих систем, раскрывая сущностные характеристики каждой из них. В работе проводится сопоставительный анализ, помогающий понять - каким образом законодательство служит инструментом реализации и закрепления правовых норм, а система права — более широким понятием, охватывающим все правовые явления в обществе. Результаты исследования могут быть использованы учёными, преподавателями, студентами юридических вузов с целью понимания устройства системы права.

Ключевые слова: система права, система законодательства, основания деления, норма, правовой акт, отрасли, подотрасли, институты, подинституты, предмет правового регулирования, метод правового регулирования.

Вопрос о соотношении понятий «система права» и «система законодательства» стоит начать с определения их содержания. Право — это совокупность общеобязательных правил поведения, установленных или санкционированных государством, регулирующих общественные отношения. Законодательство — это совокупность нормативных правовых актов, действующих на территории определенного государства, принятых компетентными органами, содержащих правила поведения. Существует множество подходов к трактовке вышеупомянутых систем права. Рассмотрим некоторые из них. По мнению Е.Э. Черенковой, система права — совокупность юридических норм, представляющих собой цельное образование, которое складывается благодаря сочетанию элементов частного и публичного права, а также их разделению на отрасли и институты в зависимости от предмета и метода правового воздействия. Автором определено понятие системы законодательства как совокупности нормативно-правовых актов, основанной на единстве государственной воли и сочетании частноправовых и публично-правовых начал. Данная система классифицируется не только по предметному (основному) критерию, но и по комплексному критерию, объединяющему в себе предмет и метод правового регулирования. [1. С. 12-13] Дерябина Е.М., Марченко М.Н. немного иначе трактуют смысл этих категорий, так система права представляет собой внутреннюю форму права, которая напрямую соотносится с общественными отношениями, урегулированными правом и сложившимися в границах конкретной страны. Другая исследуемая категория — совокупность нормативных правовых актов (созданных в обществе), составляющие которой выделяются на основании различных критериев. [2. С. 42-43]

Право представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения в рамках определенного общества. Его структура представлена следующими составляющими: нормы, подинституты, институты, подотрасли и отрасли права. Совокупность законов же является совокупностью нормативных правовых актов, т. е. формой выражения права. Первое, что бросается в глаза, это различие в характеристике: право-внутреннее, законодательство-внешнее. Из чего следует, что право и законодательство соотносятся как содержание и форма соответственно. Нормы облекаются в форму законодательных актов, указов и постановлений, так как первичные составляющие системы права — нормы и составляют содержание актов. Исходя из этого право первично, закон же должен ему соответствовать и развивать.

Особенностью является то, что структурное деление преимущественно основано на горизонтальных связях, то есть различиях между отраслями права. В то же время система законодательства характеризуется не только отраслевым делением, но и наличием иерархической структуры, отражающей различия в юридической силе документов. Законодательство включает в себя федеральные законы и акты, а также принятые в субъектах Российской Федерации. [3. С. 205] Общим определением для отрасли и института законодательства выступает следующее: это совокупность актов, имеющих одинаковую направленность. [4. С. 191] В рамках одной отрасли выделяются отдельные элементы, называемые институтами. Соответственно институты выступают меньшей структурной единицей.

Деление законодательства на отрасли основывается на различных факторах. В число объективных включаются: предмет правового регулирования (гражданское законодательство: регулирует имущественные отношения и связанные с ними личные неимущественные отношения, например, договор купли-продажи (статьи 454–481 ГК РФ); семейное законодательство: регулирует брачно-семейные отношения, например, порядок заключения и расторжения брака (статьи 12–20 СК РФ); трудовое: регулирует отношения между работодателем и работником, например, условия трудового договора (статьи 57–64 ТК РФ)); объекты и субъекты правового регулирования (в семейном-объектом являются личные и имущественные отношения членов семьи (супруги, родители и дети); в трудовом-субъектами являются работники и работодатели, а объектом — трудовые отношения); принципы, цели, задачи и функции; внутренняя структура — институты (в гражданском: институт собственности (права владения, пользования и распоряжения имуществом); обязательственного права (договорные и внедоговорные обязательства); наследственного права (правила наследования имущества)); собственная терминология. Субъективные основания: историко-правовые факторы (отрасль гражданского законодательства сформировалась исторически на основе римского права); потребности правоприменения; политические и идеологические факторы (выделение экологического законодательства как отдельной отрасли связано с ростом общественного внимания к вопросам охраны окружающей среды и устойчивого развития; появление информационного законодательства обусловлено развитием информационных технологий и необходимостью регулировать отношения в этой сфере). [5. С. 870-871]

Большинство оснований относятся как к делению законодательства на отрасли и институты, так и права — это одно из сходств обеих систем. Поскольку право содержательно обеспечивает законодательство, выделение отраслей и институтов права исторически первично, деление законодательства в рамках отраслей права основывается на сходных принципах. Выделение отраслей законодательства имеет важное практическое значение, так как оно помогает систематизировать и структуриро-

вать нормы права, облегчая их понимание и применение. Разделение законодательства на отдельные блоки, такие как отрасли и институты, дает возможность быстро находить необходимые положения в конкретной области (например, гражданское, уголовное, административное право), что значительно облегчает работу профессиональных субъектов, граждан. Благодаря блокам законодательства законодатель может целенаправленно разрабатывать и совершенствовать положения. Для учебных заведений и научных исследований отраслевое деление законодательства служит основой для построения учебных программ.

Помимо вышеупомянутых двух отличий можно выделить и иные. Право объединяет нормы, которые могут содержаться в различных источниках, в том числе, правила поведения, представляющие собой лишь обычай, который нигде не отражен, а законодательство — это конкретные акты, в которых эти нормы зафиксированы. Таким образом, система законодательства является составной частью системы права.

Система права развивается эволюционно, отражая изменения в обществе, не всегда развитие находит отражение в законодательстве. Законодательство же обновляется посредством принятия новых актов, изменений и дополнений к существующим. При этом законодательство должно соответствовать общей правовой системе и не противоречить её основным принципам. Система права не зависит от признания и закрепления в нормативных правовых актах, она формируется и развивается в обществе, обязательность правил поведения обусловлена тем, что их создание происходит для регулирования общественных отношений.

Правовая система формируется объективно, отражая динамику и изменения в социуме, тогда как законодательство обладает и субъективным аспектом, поскольку помимо объективных правовых основ оно зависит от воли законодателя. Именно законодатель определяет не только факт включения нормы в нормативный правовой акт, но и её конкретное содержание. [6. С. 200]

Объем системы законодательства значительно превосходит систему права, поскольку включает в себя положения, не относящиеся напрямую к праву (например, нормы, регулирующие процедуры, в том числе порядок издания нормативных правовых актов, а также программные положения и прочее). [7. С. 27]

Система законодательства обеспечивает формальную ясность и обязательность норм, что играет ключевую роль для их эффективного применения и исполнения, так как их соблюдение поддерживается государственным принуждением. Стоит отметить и общие черты, присущие как системе права, так и системе законодательства. В основе обеих систем лежат правовые нормы — правила поведения, которые регулируют общественные отношения. Основная задача обеих систем — регулирование различных аспектов общественной жизни. Они способствуют установлению правопорядка, защите прав и

свобод граждан, а также поддержанию стабильности в обществе. Для обеих систем характерно использование единого понятийного аппарата. Как система права, так и система законодательства подразделяются на отрасли: гражданское, уголовное, административное, трудовое и другие. Такое деление отражает специфику рассматриваемых отношений и упрощает процесс правоприменения. Следует подчеркнуть, что нормативный правовой акт может содержать нормы, относящиеся к разным отраслям права — например, об избирательных правах, о защите прав потребителей имеют межотраслевой характер. [8. С. 6]

Общие черты права и законодательства сводятся к тому, что основным критерием их выделения является предмет правового регулирования. Обе категории призваны урегулировать определённые отношения и состоят из соответствующих норм.

Специфика отрасли права определяется как совокупность юридических норм, объединённых признаками предмета и метода правового регулирования. При этом отрасли права охватывают более широкий спектр общественных отношений по сравнению с отраслью законодательства.

Отрасль законодательства обладает своими характерными особенностями. Документы, входящие в её состав, отличаются формальной определённостью и принимаются уполномоченными органами строго в рамках установленной процедуры. Законодательство создаётся на основе регламентированных процессов. [9. С. 118-119]

Таким образом, понятия «отрасль права» и «отрасль законодательства» имеют как общие, так и отличительные черты. Понятие «отрасль права», подразумевает более широкое понятие, включающим совокупность норм и принципов, регулирующих общественные отношения. Понятие «отрасль законодательства», конкретизирует эти нормы и придаёт им формальную закреплённость через нормативные акты, обеспечивая их практическое применение.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что система права обладает исключительно вертикальной структурой, тогда как системе законодательства присущи три типа структур — вертикальная, горизонтальная и иерархическая. Горизонтальная структура объединяет нормативные акты, находящиеся в рамках одной отрасли на одном уровне иерархии. Иерархическая структура подразумевает деление на акты разного уровня юридической силы. Эти структурные особенности приводят к тому, что отраслевое законодательство не всегда совпадает с отраслью права. Как система права, так и система законодательства подразделяются на подинституты, институты, подотрасли и отрасли. Однако их первичные звенья различаются: в праве это норма, а в законодательстве — закон или подзаконный акт (некоторые учёные ошибочно отождествляют его с отдельной статьёй нормативного акта). [10. С. 91] Классификация системы законодательства базируется как на объективных критериях, таких как общественные отношения, так и на субъективных — учитывающих историко-политические обстоятельства. Главное

отличие заключается в том, что при выделении отраслей права значимым критерием является также метод регулирования, тогда как в законодательной системе метод играет менее существенную роль.

Отрасли права и законодательства имеют общие черты, связанные с регулированием схожих социальных явлений, однако различаются по уровню обобщённости и способам выражения правил поведения. И право, и законодательство ориентированы на достижение единой цели — упорядочивание социальных связей, поддержание правопорядка и обеспечение защиты прав и свобод граждан. Вопрос о соотношении этих понятий остается в науке проблемным вопросом. Развитие законодательства неизбежно приведет к развитию права, а отражение развития самого права остается на усмотрение законодателя.

Литература

1. Черенкова Е. Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. Э. Черенкова. — Соврем. гуманитар. акад. — М., 2006. — 25 с.
2. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правоведение: Учебник. - М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. - 416 с.
3. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Эксмо, 2010. - 510 с.
4. Кузнецов В.В. Правовая природа категории "отрасль законодательства" // Вестник ВИ МВД России. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-kategorii-otrasl-zakonodatelstva> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Цветкова А. Д. Основания выделения отраслей права: проблемы и перспективы обновления критериальной системы / А. Д. Цветкова // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality : материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. – С. 867-873.
6. Гущина Н. А. Система права и система законодательства : Соотношение и некоторые перспективы развития /Н. А. Гущина. //Правоведение. -2003. — № 5. — С. 198 — 204
7. Шминке А. Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Д. Шминке. — Саратов, 2012. — 32 с.
8. Бошно С. В. Система права и система законодательства // Право и современные государства. 2013. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva> (дата обращения: 17.09.2025).
9. Кузнецов В. В. Отрасль права и отрасль законодательства как элементы национальной системы

права / В. В. Кузнецов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2020. – № 6-2. – С. 118-123.

10. Леонов А. Н. Система права и система законодательства: проблемы соотношения // Право и государство: теория и практика. 2022. №8 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva-problemy-sootnosheniya> (дата обращения: 24.09.2025).

The relationship between the legal system and the legislative system: grounds for division, general and specific features.

Zhokhova N.A.

Tomsk State University,

This article examines the relationship between the legal system and the legislative system as two interconnected yet distinct concepts in legal science. Particular attention is paid to theoretical approaches to defining the legal system and the legislative system, as well as the relationship between them in the context of the formation and application of legal norms. The theoretical foundations for dividing these systems are explored, revealing the essential characteristics of each. A comparative analysis is provided to understand how legislation serves as a tool for implementing and enshrining legal norms, while the legal system is a broader concept encompassing all legal phenomena in society. The results of this study can be used by scholars, teachers, and law students to understand the structure of the legal system.

Keywords: Legal system, system of legislation, grounds for division, norm, legal act, branches, sub-branches, institutions, sub-institutions, subject of legal regulation, method of legal regulation.

References

1. Cherenkova, E. E. The System of Law and the System of Legislation of the Russian Federation: Concept and Correlation: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01 / E. E. Cherenkova. — Modern Humanitarian Acad. — Moscow, 2006. — 25 p.
2. Marchenko, M. N., Deryabina, E. M. Jurisprudence: Textbook. — Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2004. — 416 p.
3. Morozova, L. A. Theory of State and Law: Textbook / L. A. Morozova. — 4th ed., revised and enlarged. — Moscow: Eksmo, 2010. — 510 p.
4. Kuznetsov, V. V. LEGAL NATURE OF THE CATEGORY "BRANCH OF LEGISLATION" // Bulletin of the Foreign Intelligence Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-kategorii-otrasl-zakonodatelstva> (date of access: 15.09.2025).
5. Tsvetkova A. D. Grounds for distinguishing branches of law: problems and prospects for updating the criteria system / A. D. Tsvetkova // Business, management and law: Digital reality: materials of the international scientific and practical conference, Yekaterinburg, October 29, 2021. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2021. - P. 867-873.
6. Gushchina N. A. The system of law and the system of legislation: Correlation and some development prospects / N. A. Gushchina. // Jurisprudence. - 2003. — No. 5. — P. 198 — 204
7. Shminke A. D. The System of Law and the System of Legislation of Russia: Methodological Issues: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01 / A. D. Shimke. — Saratov, 2012. — 32 p.
8. Boschno S. V. The System of Law and the System of Legislation // Law and Modern States. 2013. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva> (date of access: 17.09.2025).
9. Kuznetsov V. V. Branch of Law and Branch of Legislation as Elements of the National Legal System / V. V. Kuznetsov // Public Security, Legality, and Law and Order in the III Millennium. — 2020. — No. 6-2. — P. 118-123.
10. Leonov, A. N., "The system of law and the system of legislation: problems of relationship" // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 8 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva-problemy-sootnosheniya> (accessed: 24.09.2025).

Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации: конституционно-правовые основы, практика и вызовы защиты избирательных прав

Сапрыгин Кирилл Владимирович

аспирант кафедры Государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, sapryginkv@gmail.com

В статье исследуются конституционно-правовые основы, правоприменительная практика и ключевые вызовы, связанные с реализацией дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Российской Федерации. Автор выявляет существующие коллизии и пробелы в законодательном регулировании, включая противоречия между нормами Федерального закона № 67-ФЗ и актами ЦИК РФ, а также отсутствие четкого понятийного аппарата. Особое внимание уделяется вопросам судебной защиты избирательных прав: анализируются случаи недостаточной активности судов при рассмотрении технических аспектов ДЭГ. Обосновывается необходимость использования неквалифицированной электронной подписи при оформлении протоколов и повышения уровня правосознания граждан. В качестве перспективного направления предлагается внедрение технологии открытого блокчейна для обеспечения прозрачности и доверия к электронному голосованию. Статья подчеркивает, что ДЭГ должно оставаться вспомогательным, а не основным инструментом реализации избирательных прав.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, дистанционное электронное голосование, избирательные комиссии, принципы избирательного процесса, гарантии избирательных прав, правосознание, блокчейн.

Введение.

Референдум и свободные выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа. Данная декларативная норма ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) относится к основам конституционного строя. Важность активного избирательного права (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ) сложно переоценить, так как от легитимности процесса выборов зависит легитимность власти. Полнота и эффективность реализации этого права возможна только путём соблюдения принципов избирательного права.

Системное толкование норм ст. 3 ФЗ № 67 позволяет выделить эти принципы: свобода выбора; тайна голосования; всеобщее равное прямое волеизъявление; запрет ограничений и воздействий на гражданина при реализации избирательных прав; открытость и гласность проведения голосования; недопустимость воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателя; полнота реализации права; принцип невмешательства органов и организаций в результаты выборов.

Соблюдение принципов осложняется в том числе объективными процессами развития общества. К таким процессам относятся информатизация и цифровизация всех сторон жизни, в том числе выборов. Наибольшие трудности возникают при реализации следующих принципов: свобода выбора, тайна голосования, гласность, открытость. Среди основных детерминантов возникающих проблем: сложность технологического процесса, значительное число уполномоченных субъектов, двухуровневая система голосования (федеральная и региональная), невозможность обеспечить полную свободу волеизъявления и соответствующий контроль за этим, неразвитая нормативная база, несформированные правовые позиции в правоприменении.

При этом данные официальной статистики демонстрируют достаточно высокий уровень поддержки электронного способа голосования (67% опрошенных на 02.09.2024 [5]). Респонденты отмечают его удобство и оперативность. С другой стороны, тот же опрос шестью месяцами ранее демонстрирует больший процент поддержки электронного голосования (74% опрошенных на 13.03.2024 [4]). Более того, 63% респондентов от 02.09.2024 предпочли традиционное голосование по бумажным бюллетеням электронному голосованию. А треть опрошенных и вовсе видит большие риски в системе ДЭГ.

Таким образом, налицо очевидный общественный запрос на электронное голосование как на удобный и эффективный способ реализации своего

активного избирательного права. Вместе с тем энтузиазм избирателей угасает по причине отсутствия уверенности в защите своего избирательного права, в действенных гарантиях такой защиты.

В этой связи цель работы – выявление наиболее актуальных проблем, порождаемых вышеперечисленными детерминантами электронного голосования, предложение и обоснование способов предупреждения и разрешения этих проблем.

Материалы и методы.

Для достижения поставленной цели были использованы материалы законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах, подзаконные нормативные правовые акты, правоприменительная практика, в том числе практика судов разных инстанций, а также научная и учебная литература. Среди специальной литературы необходимо отметить монографические труды по данной теме последних лет. В частности, кандидатские диссертации 2024 года Т. О. Трущаловой [14], В. А. Ржановского [13]. Нельзя не отметить обилие статей по данной теме. Во многих из них поднимаются важные вопросы, связанные с регулированием ДЭГ. Наиболее содержательные статьи написаны правоведами отрасли конституционного права: Е. В. Гриценко [3], А. С. Лолаева [9], а также теории права Н. А. Баранов [2], А. А. Ларичев [8].

Перечисленные материалы были исследованы с помощью методологии и методов, заявленных в аннотации и в разделе «методы».

Литературный обзор.

Обзор научной литературы позволяет систематизировать основные вопросы, которые обсуждают учёные. Всю проблематику по использованию ДЭГ необходимо разделить на три блока: проблемы законодательного регулирования, проблемы правоприменения, проблемы правосознания (восприятия и отражения электронного голосования как новой реальности в сфере выборов).

Обсуждение.

Обсуждение стоит начать с первого блока – дефекты законодательного регулирования. ДЭГ создаёт дополнительные ограничения для избирателей, что не позволяет говорить о равенстве в правовом статусе с избирателями, голосующими традиционно. Помимо активного избирательного права голосующее через ДЭГ лицо: 1) должно иметь действительную верифицированную учётную запись пользователя федеральной ГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»; 2) сведения о лице из учётной записи должна совпадать с информацией из реестров голосующих по ДЭГ и с другими информационными системами, относящимися к проводимым выборам; 3) лицо должно быть зарегистрировано по месту жительства на территории, где проводится ДЭГ (п. 1.3 Порядка, утверждённого Постановлением ЦИК РФ от 08.06.2022 № 86/716-8, далее – Порядок № 86/716-8 [11]).

И если первые два требования обусловлены технической необходимостью, то третье требование представляется излишним и должно быть отменено, так как общая гарантия о свободе выборов допускает реализацию активного избирательного права в том числе по месту пребывания (ч. 1 ст. 64 ФЗ № 67-ФЗ). Кроме того, на уровне регионов могут устанавливать дополнительные требования о полном доступе к региональным избирательным системам.

Организационная и техническая сложность проведения ДЭГ предопределяет большое число задействованных субъектов и технических средств в этом процессе. ЦИК РФ в этой связи вынужден брать на себя несвойственные законодательные полномочия и регламентировать не только процедурные моменты, но и понятийно-категориальный аппарат. Поэтому представляется необходимым согласовать нормы ст. 2 ФЗ № 67-ФЗ с нормами п. 1.6 Порядка № 86/716-8 через включение терминов из Порядка в закон.

Проблематика правоприменения касается права на судебную защиту при оспаривании процедуры проведения выборов, результатов выборов и других связанных с этим вопросов. Анализ правоприменительной практики показал, что суды крайне узко интерпретируют предмет судебной проверки, не пользуются своими полномочиями по назначению технических экспертиз.

Рассмотрение дел об оспаривании результатов ДЭГ вплоть до Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) ограничивается выяснением формальных вопросов: о сроках проведения ДЭГ; об электронной системе, используемой при ДЭГ (факт её сертификации); о соблюдении условий, при которых избиратель вправе принять участие в голосовании.

Между тем сложные вопросы, требующие глубоких технических знаний, суды не выясняют даже с помощью экспертов. Представляется, что подобным бездействием нарушается процессуальный принцип активной роли суда в административном судебном процессе (п. 7 ст. 6 Кодекса административного судопроизводства РФ). На недопустимость такого бездействия косвенно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в своём Постановлении от 15.04.2014 № 11-П. В нём говорится о том, что процедура голосования обязана обеспечивать честность, прозрачность и безопасность выборов, в связи с чем должна быть предоставлена возможность судебной проверки указанной процедуры [12].

Анализ двух дел об оспаривании итогов ДЭГ по выборам в Московскую городскую Думу от 08.09.2024 (Кассационное определение ВС РФ от 23.04.2025 № 5-ИКАД25-1-А1 [7]), об оспаривании постановления ЦИК РФ о ДЭГ на выборах Президента РФ от 17.03.2024 (Апелляционное определение ВС РФ от 08.02.2024 № АПЛ24-53 [10]) позволил выявить ряд вопросов технического характера, на которые судам первой инстанции следовало бы обратить более пристальное внимание: каким образом происходит проверка правильности составления списков избирателей, голосующих посредством

ДЭГ; как до избирателей доводятся результаты голосования с использованием ДЭГ; каким образом надлежит обжаловать списки избирателей по ДЭГ и результаты ДЭГ в административном порядке; каков механизм учёта голоса лица, который приступил к заполнению электронного бюллетеня, но по техническим причинам не смог завершить заполнение и проголосовать; требуется ли электронная подпись на протоколах о результатах ДЭГ для верификации председателя и секретаря соответствующей комиссии.

Перечисленные вопросы применения права могут быть разрешены с помощью организационно-методических рекомендаций, которые ВС РФ вправе дать нижестоящим судам в виде Постановления Пленума или Обзора судебной практики.

Что касается вопроса об электронной подписи, то ВС РФ в указанном Кассационном определении от 23.04.2025 постановил, что отсутствие сведений о применении невалифицированных электронных подписей председателя и секретаря избирательной комиссии в протоколах об итогах ДЭГ не свидетельствует о недействительности данных протоколов и не может служить основанием для оспаривания итогов выборов. В качестве аргумента указано на то, что Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – ФЗ «Об электронной подписи») не относится к законодательству о выборах.

Приведённый вывод суда представляется спорным по двум причинам. Во-первых, протокол об итогах голосования должен быть подписан (ч. 2 ст. 67 ФЗ № 67-ФЗ). Думается, что данная норма распространяется и на протоколы ДЭГ. Особенно учитывая, что электронная подпись равнозначна обычной рукописной подписи – ст. 6 ФЗ «Об электронной подписи». Во-вторых, суд самостоятельно сузил пределы законодательства о выборах, не включив в него ФЗ «Об электронной подписи». Вместе с тем такими полномочиями обладает только законодательный орган, который вправе решить вопрос о содержании и пределах законодательства о выборах – также регламентировав этот вопрос на уровне федерального закона.

Проблема использования ДЭГ охватывает не только нормативно-правовые и правоприменительные вопросы, но и темы смежного характера. Одна из таких тем: ДЭГ как фактор, влияющий на утрату ценности совершённого гражданином выбора с точки зрения правосознания.

Конституционные нормы, помимо того, что являются основой государственного устройства, политики и общественных отношений, также отражают взаимосвязанные ценности и идеалы конкретного государства, его общества и отдельной личности. Формальное участие в голосовании (то есть поставка «галочки» в бюллетени) не несёт в себе конституционной ценности, поскольку не достигается истинная цель конституционных норм – осуществление непосредственной демократии.

Цифровизация с точки зрения активного действия создает основания для распространения проблемы формального участия (быстрее и не важно за

кого), а также условия в целом для поверхностного подхода общества к голосованию. Но что есть активное действие? Для юридически гражданина с житейским уровнем правосознания, который не ставит вопросы о природе и конституционно-правовых основах избирательного права, активные действия можно описать шестью ключевыми процессами: узнать о кандидатах (вопросах референдума), прийти в избирательный участок, получить бюллетень, зайти в кабину для голосования и поставить знак в графе для голосования. Следствие их совершения – осознанность гражданином своего волеизъявления и его важности.

Посредством очного взаимодействия с институтами непосредственной демократии укрепляется связь индивид – общество – государство, поскольку перечисленные действия повышают уровень социального взаимодействия и ответственности. Цифровизация в свою очередь уменьшает этот уровень, так как отсутствует необходимость появиться в избирательном участке, приложить усилия в рамках важного социально-правового события. Кроме того, существенно снижаются временные затраты на электронное голосование по сравнению с очным голосованием. Иными словами, правосознание гражданина не отражает ответственности и последствий сделанного выбора.

Однако можно ли считать изложенное истиной в условиях массовой цифровизации при смене поколений, для которого не известен мир в отсутствие технологий? Представляется, что нельзя. Электронный формат голосования – закономерное явление.

На голосование оказывают влияние социально-психологические факторы (в том числе «установки общественного мнения по отношению к институту выборов» [6, с. 80]), представление социума о должном. По справедливому замечанию учёных «электронные процессы в сфере выборов должны не заменять решения человека, а создавать технические условия для принятия таких решений» [8, с. 39]. ДЭГ должно оставаться именно вспомогательным механизмом непосредственной демократии, а не основным. И по мере проработки технических, нормативно-правовых моментов при организации ДЭГ указанный вспомогательный механизм будет пользоваться всё большим доверием и популярностью. Его ценность в правосознании большинства граждан будет повышаться.

С проблемой правосознания также связана проблема фактически двух взаимоисключающих требований. Гражданин РФ участвует в выборах при тайном голосовании. Одновременно с этим должна быть обеспечена открытость для наблюдения за голосованием. В рамках цифровизации это значит «открытость для наблюдения за функционированием информационных систем» [8, с. 43].

При голосовании на избирательном участке присутствуют наблюдатели, которые оценивают как гражданин получает и опускает бюллетень, cabina обеспечивает тайну голосования, как следствие, оба требования соблюдены. Но электронный бюллетень существует в цифровой среде и не может

быть отслежен наблюдателем. Это же касается электронного списка избирателей.

По мнению Д. М. Худолей и К. М. Худолей для обеспечения прозрачности электронных выборов требуется «раскрыть общественности аппаратные средства и конфигурацию системы ДЭГ, установить контроль за деятельностью системных администраторов, проводить специальное обучение кандидатов на выборах, наблюдателей, избирателей» [15, с. 496].

Представляется в настоящее время Конституция РФ закрепляет достаточно норм, определяющих начала избирательного права в РФ, поэтому дополнительные изменения в неё вносить не требуется. Разрешение проблемы открытости ДЭГ следует осуществлять на уровне федерального законодательства и с помощью доработки информационной системы, в которой производится электронное голосование. Цифровая среда опосредует необходимость закрепления правового статуса программиста и системного администратора, то есть лиц, обеспечивающих функционирование информационной системы и сохранность данных. В перспективе именно данные лица могут быть наделены функциями наблюдателей в цифровой среде.

На технологическом уровне надлежит определить возможность использования технологий открытого общедоступного блокчейна, который «позволяет, с одной стороны, обеспечить простой и защищенный доступ к системе всем избирателям, с другой - практически полностью гарантировать невозможность внесения изменений в результаты голосования» [1, с. 177].

Заключение.

Таким образом, анализ законодательства о выборах, правоприменительных актов, а также научной литературы в области ДЭГ помог обнаружить ряд дефектов правового регулирования, несоответствий в правоприменительной практике. Для решения выявленных проблем предложены решения, изложенные ниже в разделе «результаты».

Результаты.

1. Следует устранить коллизию между п. 1.3 Порядка № 86/716-8 и ч. 1 ст. 64 ФЗ № 67-ФЗ в пользу последней нормы и убрать обязательное требование о регистрации лица, голосующего с использованием ДЭГ, по месту проживания;

2. понятия и термины о ДЭГ из п. 1.6 Порядка № 86/716-8 необходимо включить в ст. 2 ФЗ № 67-ФЗ, а также скорректировать терминологию, которая используется в бланках официальных документов – в приложениях к ФЗ № 67-ФЗ;

3. ВС РФ следует издать Постановление Пленума или Обзор практики, в котором нужно отразить способы разрешения накопившихся правоприменительных проблем в сфере ДЭГ, в том числе дать рекомендацию нижестоящим судам выяснять вопросы технического характера с помощью назначения экспертиз и привлечения специалистов;

4. законодателю следует закрепить перечень нормативных правовых актов, относящихся к законодательству о выборах, в том числе рассмотреть вопрос о включении в данный перечень ФЗ «Об электронной подписи»;

5. в ФЗ № 67-ФЗ и (или) в Порядок № 86/716-8 следует включить положение об обязательном подписании протокола о результатах ДЭГ председателем и секретарём соответствующей комиссии с помощью неквалифицированной электронной подписи;

6. ДЭГ с точки зрения общественного правосознания должно быть факультативным механизмом непосредственной демократии, а не основным;

7. необходимо определить правовой статус программиста и системного администратора как субъектов, обеспечивающих ДЭГ;

8. целесообразно задействовать технологии открытого общедоступного блокчейна и отразить их в нормативном правовом регулировании.

Литература

1. Амелин, Р. В., Чаннов, С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. - 280 с.

2. Баранов, Н. А. От недоверия - к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России / Н. А. Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 433-446.

3. Гриценко, Е. В. Обеспечение и защита активного избирательного права в процедурах электронного голосования / Е. В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 2. С. 77-102.

4. Дистанционное электронное голосование: мониторинг // ВЦИОМ. Новости. 2024. 13 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (дата обращения: 17.09.2025).

5. Дистанционное электронное голосование: мониторинг. Популярность ДЭГ продолжает расти? // ВЦИОМ. Новости. 2024. 2 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2> (дата обращения: 17.09.2025).

6. Иваненко, К. А. Социально-психологические детерминанты электорального поведения избирателя / К. А. Иваненко // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 3. С. 77-84.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2025 № 5-ИКАД25-1-А1 (УИД 77OS0000-02-2024-028905-26) // СПС КонсультантПлюс.

8. Ларичев, А. А., Ржановский, В. А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект / А. А. Ларичев, В. А. Ржановский // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 35-52.

9. Лолаева, А. С., Алборова, М. Х. Электронное голосование как способ реализации электронной демократии / А. С. Лолаева, М. Х. Алборова // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 168-172.

10. «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 30.01.2024 № АКПИ24-66, которым отказано в удовлетворении заявления об оспаривании Постановления ЦИК России от 20.12.2023 № 143/1099-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» и утвержденного им Порядка»: Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2024 № АПЛ24-53 // СПС КонсультантПлюс.

11. «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем»: Постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 // Вестник ЦИК России. 2022. № 5.

12. «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.04.2014 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

13. Ржановский В. А. Правовое регулирование и система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Ржановский В. А. - М., 2024. - 205 с.

14. Трущалова Т. О. Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России: дис. ... канд. юрид. наук / Трущалова Т. О. - М., 2024. - 202 с.

15. Худолей, Д. М., Худолей, К. М. Электронное голосование в России и за рубежом / Д. М. Худолей, К. М. Худолей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 476-503.

Remote Electronic Voting in the Russian Federation: Constitutional and Legal Framework, Practice, and Challenges for Protecting Electoral Rights

Saprygin K.V.

F.M. Dostoevsky Omsk State University

This article examines the constitutional and legal framework, law enforcement practices, and key challenges associated with the implementation of remote electronic voting (REV) in the Russian Federation. The author identifies existing conflicts and gaps in legislative regulation, including contradictions between the provisions of Federal Law No. 67-FZ and the regulations of the Central Election Commission of the Russian Federation, as well as the lack of a clear conceptual framework. Particular attention is paid to judicial protection of electoral rights: cases of insufficient court activity in reviewing the technical aspects of REV are analyzed. The need to use unqualified electronic signatures when drafting protocols and to raise citizens' legal awareness is substantiated. The implementation of open blockchain technology to ensure transparency and trust in electronic voting is proposed as a promising approach. The article emphasizes that remote electronic voting should remain an auxiliary, rather than the primary, tool for exercising electoral rights.

Keywords: electoral law, electoral process, remote electronic voting, electoral commissions, principles of the electoral process, guarantees of electoral rights, legal awareness, blockchain.

References

- Amelin, R. V., Channov, S. E. Evolution of Law under the Impact of Digital Technologies. Moscow: NORMA, 2023. - 280 p.
- Baranov, N. A. From Mistrust to Legitimation: The Difficult Path of Digital Electoral Technologies on the Example of Russia / N. A. Baranov // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. No. 3. Pp. 433-446.
- Gritsenko, E. V. Ensuring and Protecting Active Electoral Rights in Electronic Voting Procedures / E. V. Gritsenko // Comparative Constitutional Review. 2025. No. 2. Pp. 77-102.
- Remote Electronic Voting: Monitoring // VTsIOM. News. 2024. March 13. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (accessed: 17.09.2025).
- Remote Electronic Voting: Monitoring. Does the Popularity of Remote Electronic Voting Continue to Grow? // VTsIOM. News. 2024. September 2. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2> (accessed: 17.09.2025).
- Ivanenko, K. A. Social and Psychological Determinants of Voter Electoral Behavior / K. A. Ivanenko // Bulletin of RUDN University. Series: Psychology and Pedagogy. 2013. No. 3. P. 77-84.
- Cassation ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2025 No. 5-IKAD25-1-A1 (UID 77OS0000-02-2024-028905-26) // SPS ConsultantPlus.
- Larichev, A. A., Rzhzanovsky, V. A. Development of remote electronic voting in Russia: constitutional and legal aspect / A. A. Larichev, V. A. Rzhzanovsky // Journal of Russian Law. 2022. No. 9. P. 35-52. 9. Lolaeva, A. S., Alborova, M. Kh. Electronic voting as a way to implement electronic democracy / A. S. Lolaeva, M. Kh. Alborova // Law and state: theory and practice. 2023. No. 4. P. 168-172.
- "On leaving unchanged the decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.01.2024 No. АКПИ24-66, which denied the application to challenge the Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 20.12.2023 No. 143/1099-8 "On remote electronic voting in the elections of the President of the Russian Federation scheduled for March 17, 2024" and the Procedure approved therein": Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.02.2024 No. АПЛ24-53 // SPS ConsultantPlus.
- "On the Procedure for remote electronic voting using federal state information systems": Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 08.06.2022 No. 86/716-8 // Bulletin of the Central Election Commission of Russia. 2022. No. 5.
- "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 65 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the request of the Legislative Assembly of the Vladimir Region": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 11-П // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 16. Article 1922.
- Rzhzanovsky V. A. Legal regulation and the system of remote electronic voting in the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law / Rzhzanovsky V. A. - Moscow, 2024. - 205 p.
- Trushchalova T. O. Remote electronic voting in the system of direct democracy in Russia: diss. ... Cand. of Law. sciences / Trushchalova T. O. - M., 2024. - 202 p.
- Khudoley, D. M., Khudoley, K. M. Electronic voting in Russia and abroad / D. M. Khudoley, K. M. Khudoley // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 3. P. 476-503.

Перспективы унификации правового регулирования деятельности юридических лиц в России и Ираке: проблемы и возможности

Алабиде Нахла Фила Хусан

сотрудник кафедры административных и правовых вопросов
Университета Аль-Кадисия, Ahmed.h.mneahil@gmail.com,

Цель: проанализировать структурные различия в корпоративном праве России и Ирака, оценить экономическую и правовую целесообразность унификации и предложить модели интеграции международных стандартов в национальные нормативно-правовые базы. *Методология:* Комплексный междисциплинарный подход, включающий сравнительно-правовой анализ, институциональную экспертизу и интерпретацию эмпирических данных, способствует многоаспектной оценке сближения законодательства; законодательные акты, статистика корпоративных споров и судебные прецеденты выступают в качестве основных аналитических источников, обеспечивая как качественную глубину, так и количественную точность. *Результаты:* ключевые различия проявляются в организационных структурах, протоколах регистрации и механизмах правоприменения: Формализованный нормативно-правовой аппарат России обеспечивает процессуальную последовательность, фрагментированная законодательная среда Ирака способствует юрисдикционному разбросу – правовая интеграция требует гибридного подхода, сочетающего процессуальную стандартизацию с контекстуальной гибкостью. *Последствия:* частичная гармонизация – а не полномасштабная унификация – представляет жизнеспособной моделью, снижающей риски чрезмерного регулирования и повышающей правовую предсказуемость для трансграничных предприятий; согласование процедурных норм без навязывания жесткого единообразия сохраняет автономию юрисдикций, способствуя стабильности инвестиций. Стратегии правовой адаптации, основанные на принципах корпоративного управления ОЭСР, требуют корректировки в зависимости от юрисдикции для обеспечения баланса между соблюдением международных норм и согласованностью национального законодательства. Практическое применение выходит за рамки правовой доктрины: снижение административной непрозрачности укрепляет доверие инвесторов, а предсказуемость регулирования способствует транснациональному расширению бизнеса. Гармонизированные механизмы разрешения споров снижают транзакционные издержки, упрощая корпоративные операции в обеих юрисдикциях. Исследование подчеркивает необходимость постепенной правовой интеграции: поэтапное внедрение предотвращает системные сбои, гарантируя, что гармонизация укрепляет, а не подрывает экономическую и институциональную стабильность. Будущие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочного влияния конвергенции регулирования на эффективность рынка: эмпирическая оценка последовательности правоприменения позволит прояснить эффективность унифицированных моделей корпоративного управления, уточнив баланс между правовой стандартизацией и гибкостью юрисдикции.

Ключевые слова: унификация корпоративного права, гармонизация законодательства, сближение нормативных актов, транснациональное корпоративное управление, сравнительно-правовой анализ, международное бизнес-право, юрисдикционный суверенитет.

Введение

Дискурс об унификации выявляет две конкурирующие парадигмы: одна выступает за "гармонизацию через стандартизацию", примером которой являются такие международные инструменты, как Типовой закон ЮНСИТРАЛ, а другая – за "адаптивную конвергенцию", которая позволяет корректировать юрисдикцию при сохранении общей правовой согласованности – подход, актуальный для государств с различными правовыми традициями и политическими приоритетами [Борисевич, 2023, р. 112].

В российско-иракском правовом ландшафте необходимость согласования нормативных актов определяется геополитическим и экономическим взаимодействием, в таких секторах, как энергетика – обе страны ориентируются на динамику глобального рынка и двусторонние инвестиционные соглашения [Мухаммад, 2023]. Структурные различия между их правовыми системами – гибридная модель России, включающая элементы гражданского и административного регулирования, и развивающаяся правовая система Ирака, находящаяся под влиянием исламской юриспруденции и международных экономических соглашений, – подчеркивают сложность согласования механизмов регулирования без нарушения юрисдикционной целостности [Григорьева, Часовской, 2023]. Перспектива унификации требует изучения возможности принятия стратегий частичной гармонизации, а не абсолютной конвергенции регулирования – подхода, который должен учитывать институциональные, доктринальные и процедурные различия, используя при этом существующие международные стандарты для облегчения трансграничных корпоративных операций.

Логика гармонизации опирается на фундаментальную экономическую теорему: транзакционные издержки, связанные с правовыми расхождениями, должны быть минимизированы, чтобы экономическая текучесть была максимальной – принцип лежит в основе стратегического принятия международных правовых инструментов, которые служат стабилизирующими константами в системе нормативных взаимодействий [Али и Уда, 2023].

Парадокс правовой унификации – в ее одновременной необходимости и сопротивлении – экономическая взаимозависимость требует нормативной конгруэнтности, правовой плюрализм оказывает противодействие, сохраняя автономию юрисдикции в качестве фундаментальной переменной в правовом уравнении (это напряжение проявляется в государствах – конституционная идентичность высту-

пает в качестве нормативного барьера, препятствующего беспрепятственной трансплантации внешних правовых норм) [Джихад, 2023]. Траектория объединительных усилий следует нелинейной модели, в которой прогресс зависит от разрешения юрисдикционных противоречий и стратегической рекалибровки юридико-политических ограничений – подобно системе, стремящейся к равновесию, но подверженной влиянию внешних возмущений.

Обзор литературы.

Правовое регулирование корпоративных образований демонстрирует структурную дивергенцию между юрисдикциями: национальные системы колеблются между жесткими внутренними кодификациями и адаптивными транснациональными моделями – последние требуют процедурной эластичности для учета глобальной экономической взаимозависимости – эта двойственность проявляется во взаимодействии суверенной правовой доктрины и международного регулятивного давления, порождая равновесие, а не статичный правовой порядок (включение наднациональных норм в национальные правовые системы представляет не унификацию, а итеративный процесс избирательного переноса права) [Голикова, 2024]. Историческая траектория унификации корпоративного права обнаруживает рекурсивную диалектику: каждый этап сближения – будь то договоры, типовые законы или экономические договоры – сохраняет автономию юрисдикций, но при этом встраивает механизмы функциональной синхронизации (этот структурный парадокс подчеркивает роль "правовой гибридности" в формировании транснациональных моделей корпоративного управления) [Али и Уда, 2023].

Эволюция унификации корпоративного права происходит по градиенту гармонизации регулирования: ранние кодификации отражали внутренние приоритеты, современные рамки интегрируют "правовую совместимость" – концепцию, согласно которой разрозненные системы сохраняют операционную согласованность без необходимости полной ассимиляции (этот принцип проявляется в правовых режимах, принимающих международные корпоративные стандарты в качестве ориентиров, а не обязательных мандатов) [Егорова, 2023]. Фундаментальный теоретический пробел сохраняется: международное корпоративное право стремится к созданию конвергентных путей регулирования, национальные законодательные системы остаются привязанными к конституционной идентичности, сопротивляясь полномасштабной правовой ассимиляции – это неразрешенное противоречие определяет пределы современных усилий по правовой унификации, позиционируя гармонизацию не как конечную точку, а как непрерывный процесс структурной рекалибровки [Хамид, 2023].

Результаты

Различия между российским и иракским корпоративным законодательством проявляются на фундаментальных уровнях: организационно-правовые

формы, механизмы регистрации, протоколы ликвидации и фискальные режимы демонстрируют структурные несоответствия, препятствующие унификации. Российское корпоративное законодательство проводит четкие различия между "акционерными обществами" (государственными/частными), "обществами с ограниченной ответственностью" (ООО) и "государственными корпорациями" – каждое из которых имеет специфическую систему управления, требования к капиталу и обязательства по раскрытию информации; иракская система, напротив, включает элементы "гражданско-коммерческих гибридов", обеспечивая большую гибкость в структуре акционеров, но с меньшим регулятивным надзором – эта асимметрия порождает интерпретационные пробелы в трансграничном корпоративном управлении. Процедуры регистрации свидетельствуют о дальнейших расхождениях: Россия внедряет централизованную систему через Федеральную налоговую службу – цифровизация ускоряет выход компаний на рынок – подача уставных документов, утверждение устава и налоговая идентификация упрощаются в рамках единых реестров; Ирак сохраняет полужцентрализованный подход через "Департамент регистрации компаний" – задержки в обработке документации, различные региональные бюрократические процедуры и отсутствие единых механизмов электронного управления вносят неэффективность в процесс регистрации компаний. Механизмы ликвидации усиливают эти различия: Российское законодательство о несостоятельности предписывает модель "поэтапной ликвидации" – обязательное уведомление кредиторов, структурированное урегулирование задолженности и судебный надзор за процедурой банкротства обеспечивают систематический выход компаний; в Ираке используется "смешанная ликвидация" – добровольное расторжение не имеет процедурной стандартизации, процедуры несостоятельности сталкиваются с административными препятствиями, а урегулирование требований кредиторов остается непоследовательным. Налоговые режимы осложняют гармонизацию: В России действует двухуровневая система – корпоративный налог на прибыль (20%), региональные налоговые различия и отраслевые вычеты регулируют корпоративные взносы; в Ираке наблюдается отраслевое неравенство – предприятия, связанные с нефтью, несут четкие фискальные обязательства (35% корпоративный налог на нефтяную деятельность), ненефтяные отрасли сталкиваются с нестабильной структурой налогообложения, что вносит непредсказуемость в финансовое планирование. Проблемные области унификации проявляются в "нормативном рассогласовании": Российское корпоративное управление требует строгого раскрытия финансовой информации – аудированных годовых отчетов, нормативных документов и требований к прозрачности для акционеров – в отличие от менее стандартизированных обязательств по раскрытию информации в Ираке – их соблюдение остается непоследовательным в разных отраслях. Различия в административном надзоре препят-

ствуют процедурной синхронизации: Российские регулирующие органы обеспечивают соблюдение требований через специализированные агентства финансового мониторинга – "Росфинмониторинг" обеспечивает финансовую прозрачность компаний, а Центральный банк контролирует движение капитала в банковском секторе; корпоративное регулирование в Ираке остается фрагментированным – дублирование юрисдикции Министерства торговли и отраслевых регуляторов приводит к избыточности регулирования, ослабляя согласованность правоприменения. Практическая несовместимость очевидна в сфере разрешения корпоративных споров: Россия институционализировала третейские суды в рамках корпоративного законодательства – коммерческие споры разрешаются через специально созданные третейские группы, что упрощает обращение в суд; Ирак, признавая арбитраж в принципе, сталкивается с нежеланием судов приводить в исполнение арбитражные решения – корпоративные тяжбы передаются в суды общей юрисдикции, что затягивает разрешение споров и увеличивает правовую неопределенность. Реальные примеры подтверждают эти проблемы: Российские нефтяные конгломераты, работающие в Ираке, вынуждены соблюдать "двойное соответствие" – придерживаться российского корпоративного управления, адаптируясь к изменчивым нормативным директивам Ирака; и наоборот, иракские компании, стремящиеся создать совместные предприятия в России, сталкиваются с жесткими требованиями по проверке капитала, что задерживает выход на рынок. Административная сложность также препятствует унификации: В российское законодательство о компаниях включены "положения об ответственности директоров", предусматривающие ответственность руководителей за финансовые нарушения; в иракском законодательстве отсутствуют четкие механизмы принуждения к ответственности за корпоративные правонарушения, что приводит к потенциальным конфликтам в сфере транснациональной корпоративной ответственности. Предлагаемая синхронизация законодательства сталкивается с сопротивлением из-за "институциональной инерции": в России корпоративное управление ориентировано на строгое регулирование, обеспечивающее соблюдение финансовых норм и защиту акционеров; законодательные приоритеты Ирака сосредоточены на экономической либерализации, направленной на привлечение иностранных инвестиций за счет гибкости регулирования. Эти различия обуславливают необходимость разработки специальных стратегий унификации: принятие "отраслевой конвергенции" (унификация корпоративного управления в высокоинтегрированных отраслях, таких как энергетика) вместо всеобъемлющей унификации законодательства позволяет смягчить структурные несовместимости. Анализ выявляет системные ограничения – усилия по унификации должны примирить российский правовой формализм с иракской регулятивной текучестью, что требует итеративных законодательных корректировок, а не немедленной кодификации общих корпоративных норм.

Таблица 1

Сравнительная таблица организационно-правовых форм.

Юридическая форма	Россия	Ирак	Требования к капиталу	Структура управления
Акционерное общество (АО)	Регулируется Федеральным законом № 208-ФЗ; требует капитала и обязательного аудита.	Регулируется Законом о компаниях № 21; требования к капиталу различны; ограниченное применение правил раскрытия информации.	Минимум ₪10 млн (~\$110K)	Совет директоров и общее собрание
Общество с ограниченной ответственностью (ООО)	Распространенная форма; ограниченная ответственность акционеров; минимальные обязательства по отчетности.	Доминирующая форма; гибкое управление; ограниченная ответственность; низкая корпоративная прозрачность.	₪10K (~\$110)	Общее собрание и генеральный директор
Партнерство	Редко используется; партнеры несут неограниченную ответственность; сильные фидуциарные обязанности.	Обычное явление для малого бизнеса; распределение обязательств между партнерами; неформальное управление.	Без минимума	Полное товарищество
Государственное предприятие	Принадлежат государству; стратегические отрасли; строгий государственный контроль над деятельностью.	Доминирующее положение государства в нефтяной отрасли и инфраструктуре; подлежит прямому государственному контролю.	Финансируемый государством	Назначаемый государством совет
Филиал иностранной компании	Может работать, если зарегистрирована в России; подчиняется местным правилам налогообложения.	Иностранная компания должна быть зарегистрирована в соответствии с иракским законодательством; действуют ограниче-	Варьируется в зависимости от сектора	Иностранная штаб-квартира с местным руководством

		ния на деятельность.		
Индивидуальное предпринимательство	Единственный владелец; полная ответственность; простая регистрация, но высокий финансовый риск.	Простота создания; полная ответственность владельца; ограниченные налоговые льготы.	Без минимума	Индивидуальный предприниматель
Холдинговая компания	Материнская компания контролирует дочерние компании; возможности оптимизации и получения налоговых преимуществ.	Контролируются семьи; используются для внутригрупповой координации и получения налоговых преимуществ.	Зависит от структуры	Модель материнской и дочерней компаний
Публичное акционерное общество (ПАО)	Акции находятся в свободном обращении; требуется полное раскрытие информации; регулируется правилами фондовой биржи.	Отсутствие сильной системы публичных торгов; ограниченная прозрачность и защита инвесторов.	Р100 миллионов (~\$1.1М)	Совет директоров и акционеры
Некоммерческая организация	Юридическое лицо для социальных, образовательных или благотворительных целей; ограниченные распределение прибыли.	Ограничение на определенные виды деятельности, представляющие общественный интерес; правительственный надзор за финансированием.	Без минимума	Наблюдательный совет
Организация о экономической зоны	Стимулированные корпоративные структуры; налоговые льготы; приоритет иностранных инвестиций.	Налоговые льготы для иностранных и отечественных инвесторов; льготный правовой режим.	Зависит от зоны	Регулируется зональными властями

Источник: авторская разработка

Сравнительный анализ (см. таблицу 1) корпоративных структур в России и Ираке выявляет различия в подходах к регулированию, экономической среде и механизмах корпоративного управления:

Российское корпоративное законодательство формализовано – его законодательная база ставит во главу угла прозрачность, структурированное управление и строгие требования к капиталу, иракское корпоративное регулирование отличается большей текучестью, позволяя гибко выстраивать корпоративные структуры, но зачастую ценой слабого институционального обеспечения. Различия в управлении акционерными обществами (АО) показательны: российские АО работают в условиях жесткого режима раскрытия информации с обязательным аудитом и соблюдением стандартов, иракские АО, регулируются Законом о компаниях № 21, страдают от непоследовательных механизмов правоприменения и разного уровня финансовой прозрачности.

Структура общества с ограниченной ответственностью (ООО) в обеих юрисдикциях является доминирующей формой для малых и средних предприятий, ключевые различия сохраняются. Российские ООО работают в рамках, обеспечивающих минимальное вмешательство государства, с четко разграниченными правами и обязанностями акционеров. И наоборот, иракские ООО, обеспечивают ограниченную ответственность, сталкиваются с нормативными несоответствиями, которые влияют на их управление и обязательства по отчетности. Важнейшим моментом расхождения является отношение к государственным предприятиям (ГП): Российские ГП функционируют в условиях жесткой бюрократизации и государственного контроля, сосредоточившись на таких стратегических отраслях, как энергетика и оборона, государственные предприятия Ирака играют доминирующую роль в добыче ресурсов и развитии инфраструктуры, но зачастую не имеют такого же структурного надзора, как российские ГП.

Филиалы иностранных компаний служат еще одним доказательством различий в регулировании: в России применяется структурированный правовой подход, который налагает на иностранные фирмы строгие правила соблюдения и налогообложения, в Ираке действует дискреционная система, в которой операционные ограничения колеблются в зависимости от отраслевых норм и политических влияний. Такая правовая непредсказуемость влияет на стратегии иностранных инвестиций. Российское корпоративное законодательство, жесткое, обеспечивает предсказуемую правовую среду для международных инвесторов; иракское законодательство, с другой стороны, по-прежнему подвержено несоответствиям, которые повышают инвестиционный риск.

Требования к капиталу также подчеркивают различные экономические приоритеты: Российские корпорации, АО и публичные акционерные общества (ПАО), сталкиваются с жесткими финансовыми требованиями, такими как порог в Р100 млн (~\$1,1 млн) для ПАО, требования к капиталу в Ираке, существуют, изменчивы и зависят от отраслевой политики, а не от стандартизированных законодательных предписаний. Структуры управления корпорациями также иллюстрируют эти различия: российские

ские корпорации, крупные, полагаются на формализованное управление через советы директоров и собрания акционеров, иракские компании, даже в акционерных структурах, склонны к неформальной иерархии принятия решений, под влиянием семейных или политических связей.

Проблема потенциальной унификации корпоративного права между Россией и Ираком связана с этими институциональными и процедурными различиями: ключевые несовместимости включают в себя разные философии регулирования – Россия делает упор на бюрократический контроль и правовой формализм, Ирак действует с большей степенью регулятивной эластичности – эти различия проявляются в налоговой политике, защите акционеров и механизмах разрешения корпоративных споров. Непредсказуемость правоприменения в Ираке создает дополнительный барьер для гармонизации: российские коммерческие суды придерживаются кодифицированных процедур рассмотрения корпоративных споров, судебная система Ирака не имеет сопоставимого уровня последовательности в вынесении решений по коммерческому праву.

Потенциальные пути унификации включают стратегии частичной гармонизации, нацеленные на такие области, как права акционеров, обязательства по раскрытию финансовой информации и механизмы разрешения споров – такой подход позволит сохранить национальную нормативную самобытность при одновременной интеграции отдельных транснациональных стандартов корпоративного управления. Альтернативная модель предполагает принятие единых принципов корпоративного управления по аналогии с рамочными программами ОЭСР, способствующих созданию стандартизированной нормативной базы для защиты инвесторов, финансовой отчетности и подотчетности руководителей.

Эмпирические показатели подтверждают экономическую необходимость выборочной унификации корпоративного права: В России зарегистрировано около 4,3 млн юридических лиц, а уровень ликвидации компаний составляет 5,8% в год; в Ираке, напротив, зарегистрировано менее 200 000 действующих юридических лиц, а высокий уровень неформальной экономической активности влияет на официальную регистрацию бизнеса. Эффективность разрешения споров также существенно различается: в России корпоративные споры рассматриваются в среднем в течение 320 дней, в Ираке отставание в рассмотрении дел зачастую превышает 500 дней, что способствует неопределенности инвесторов.

Обсуждение

Теоретическая предпосылка правовой унификации сталкивается с внутренним противоречием: стандартизация корпоративных норм предполагает эрозию суверенитета юрисдикций, экономический прагматизм требует сближения нормативных актов – этот парадокс определяет дискурс о гармонизации корпоративного права между Россией и Ираком. Подход Европейского союза является примером

структурированной правовой унификации, когда директивы и нормативные акты постепенно приводят в соответствие корпоративные системы стран-членов; в Латинской Америке правовая конвергенция остается фрагментарной – региональные договоры вводят общие принципы, но их реализация на национальном уровне существенно различается [Баранова, 2024]. Российско-иракский случай представляет препятствие: экономическая асимметрия, различия в правовых традициях и геополитические соображения мешают беспрепятственной интеграции, делая выборочную гармонизацию жизнеспособной альтернативой, чем полная унификация [Мухаммад, 2023]. Результаты исследования перекликаются с предыдущими исследованиями в области транснациональной правовой адаптации: модельное законодательство ISDA демонстрирует, что частные организации могут стимулировать гармонизацию без контроля со стороны государства [Клементьев, 2024], принципы корпоративного управления остаются зависимыми от государства, требуя институционального согласования, а не просто нормативной трансплантации.

Сравнительный правовой ландшафт свидетельствует о том, что унификация не может опираться на абстрактные принципы – она должна учитывать практические механизмы правоприменения. Корпоративная нормативная база ЕС выигрывает от наднационального судебного надзора; напротив, усилия Латинской Америки по унификации сдерживаются непоследовательным правоприменением, что подтверждает предпосылку о том, что согласованность правовых норм не равнозначна их единообразному применению [Новикова, 2024]. Исследование подтверждает, что российское корпоративное право отличается сильной кодификацией, но ограниченной адаптивностью, иракское законодательство, гибкое, не обладает институциональной прочностью – это несоответствие осложняет принятие единой модели управления, требующей адаптивной архитектуры регулирования [Борисевич, 2023]. Аргумент в пользу выборочной гармонизации подкрепляется и историческими прецедентами: усилия по сближению корпораций в рамках международных торговых соглашений оказываются успешными, когда правовые принципы остаются допускающими юрисдикционную интерпретацию [Берман и Ершов, 2023].

Оценка сильных сторон исследования показывает, что его эмпирическая база основана на сравнительно-правовом анализе и позволяет детально изучить структуры регулирования, его ограничения связаны с ограниченным доступом к данным о корпоративных спорах в режиме реального времени, что может внести погрешности в оценку эффективности судебной системы. Несмотря на эти ограничения, результаты исследования предлагают концептуальный вклад: унификация не должна преследовать жесткую транспозицию, а должна быть направлена на создание адаптируемой нормативной базы, обеспечивающей трансграничную совместимость без ущерба для национальной правовой самобытности [Григорьева, 2023].

Аргументы в пользу унификации основаны на ощутимых экономических выгодах: прозрачность корпоративных сделок способствует доверию инвесторов, а упрощенная правовая база оптимизирует трансграничные бизнес-операции, снижая административные трения и транзакционные издержки [Хамид, 2023]. Модель корпоративного управления Европейского союза служит примером того, как стандартизированные правила снижают барьеры для соблюдения требований, повышая экономическую эффективность [Голикова, 2024]. Предположение о том, что унификация ведет к правовой определенности, должно быть подвергнуто анализу – исторические прецеденты показывают, что унификация без структурной адаптации приводит к системной неэффективности.

Риски, присущие унификации, коренятся в противоречии между правовой гомогенизацией и национальным суверенитетом: В конституционной доктрине России все большее значение приобретает приоритет внутреннего права над наднациональными правовыми обязательствами, что отражает сопротивление внешнему нормативному влиянию [Голикова, 2024]; правовая база Ирака, сформированная под влиянием исторических и геополитических факторов, демонстрирует фрагментарность, что делает проблематичным единообразное применение [Джихад, 2023]. Опасения по поводу того, что международные стандарты не учитывают местные экономические структуры, небезосновательны – рекомендации ОЭСР по корпоративному управлению, способствуя прозрачности, подвергаются критике за навязывание рамок, которые не учитывают корпоративную культуру и административный потенциал конкретной юрисдикции [Егорова, 2023].

Эмпирическое подтверждение выводов исследования подкрепляется сравнительным анализом: Российско-иракское корпоративное регулирование совпадает по процедурным формальностям, но расходится по механизмам правоприменения – это структурное расхождение отражает закономерности, наблюдаемые в других правовых системах, пытающихся интегрироваться [Али и Уда, 2023]. Принятая методология, включающая сравнительный правовой и экономический анализ, демонстрирует внутреннюю согласованность, но остаются проблемы с доступностью данных, в отношении разрешения корпоративных споров в Ираке. Жизнеспособность моделей унификации зависит от постепенной синхронизации регулирования, а не от массового принятия внешних норм – выборочное согласование с принципами ОЭСР обеспечивает совместимость, не подрывая целостность юрисдикции [Хамид, 2023]. Выводы исследования согласуются с международной наукой о правовой конвергенции: частичная гармонизация, а не абсолютное единообразие, становится прагматичным путем к нормативному сближению.

Выводы.

Корпоративное право России и Ирака демонстрирует структурную асимметрию: процедурный

формализм российских норм контрастирует с фрагментарностью иракского корпоративного управления – объединение требует синтеза, а не единообразной трансплантации. Различия в регулировании проявляются и в механизмах правоприменения: централизованный судебный надзор в России обеспечивает процессуальную последовательность, децентрализованная правовая база Ирака отражает политическую неоднородность – гармонизация требует адаптируемых правовых механизмов. Внедрение единых стандартов требует многоуровневого подхода: согласование процедурных требований при сохранении юрисдикционной автономии – выборочная адаптация принципов корпоративного управления ОЭСР смягчает правовую несовместимость.

Перспективы сближения нормативно-правовых актов зависят от постепенного внедрения: полномасштабная унификация рискует нарушить устоявшуюся корпоративную практику, поэтапная гармонизация обеспечивает правовую преемственность – латиноамериканские модели правовой интеграции иллюстрируют эффективность постепенного сближения. Внедрение гибридных механизмов регулирования – интеграция элементов российского процессуального формализма с иракской регулятивной гибкостью – повышает функциональную совместимость при сохранении суверенитета. Унификация способствует экономическому синергетическому эффекту: оптимизация корпоративных процедур привлекает прямые иностранные инвестиции за счет снижения административной непрозрачности, а предсказуемость регулирования укрепляет доверие инвесторов, стимулируя трансграничную экономическую деятельность.

Международно-правовая адаптация требует контекстуальной перестройки: массовое принятие иностранных правовых систем не учитывает юрисдикционную специфику, выверенная интеграция обеспечивает функциональную релевантность – сравнительно-правовой анализ подтверждает целесообразность выборочной гармонизации. Практическое значение выходит за рамки юридической конвергенции: унификация корпоративного регулирования повышает доступность рынка, стимулируя транснациональную экспансию бизнеса. Конвергенция способствует правовой согласованности, снижая транзакционные издержки, связанные с фрагментацией регулирования.

Будущие исследования требуют многоаспектного изучения: оценка макроэкономического влияния унификации на инвестиционные потоки и разрешение корпоративных споров – эмпирические исследования эффективности правоприменения обеспечивают основу для оценки долгосрочной жизнеспособности. Правовая гармонизация по-прежнему зависит от институционального потенциала: изучение роли судебных органов в обеспечении соблюдения транснациональных корпоративных стандартов проясняет возможность последовательной конвергенции регулирования. Перспективы унификации корпоративного права остаются условными: структурная реформа должна обеспечивать баланс между единством правовых норм и автономией

юрисдикций – успешная реализация зависит от согласования международных норм с внутренними законодательными рамками.

Литература

1. Али, Ф., и Уда, К., 2023. Международные принципы в области права на судебное разбирательство и их влияние на иракское законодательство. Журнал юридических и политических наук. <https://doi.org/10.55716/jjps.2023.12.2.14>.
2. Баранова, Е., и Бондаренко, Ю., 2024. Проблемные вопросы унификации современного российского права. Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-173-180>.
3. Берман, А., и Ершов, Н., 2023. Комплексная региональная унификация норм международного частного права на основе трехкомпонентной структуры: Политико-правовая основа. WISDOM. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v28i4.1091>.
4. Борисевич Г., 2023. О своевременности унификации уголовно-процессуального законодательства российской федерации, регламентирующего контрольно-проверочные стадии. EX JURE. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2023-1-109-131>.
5. Голикова, О., и Сальникова, А., 2024. Взаимодействие системы национального и международного права Российской Федерации в свете принятия конституционных поправок. Международное право и международные организации / Международное право и международные организации. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2024.2.34420>.
6. Григорьева, О., и Часовской, А., 2023. Реализация российскими корпорациями государственной политики в сотрудничестве с Республикой Ирак (на примере разработки месторождения). Журнал "Право и управление". <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-1-66-46-53>.
7. Джихад, А., 2023. Конституционный надзор в Ираке: Правовая основа и практика. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.072>.
8. Егорова, Е., и Швед, В., 2023. Международно-правовые акты в функционировании уголовно-исполнительной системы России. Социология и право. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-148-158>.
9. Клементьев А., 2024. Модельное законодательство Международной ассоциации свопов и деривативов: Гармонизация вместо унификации. Lex Russica. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.209.4.124-137>.
10. Мухаммад, Н., 2023. Российско-иракские отношения в области энергетики. Международные отношения. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.4.40535>.
11. Новикова, О., 2024. Фрагментация применения личного закона юридического лица в свете измененного Закона о международных компаниях. Lex Russica. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.048-059>.
12. Хамид, З., 2023. Правовые основы создания свободных зон: Аналитическое исследование на

примере Ирака. Международный журнал исследований в области социальных и гуманитарных наук. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v13i01.025>.

Prospects for Unifying Legal Regulation of Legal Entities in Russia and Iraq: Challenges and Opportunities Al-Abedi Nahlah Falih Hasan

Al-Qadisiya University

Objective: To examine the structural aspects of corporate law in Russia and Iraq, assess the economic and legal advantages of unification, and propose models for international standards in regulatory frameworks. **Methodology:** A comprehensive, interdisciplinary approach, including comparative legal analysis, institutional expertise, and interpretation of empirical data, provides a multifaceted assessment of legislative convergence. Legislative acts, statistics on significant disputes, and judicial precedents serve as the primary analytical sources, providing both qualitative information and quantitative accuracy. **Results:** Key implications manifest themselves in organizational structures, registration protocols, and enforcement mechanisms: Russia's formalized legal framework provides procedural consistency, while Iraq's fragmented legal environment fosters jurisdictional variability—legal integration requires a hybrid approach combining procedural standardization with contextual flexibility. **Consequences:** Partial harmonization—not full-scale unification—appears to be a consistent model that reduces risks, strengthens regulation, and enhances legal competitiveness for cross-border businesses; harmonizing procedural norms without imposing rigid uniformity preserves jurisdictional autonomy, promoting investment stability. Adaptation strategies based on the OECD principles of economic governance require jurisdictional adjustments to ensure a balance between compliance with international norms and harmonization of national legislation. Practical applications extend beyond doctrine: reducing administrative opacity, for example, by reducing transparency, and by providing low-cost regulation for regulating transnational business expansion. Harmonized dispute resolution mechanisms reduce transaction costs, simplifying corporate operations in relevant jurisdictions. Research calls for a gradual approach: the phased implementation of rigorous systemic methods, ensuring that harmonization policies do not undermine economic and institutional stability. Future research should focus on regulating long-term international convergence in market efficiency: an empirical analysis of enforcement consistency will clarify the effectiveness of unified external governance models by clarifying the balance between prohibition of standardization and jurisdictional flexibility.

Keywords: unification of state laws, harmonization of legislation, regulatory convergence, transnational corporate governance, comparative legal analysis, international business law, jurisdictional sovereignty.

References

1. Ali, F., and Uda, K., 2023. International Principles of the Right to Trial and Their Impact on Iraqi Legislation. Journal of Legal and Political Sciences. <https://doi.org/10.55716/jjps.2023.12.2.14>.
2. Baranova, E., and Bondarenko, Yu., 2024. Problematic Issues of Unification of Modern Russian Law. BIST Bulletin (Bashkir Institute of Social Technologies). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-173-180>.
3. Berman, A., and Ershov, N., 2023. Comprehensive Regional Unification of Private International Law Norms Based on a Three-Component Structure: Political and Legal Basis. WISDOM. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v28i4.1091>.
4. Borisevich, G., 2023. On the Timeliness of Unifying the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation Regulating Control and Verification Stages. EX JURE. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2023-1-109-131>.
5. Golikova, O., and Salnikova, A., 2024. Interaction between the Systems of National and International Law of the Russian Federation in Light of the Adoption of Constitutional Amendments. International Law and International Organizations / International Law and International Organizations. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2024.2.34420>.
6. Grigorieva, O., and Chasovskoy, A., 2023. Implementation of public policy by Russian corporations in cooperation with the Republic of Iraq (on the example of oil field development). Journal of Law and Management. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-1-66-46-53>.
7. Jihad, A., 2023. Constitutional review in Iraq: Legal basis and practice. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.072>.
8. Egorova, E., and Shved, V., 2023. International legal acts in the functioning of the penal system of Russia. Sociology and Law. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-148-158>.
9. Klementyev A., 2024. Model Legislation of the International Swaps and Derivatives Association: Harmonization Instead of Unification. Lex Russica. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.209.4.124-137>.
10. Muhammad, N., 2023. Russian-Iraqi Relations in the Field of Energy. International Relations. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.4.40535>.
11. Novikova, O., 2024. Fragmentation of the Application of the Personal Law of a Legal Entity in Light of the Amended Law on International Companies. Lex Russica. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.048-059>.
12. Hamid, Z., 2023. Legal Basis for the Creation of Free Zones: An Analytical Study on the Case of Iraq. International Journal of Research in Social Sciences and Humanities. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v13i01.025>.

Цифровая трансформация правовой сферы защиты интеллектуальных прав

Аламова Светлана Мухаметовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Университет управления «ТИСБИ», sm-alamova@mail.ru

В настоящей статье рассматривается процесс правовой адаптации законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав, обусловленный цифровой трансформацией современного общества. Анализируются два основных направления влияния цифровизации на правовую систему, которые проявляются, с одной стороны, в появлении новых объектов интеллектуальной собственности, а с другой, в необходимости адаптации правовой системы к стремительным технологическим изменениям. Выделяется проблема несогласованности терминологии и отсутствия должной концептуальной проработки таких категорий, как «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве, что затрудняет их практическое применение. Исследуется понятие правовой адаптации, а также её публично-правовые и частноправовые компоненты, включая договорное регулирование, кибербезопасность и защиту персональных данных. Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на дискуссии о возможности создания «цифрового права» как самостоятельной отрасли, большинство авторов признают несоответствие традиционных правовых институтов реалиям цифровой экономики и приходят к выводу о необходимости разработки принципиально новых правовых конструкций.

Ключевые слова: правовая адаптация, цифровизация, интеллектуальные права, цифровые права, цифровое право.

Введение

Анализируя влияние цифровизации на правовую защиту результатов литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, констатируем два взаимосвязанных направления такого влияния. Во-первых, это трансформация ландшафта интеллектуальной собственности, влекущая за собой появление новых объектов правовой охраны и их комбинацию в конкретных правоприменительных ситуациях, что уже было предметом нашего рассмотрения. Во-вторых, это правовая адаптация к многочисленным и стремительным технологическим изменениям, значительные коррективы в сфере охраны прав, отражающие фундаментальные свойства гибкости и реактивности правовой системы.

Термин «адаптация», происходящий от латинского *adaptatio*, что означает «приспособление», изначально использовался в биологии для обозначения процессов, которые позволяют организмам выживать в изменяющихся условиях [1]. В более широком смысле адаптация может относиться к изменениям в поведении, структуре или функции, которые позволяют индивидам, группам или организациям эффективно реагировать на новые обстоятельства. Адаптация в общественном смысле обеспечивает устойчивость и жизнеспособность чего-либо или кого-либо в условиях постоянно изменяющегося мира [2].

В правовом контексте адаптация означает процесс приспособления правовых норм и институтов к изменениям в обществе, экономике и технологиях. Примером правовой адаптации можно назвать различные реформы российского законодательства, такие как, судебная реформа 1864 года, Гражданский кодекс 1922 года, Конституция РСФСР 1978 года, Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года и законодательство о защите прав потребителей 1990-х годов. При всех отличиях, данные акты могут быть объединены на том общем основании, что они представляли собой юридические ответы на изменившиеся социальные, политические и экономические условия и требования времени. Подобные изменения демонстрируют закономерную эволюцию правовой системы России и её способность реагировать на вызовы, возникающие в контексте истории.

Методы

В работе были использованы как общенаучные, так и специально-юридические методы исследования. Основным стал доктринальный анализ, позволивший изучить и систематизировать подходы ведущих российских правоведов к проблеме цифровой трансформации права. Применение сравнительно-

правового метода дало возможность сопоставить и разграничить ключевые понятия, такие как правовая адаптация, гармонизация и изменения законодательства, а системный подход помог рассмотреть правовую адаптацию как целостный процесс, затрагивающий как публично-правовую, так и частноправовую сферы.

Результаты и обсуждение

В действующем российском законодательстве содержатся следующие легальные определения адаптации:

социальная адаптация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве (ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»);

адаптация, то есть внесение изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя (пп. 9 п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса РФ).

Так, при употреблении понятия адаптации в специальном юридическом смысле сохраняется первоначальная идея приспособления чего-либо к каким-либо новшествам или иным неординарным обстоятельствам.

В юридической литературе термин «адаптация» применительно к праву в целом используется в нескольких значениях:

приспособление правовой системы (адаптация, включая новеллы в законодательстве и их интерпретацию судами, позволяет правовой системе оставаться актуальной в условиях быстро меняющегося мира) [3];

ответ на вызовы (адаптация помогает праву реагировать на новые социальные, экономические и технологические вызовы, такие как глобализация, цифровизация и изменение общественных ценностей);

гармонизация норм (в международном праве адаптация может означать процесс приведения национальных правовых систем в соответствие с международными стандартами и нормами, что способствует гармонизации и унификации правового регулирования);

защита прав и свобод (адаптация правовых норм в современных развитых правовых порядках направлена на защиту прав и свобод граждан, обеспечивая их соответствие современным требованиям) [4].

С учётом изложенного определим правовую адаптацию как закономерный процесс приспособления правовой системы или отдельных её норм и институтов к изменяющимся условиям и требованиям общества, экономики, культуры и технологий. Будучи своего рода гарантией сохранения актуальности и эффективности правовой системы, правовая адаптация важна для обеспечения правопорядка,

защиты прав и свобод граждан, а также для поддержания стабильности и справедливости в обществе [5].

Смежными, но не тождественными по смыслу понятиями являются «гармонизация норм права» и «изменения законодательства», отличающиеся друг от друга в зависимости от их целей и процессов, которые они охватывают:

правовая адаптация – более широкий, практически всеобъемлющий процесс, направленный на приспособление к изменениям;

гармонизация норм права – специфический процесс, связанный с согласованием норм между разными правовыми системами;

изменения законодательства – конкретные действия по изменению правовых норм, которые могут быть частью адаптации либо гармонизации.

Правовая адаптация к цифровым технологиям предполагает необходимость переосмыслить действующее правовое регулирование и внести коррективы с учётом базовых характеристик цифровой среды и её влияния на общественные отношения. Прежде всего речь идёт о скорости изменений. Цифровые технологии развиваются с высокой скоростью, что требует оперативной реакции правовой системы, и чаще всего изменения в законодательстве не успевают за технологическими новшествами, образуя пробельность данной сферы регулирования. Далее следует отметить новые правовые отношения, такие неизвестные ранее формы юридически значимого взаимодействия, как электронная коммерция, онлайн-сервисы и социальные сети требуют создания новых правовых норм для регулирования соответствующих отношений. В аспекте защиты данных назовём необходимость разработки специализированных норм и стандартов безопасности, так как по мере увеличения объёмов собираемых и обрабатываемых данных возникает необходимость в новых подходах к регулированию вопросов защиты персональной информации.

Кибербезопасность – также новая идея и стратегия, обусловленная увеличением угроз кибератак и мошенничества как для индивидуальных пользователей, так и организаций различных форм собственности. Ещё одной особенностью является глобальный характер цифровых технологий, что делает необходимым международное сотрудничество и гармонизацию правовых норм на мировом уровне. В правоприменительной сфере адаптация к цифровым технологиям предполагает необходимость пересмотра практики правоприменения, включая использование новых методов и инструментов для расследования правонарушений в цифровой среде. Наконец, последней особенностью назовём интеллектуальную собственность как наиболее чувствительную сферу, подверженную новым вызовам, что требует пересмотра существующих норм и механизмов их реализации.

Таким образом, ключевым аспектом правовой адаптации является необходимость внедрения новых механизмов защиты, которые будут учитывать специфику цифровой среды, а это означает, что

правовая адаптация к цифровым технологиям осуществляется в сфере действия публичного и частного права. Здесь мы имеем дело с очередным проявлением аксиомы, что границы публичного и частного права относительно, являются подвижными и далеко не всегда очевидными в конкретных правоприменительных ситуациях.

Частное право представляет собой совокупность норм и правил, регулирующих отношения между частными лицами и организациями, касающиеся защиты их прав и законных интересов. В контексте интеллектуальной собственности частное право охватывает авторские права, патенты, товарные знаки и другие формы защиты, обеспечивая индивидуальным правообладателям возможность контролировать использование их произведений и получать вознаграждение за их труд. Частное право также предоставляет механизмы разрешения споров, позволяя сторонам обращаться в суд для защиты своих интересов.

Публичное право включает в себя нормы и принципы, регулирующие отношения между государственными органами и частными лицами, а также отношения внутри самой государственной системы. В контексте интеллектуальной собственности публичное право отвечает за создание и внедрение законодательных актов, которые защищают общественные интересы, обеспечивают правопорядок и регулируют использование интеллектуальных достижений. Оно охватывает вопросы, связанные с государственным контролем, защитой правовых норм, наказаниями за нарушения и обеспечением доступа к информации, что важно для поддержания справедливости и баланса в обществе.

Как носитель публичной власти, государство отвечает за создание и реализацию законодательных норм, регулирующих отношения в сфере интеллектуальной собственности, что является частью публичного права. В то же время интересы частных правообладателей, также должны быть учтены, что отражает элементы частного права. Таким образом, государственное регулирование служит инструментом для защиты частных интересов в рамках общего правового поля. Публичное право, представляя интересы общества, должно обеспечивать условия для доступа к информации и её использованию, что напрямую связано с частными интересами. Например, концепция «добросовестного использования» или исключения для образовательных целей показывают, как публичное право может учитывать частные интересы отдельных лиц, позволяя им использовать защищённые произведения без нарушения прав авторов.

Государство также выполняет функции мониторинга и контроля за соблюдением прав интеллектуальной собственности, что является аспектом публичного права. Однако результаты этого контроля напрямую влияют на частные отношения между правообладателями и нарушителями. Таким образом, защита интеллектуальных прав требует гармонизации публичных и частных интересов, где государственные меры по обеспечению правопорядка

служат целям защиты частной собственности и создания безопасной правовой среды для всех участников. Для создания эффективной системы защиты прав государство должно активно сотрудничать с частным сектором и общественными организациями, разрабатывать образовательные программы, направленные на повышение осведомлённости пользователей о важности соблюдения авторских прав, а также на создание платформ для взаимодействия между правообладателями и пользователями.

Итак, к публичной сфере относятся: правовое регулирование защиты данных и установление правил для их обработки; нормативные акты, регулирующие меры по обеспечению безопасности информационных систем и защиты от киберугроз; электронная коммерция как массив законодательства, регулирующего условия и правила ведения бизнеса в интернете, включая защиту прав потребителей; защита интеллектуальной собственности посредством публично-правовых норм, направленных на защиту прав авторов и изобретателей на цифровые продукты, а также государственный мониторинг и контроль в этой области.

Частноправовыми компонентами правовой адаптации являются: договорное регулирование – адаптация норм гражданского права для учёта особенностей электронных договоров; лицензионные соглашения – правила, касающиеся использования программного обеспечения и цифрового контента; гражданско-правовая ответственность за нарушения авторских прав в цифровой среде; споры и разрешение конфликтов в примирительном (медиативном) порядке, включая разработку механизмов для разрешения споров, возникающих в результате цифровых транзакций; нормы, регулирующие трудовые отношения в сфере информационных технологий.

Таким образом, частное и публичное право взаимодействуют и дополняют друг друга, создавая тем самым надёжную правовую основу для защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации. Публичное право формирует общие рамки и правила, в то время как частное право обеспечивает индивидуальную защиту и адаптацию к новым вызовам.

В ходе адаптации к постоянно меняющейся цифровой среде защита прав на интеллектуальную собственность предполагает наличие

а) вызовов, под которыми понимаются новые требования и изменения, с которыми сталкиваются владельцы прав, например, необходимость адаптации к цифровым технологиям и изменениям в законодательстве;

б) рисков – потенциальных негативных последствий от действий или событий, таких как пиратство, утечка данных или прочие нарушения интеллектуальных прав;

в) угроз – конкретных факторов, представляющих опасность для интеллектуальной собственности, включая кибератаки, мошенничество и несанкционированное использование защищённого контента.

Их можно объединить в собирательное понятие безопасности интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, дефинируемое как состояние защищённости от вызовов, рисков и угроз в данной сфере. Очевидно, что безопасность интеллектуальной собственности в цифровую эпоху затрагивает как интересы общества, так и частные права и интересы граждан и организаций.

Нельзя не отметить, что в последнее время различные аспекты правовой адаптации к цифровым реалиям современного общества стали предметом научного внимания многих авторов, среди которых не только специалисты в сфере интеллектуальной собственности. Представленный анализ ключевых работ демонстрирует широкий спектр подходов и позволяет экстраполировать их выводы на сферу интеллектуальной собственности.

В 2018 году Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин выступил с программной статьёй, в которой формулирует комплексную стратегию действий государства, направленную на правовое регулирование и защиту цифровых прав граждан и на модернизацию государственного управления с использованием цифровых технологий [6]. По авторитетному мнению В.Д. Зорькина, формирование цифровой реальности требует комплексного государственного подхода для системного решения нескольких ключевых задач, с тем чтобы обеспечить конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства в условиях технологической революции. Предлагаемые В.Д. Зорькиным меры правовой адаптации к цифровым реалиям сводятся к следующему: разработка конституционно-правовой концепции информационного права; принятие Информационного кодекса РФ; активное внедрение цифровых технологий в государственное управление; поиск оптимального правового компромисса в сфере доступа к информации; обеспечение конституционной безопасности в условиях технологической революции.

Исследованию процессов цифровой трансформации правовой сферы посвящена статья А.А. Карцхия, основная идея которой заключается в необходимости формирования самостоятельного направления правового регулирования, получившего название «цифровое право», в связи с влиянием современных цифровых технологий на трансформацию правовой сферы [7]. Автор анализирует влияние современных цифровых технологий на формирование новой реальности, отличной от физического мира, в которой функционирует право. Отмечается, что цифровые технологии формируют новую технологическую среду, в которой действует право, и оказывают существенное влияние на экономику, политику и социальные процессы, структуру и содержание общественных отношений. В связи с этим выявляется объективная потребность адаптации правового механизма регулирования, в том числе реализации и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

А.А. Карцхия обосновывает необходимость формирования самостоятельного неоклассического правового направления, использующего не только

традиционные институты и конструкции частного или публичного права, а именно цифрового права как формы выражения правового регулирования с применением цифровых технологий в «цифровом киберпространстве». Рассматриваются особенности цифрового права, его принципы, субъекты и объекты. Особое внимание уделяется проблемам правового режима объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием искусственного интеллекта, защите прав на такие объекты. Предлагается концептуальный подход к определению цифровых прав как цифровых активов, имеющих потенциальную или действительную экономическую ценность, и разработке проекта модельного закона о цифровом гражданском обороте. В заключение делается вывод о необходимости нового взгляда на правовые институты в эпоху информационного общества и цифровых технологий, последовательной адаптации традиционных правовых механизмов к новым реалиям, где центральным звеном будет институт интеллектуальной собственности.

В традиционном ключе юридической догматики, с опорой на классиков общей теории права (С.С. Алексеев, Г.Ф. Шершеневич и др.) и труды современных исследователей, В.С. Белых и М.О. Боллонова анализируют существующие доктринальные подходы и различные теоретические выводы по поводу феномена цифрового права [8]. Авторы верно подмечают, что дискуссионность вопроса о понятии цифрового права обусловлена глобальным характером изменений, вызванных цифровизацией, их высокой динамикой, сложностью и многоаспектностью. Авторы поддерживают позиции, основанные на формально-догматическом подходе к системе права и законодательства, и считают оптимальными следующие определения:

цифровое право – система общеобязательных, формально-определённых, гарантированных государством правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с применением цифровых технологий;

цифровое право, как отрасль объединяет правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий физическими и юридическими лицами;

цифровое право в объективном смысле – структура нормативных правовых актов (включая международные договоры) и актов локального действия (правила, соглашения) в технологических платформах, регулирующая сферу цифрового гражданского оборота.

Критическая оценка понятий «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве дана в статье М.А. Рожковой [9].

Рассматривая вопрос о возможности признания цифрового права самостоятельной отраслью права, автор проводит анализ истории развития концепций

основных и комплексных отраслей законодательства в российской правовой доктрине и приходит к выводу, что цифровое право не может быть признано самостоятельной отраслью права ввиду отсутствия единого предмета и метода регулирования. Более целесообразно рассматривать его как комплексную отрасль законодательства, регулирующую отношения, связанные с цифровыми технологиями. Общие правила для этой сферы, по мнению М.А. Рожковой, могли бы быть закреплены специальным законодательным актом, в некодифицированной форме.

Анализируется понятие «цифровые права», сравнительно недавно введенное в российское гражданское законодательство. Отмечается, что понятие цифровых прав, закреплённое в ГК РФ, носит специальный отраслевой характер и не имеет связи с международным опытом формирования концепции цифровых прав, основанной на правах человека в цифровой среде. Как считает М.А. Рожкова, попытка введения этого понятия в российскую цивилистику успехом не увенчалась. Далее исследуется категория «цифровая валюта», также получившая легальное закрепление в российском законодательстве. Анализируются различные виды цифровых денег (мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения и криптовалюты). Подробно рассматриваются особенности криптовалюты, основанной на технологии распределённого реестра, в том числе разграничение криптовалюты публичного и частного блокчейна, а также национальной криптовалюты. Общий вывод состоит в том, что определение цифровой валюты, данное в российском законодательстве, является недостаточно проработанным и не позволяет в полной мере раскрыть её правовую природу.

Понятия и их дефиниции, существующие в российском информационном праве в целом и появившиеся в законодательстве недавно в связи с цифровизацией, а также их соотношение и системность стали предметом изучения в статье Л.К. Терещенко [10]. Автор отмечает, что новые термины из технических дисциплин, такие как «цифровые данные», «цифровой профиль» и «цифровые платформы», приходят в правовую сферу без должной адаптации, что представляет существенную опасность для юридической науки и практики, поскольку это создаёт несогласованность и противоречивость терминов, а также пробельность в их дефинициях. Как обоснованно полагает Л.К. Терещенко, деструктивное воздействие на состояние понятийного аппарата в условиях цифровизации объясняется низким уровнем теоретических разработок и заимствованием зарубежных терминов без их привязки к российскому законодательству. Автор подчёркивает, что традиционные правовые институты и категории не в полной мере соответствуют реалиям цифровой экономики, в связи с чем необходимо оценивать адаптивные возможности современного права в двух основных направлениях: анализ правовых категорий и институтов, а также решение частных вопросов регулирования отдельных цифровых технологий.

Аналогичной проблеме адаптации российского законодательства к условиям стремительно развивающейся цифровой экономики посвящена статья Б.А. Тарчокова и М.М. Ахматова [11]. Авторами отмечается, что для создания правовой среды в новой цифровой реальности необходимо развивать электронные площадки и сервисы, которые обеспечивают возможность совершения сделок с использованием цифровых технологий. Специальный акцент сделан на проблеме определения и понимания категории «цифровые права» в российском гражданском законодательстве. Авторы отмечают, что несмотря на то, что введение этого понятия в российское гражданское законодательство является в целом положительной тенденцией, его легальное определение неоднозначно, что вызывает дискуссии о его правовой природе. Ключевая идея формулируется в том же общепризнанном ключе необходимости адаптации российского законодательства к условиям стремительного развития цифровых технологий и необходимости дальнейшей разработки концепции цифровых прав в контексте глобальной цифровой трансформации, поскольку право должно выступать инструментом упорядочения новых общественных отношений, порождаемых цифровой экономикой.

Заключение

Анализ научной литературы подтверждает, что проблемы правовой адаптации являются предметом активных дискуссий. Исследователи, в частности В.Д. Зорькин и А.А. Карцхия, указывают на необходимость формирования новых правовых концепций и принятия комплексных законодательных актов. В то же время, как отмечают М.А. Рожкова и Л.К. Терещенко, существует риск несогласованности терминологии и недостаточной проработки новых понятий. Тем не менее, общепризнанной является идея, что традиционные правовые институты не в полной мере соответствуют реалиям цифровой экономики.

Таким образом, защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху требует как обновления существующих правовых норм, так и создания новых правовых институтов, способных эффективно регулировать отношения, возникающие в цифровом пространстве. Реализация этой задачи возможна только через взаимодействие публично-правовых и частноправовых механизмов. Публично-правовые механизмы обеспечивают защиту общественных интересов, создание и внедрение нормативных актов, регулирующих использование цифровых технологий, а также контроль за их соблюдением. В то же время частноправовые инструменты, такие как договорное регулирование и механизмы гражданско-правовой ответственности, обеспечивают индивидуальную защиту интеллектуальных прав и интересов правообладателей в условиях цифровизации.

Литература

1. Адаптация // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1799975> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Соколова Ю.А. Генезис понятия «адаптация» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 3. С. 93–99.

3. Roca M. J. The Constitution and the adaptation of the Law to the new social reality // RocaJunyent. URL: <https://www.rocajunyent.com/en/events-and-publications/articles/constitution-and-adaptation-law-new-social-reality> (дата обращения: 15.09.2025).

4. Иншакова А.О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность // Legal Concept. 2021. Т. 20, № 1. С. 6–13. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1.

5. Сидоренко Э.Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 2. С. 56–63. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63

6. Зорькин В.Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 15.09.2025).

7. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. №1(30). С. 25–29. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-1-25-29.

8. Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

9. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики – 2021 (17) : Ежегодник-антология. 2021. С. 10–68.

10. Терещенко Л.К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 12. С. 98–110. DOI: 10.12737/jrl.2022.131.

11. Тарчоков Б.А., Ахматов М.М. Пути адаптации российского законодательства к условиям цифровой экономики // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 6, № 11. С. 517–520. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_11_6_517.

Digital Transformation of the Legal Sphere of Intellectual Property Protection

Alamova S.M.

University of Management "TISBI"

This article examines the legal adaptation of legislation in the field of intellectual property protection, driven by the digital transformation of modern society. It analyzes two main ways in which digitalization influences the legal system: the emergence of new intellectual property rights, on the one hand, and the need to adapt the legal system to rapid technological change, on the other. The problem of inconsistent terminology and the lack of proper conceptual development of categories such as "digital law," "digital rights," and "digital currency" in Russian law is highlighted, hindering their practical application. The concept of legal adaptation, as well as its public-law and private-law components, including contractual regulation, cybersecurity, and personal data protection, are explored. An analysis of the scientific literature reveals that, despite discussions about the possibility of creating "digital law" as an independent field, most authors acknowledge the inconsistency of traditional legal institutions with the realities of the digital economy and conclude that fundamentally new legal frameworks need to be developed.

Keywords: legal adaptation, digitalization, intellectual property rights, digital rights, digital law.

References

1. Adaptation // The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1799975> (date accessed: 15.09.2025).
2. Sokolova Yu.A. Genesis of the Concept of "Adaptation" // Intelligence. Innovations. Investments. 2014. No. 3. pp. 93–99.
3. Roca M.J. The Constitution and the Adaptation of the Law to the New Social Reality // RocaJunyent. URL: <https://www.rocajunyent.com/en/events-and-publications/articles/constitution-and-adaptation-law-new-social-reality> (date accessed: 15.09.2025).
4. Inshakova A.O. Legal Adaptation in the Context of the Industrial Revolution's Impact on Entrepreneurship and Key Components of the Ecosystem // Legal Concept. 2021. Vol. 20, No. 1. pp. 6–13. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1.
5. Sidorenko E.L. Adaptive Capabilities of Russian Law in the Context of Digital Transformation // Public Service. 2020. Vol. 22, No. 2. pp. 56–63. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-2-56-63
6. Zorkin V.D. The Task of the State is to Recognize and Protect the Digital Rights of Citizens // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (Accessed: 15.09.2025).
7. Kartkhia A.A. Digital Transformation of Law // Monitoring of Law Enforcement. 2019. No. 1 (30), pp. 25–29. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-1-25-29.
8. Belykh V.S., Bolobonova M.O. Concept, Significance, and Development Trends of Digital Law // Jurist. 2020. No. 1. pp. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.
9. Rozhkova M.A. The categories of "digital law", "digital rights" and "digital currency" in Russian law // Law of the Digital Economy - 2021 (17): Yearbook-anthology. 2021. Pp. 10–68.
10. Tereshchenko L.K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26, No. 12. Pp. 98–110. DOI: 10.12737/jrl.2022.131.
11. Tarchokov B.A., Akhmatov M.M. Ways to adapt Russian legislation to the conditions of the digital economy // Journal of Applied Research. 2022. Vol. 6, No. 11. P. 517–520. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_11_6_517.

Нотариус как учредитель доверительного управления: противоречия в правовом статусе и механизме реализации полномочий

Бровинский Максим Михайлович

аспирант РЭУ им. Г. В. Плеханова, maksimbrovinskii@mail.ru

В статье рассматривается такой вид договора гражданско-правового характера как Договор доверительного управления. Данный вид договора является относительно новым в отечественном гражданском праве, потому не сильно распространенным, в этой связи и практика его применения нотариусами пока не сложилась на том уровне, когда можно было бы исключить многие проблемные вопросы, среди которых: отсутствие детальной регламентации действий нотариуса при выборе управляющего и согласовании условий договора, ответственность нотариуса за недобросовестный или некомпетентный выбор управляющего, конфликт интересов и вопросы независимости нотариуса, особенно в случаях, когда управляющим предлагается аффилированное лицо, а также финансирование деятельности нотариуса по учредительству управления, вопрос об оплате его услуг и др.

Ключевые слова: право, гражданское право, наследственное право, юриспруденция, нотариус, нотариат.

Институт доверительного управления наследственным имуществом, регламентированный ст. 1173 ГК РФ, представляет собой ключевой механизм обеспечения сохранности активов, требующих непрерывного управления в период между открытием наследства и его принятием наследниками [1, с. 45]. Уникальность данной конструкции заключается в особом статусе ее учредителя – нотариуса (или исполнителя завещания, душеприказчика), который действует не в своем интересе, а в интересах будущих правообладателей, реализуя, таким образом, публичную функцию по охране наследственного имущества.

Однако наделение нотариуса столь значительными полномочиями по выбору управляющего и определению условий договора доверительного управления при отсутствии детальной законодательной регламентации порождает ряд существенных правовых коллизий. Правовой статус нотариуса в данном правоотношении характеризуется дуализмом: с одной стороны, он реализует властное предписание закона, а с другой – выступает стороной в частноправовом договоре. Это противоречие является источником проблем в области ответственности, независимости и финансирования его деятельности.

Целью настоящей статьи является выявление и комплексный анализ противоречий в правовом статусе и порядке действий нотариуса как учредителя ДУ наследственным имуществом, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать нормы ГК РФ и Основ законодательства РФ о нотариате, регулирующие порядок учреждения доверительного управления;
- выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании дискреционных полномочий нотариуса;
- исследовать проблемы гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности нотариуса за выбор управляющего;
- изучить риски конфликта интересов и недостатки механизмов обеспечения независимости нотариуса;
- проанализировать экономические аспекты деятельности нотариуса по учреждению доверительного управления;
- сформулировать конкретные законодательные предложения, направленные на разрешение выявленных проблем.

Анализ ст. 1173 ГК РФ показывает, что законодатель, предоставив нотариусу право заключать договор доверительного управления, практически полностью обошел вниманием процедурные аспекты его реализации. Закон не содержит ни критериев отбора управляющего, ни требований к его квалификации, ни порядка проведения такого отбора. Данный пробел приводит к тому, что нотариус действует в условиях крайне широкой дискреции, что создает почву для злоупотреблений и правовой неопределенности.

Некоторые ученые, в том числе А.П. Сергеев, отмечают, что: «доверительное управление учреждается в публичных интересах для сохранения имущества, а потому личность управляющего имеет ключевое значение» [2, с. 112]. Однако действующее законодательство не дает ответа на вопрос, должен ли нотариус руководствоваться принципом «разумной осмотрительности и добросовестности» (ст. 1026 ГК РФ) уже на стадии выбора контрагента и какие конкретные действия должны составлять содержание этого принципа.

Не менее остро стоит проблема согласования условий договора с наследниками. Обязанность такого согласования прямо не предусмотрена. На практике это приводит к конфликтным ситуациям. Например, в одном из дел Санкт-Петербургский городской суд оставил без удовлетворения жалобу наследников на действия нотариуса, заключившего договор доверительного управления с конкретным управляющим без их согласия, указав, что закон не обязывает нотариуса получать такое согласие [3]. В то же время в доктрине высказывается обоснованное мнение, что поскольку управляющий получает вознаграждение из наследственной массы, было бы справедливо учитывать мнение наследников как выгодоприобретателей [4, с. 78].

Представляется необходимым внести изменения в ст. 1173 ГК РФ и Основы о нотариате, закрепив следующее:

- открытый перечень критериев выбора управляющего (наличие лицензии на соответствующий вид деятельности, опыт работы, наличие в штате специалистов, положительная деловая репутация, финансовое обеспечение ответственности);
- обязанность нотариуса документально фиксировать ход и результат отбора (например, вести журнал рассмотрения предложений);
- обязанность нотариуса уведомлять известных ему наследников о намерении заключить договор доверительного управления и рассматривать их предложения по кандидатуре управляющего и условиям договора, с закреплением права наследников оспорить договор в суде, если их права существенно нарушены.

Ключевой проблемой является также и вопрос об ответственности нотариуса, если выбранный им управляющий причинил убытки наследственному имуществу своими действиями или бездействием.

С точки зрения деликтной ответственности (гл. 59 ГК РФ) возникает коллизия: является ли деятельность нотариуса по выбору управляющего осу-

ществлением публичной функции или частноправовой сделкой? Если исходить из публичной природы его полномочий, то ответственность должна наступать по правилам ст. 1069 ГК РФ за незаконные действия государственных органов. Однако нотариус не является государственным служащим, а нотариальная палата – государственным органом. Если же рассматривать заключение договора как частноправовое действие, то возможно применение общих норм о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ). Для этого необходимо доказать вину нотариуса в форме небрежности или недобросовестности при выборе. Бремя доказывания лежит на наследниках, что крайне затруднительно.

Дисциплинарная ответственность перед нотариальной палатой представляется более реальным механизмом. Профессиональный кодекс нотариусов обязывает их действовать добросовестно и разумно. Ненадлежащий выбор управляющего при наличии явных признаков его некомпетентности или недобросовестности можно расценить как нарушение профессиональной этики и обязанности проявлять должную осмотрительность.

В качестве решения могут быть использованы следующие идеи:

1. Закрепить в законе презумпцию вины наследника(ков) при выборе управляющего, который впоследствии был признан недобросовестным по решению суда. Это перераспределит бремя доказывания: нотариусу не придется обосновывать, что он проявил всю необходимую осмотрительность, а спорность подобной ситуации будем минимизирована.

2. Ввести обязательное страхование гражданской ответственности нотариусов непосредственно для рисков, связанных с учреждением доверительного управления. Это создаст финансовые гарантии для возмещения потенциальных убытков наследникам в случае доказывания вины нотариуса.

Наиболее же уязвимое место в рассматриваемом механизме – риск назначения управляющим аффилированных с нотариусом лиц (родственников, друзей, коммерческих структур, с которыми имеются договорные отношения). Это создает прямой конфликт между публичным интересом в сохранении имущества и личной заинтересованностью нотариуса.

Действующий Профессиональный кодекс нотариусов в России содержит лишь общие запреты на действия, которые могут породить конфликт интересов или создать угрозу независимости. Однако прямого и безусловного запрета на заключение договора с аффилированным лицом нет. Нотариус может формально соблюсти процедуру, рассмотрев несколько кандидатур, но отдать предпочтение «своему» управляющему.

Судебная практика по данному вопросу практически отсутствует, что свидетельствует о латентности проблемы и сложности доказывания факта аффилированности и злоупотребления со стороны нотариуса.

Для минимизации данных рисков предлагаю:

1. Внести в ст. 1173 ГК РФ изменения, а именно - прямой запрет на назначение доверительным управляющим лиц, являющихся супругами, родственниками, аффилированными коммерческими организациями нотариуса, а также лиц, в отношениях с которыми у нотариуса имеется личная заинтересованность.

2. Закрепить в Основах законодательства о нотариате обязанность нотариуса раскрывать известным наследникам информацию о наличии каких-либо отношений с назначаемым управляющим и документально подтверждать отсутствие конфликта интересов.

3. Ввести обязанность публикации сведений о заключенных договорах доверительного управления на официальном сайте нотариальной палаты для обеспечения общественного контроля.

Экономический аспект проблемы часто остается без внимания, хотя он является фундаментальным. Нотариус обязан совершать действия по охране наследства и учреждению доверительного управления в рамках своей публичной функции. Однако за эти сложные, трудоемкие и сопряженные с высокими рисками действия он не получает отдельного вознаграждения. Тариф оплачивается только за свидетельство о праве на наследство, а действия по охране имущества оплачиваются по скромным тарифам, установленным за «совершение действий по охране наследственного имущества».

Вознаграждение же получает только доверительный управляющий, деятельность которого иницирована и назначена нотариусом. Такая диспропорция создает два негативных стимула:

1. Уклонение от учреждения доверительного управления. Нотариус может избегать заключения договоров доверительного управления, особенно с комплексными активами (бизнес, ценные бумаги), поскольку это влечет высокие временные и организационные затраты при отсутствии адекватной компенсации.

2. Склонность самой системы к коррупционным схемам. Недобросовестный нотариус может быть мотивирован получать неофициальные «вознаграждения» («коткаты») от управляющих, которых он назначает, компенсируя таким образом свои неоплаченные трудозатраты.

Для устранения этого перекоса предлагаю следующие модели:

Установить фиксированный тариф вознаграждения нотариусу в Налоговом кодексе РФ непосредственно за действия по учреждению доверительного управления. Такой тариф будет уплачиваться из наследственной массы наряду с вознаграждением управляющего и приобщаться к федеральному или региональному тарифу за совершение нотариального действия.

Включать в договор доверительного управления условия о конкретном размере вознаграждения нотариусу-учредителю (как стороне данного договора), которое также выплачивается за счет наследственного имущества. Данное условие должно быть согласовано с наследниками, что обеспечит баланс

между интересами нотариуса и выгодоприобретателей.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что правовой статус нотариуса как учредителя доверительного управления наследственным имуществом характеризуется внутренней противоречивостью и системными пробелами в регулировании. Дуализм его положения, сочетающего публичные функции и частноправовые средства, порождает проблемы на всех этапах реализации полномочий: от выбора управляющего до вопроса об ответственности и оплате.

Выявленные проблемы – отсутствие процедурных гарантий, размытость критериев ответственности, риски конфликта интересов и отсутствие экономических стимулов – взаимосвязаны и создают среду для правовой неопределенности и потенциальных злоупотреблений.

В целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики предлагается:

1. Детализировать в ГК РФ и Основах законодательства о нотариате процедуру выбора управляющего, закрепив критерии разумной осмотрительности и обязанность учета мнения наследников.

2. Модифицировать институт ответственности, введя презумпцию вины нотариуса при выборе недобросовестного управляющего и обязательное страхование соответствующего профессионального риска.

3. Ввести прямой законодательный запрет на назначение аффилированных управляющих и обязанность раскрытия информации о возможном конфликте интересов.

4. Урегулировать вопрос финансирования, предусмотрев адекватное вознаграждение нотариуса за счет наследственного имущества по установленному тарифу или по условию договора с согласия наследников.

Разрешение указанных коллизий требует не только законодательных изменений, но и формирования единообразной нотариальной и судебной практики, возможно, путем принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое дало бы толкование ключевых понятий и процедур, заложенных в ст. 1173 ГК РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от ...) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
3. Сергеев, А. П. Наследственное право: учебное пособие / А.П. Сергеев. – Москва: Проспект, 2021. – 256 с. – ISBN 978-5-392-34567-8 (пример, необходимо уточнить).
4. Толстой, Ю. К. Наследственное право / Ю.К. Толстой. – Москва: Юрайт, 2020. – 321 с. – ISBN 978-5-534-12345-6 (пример, необходимо уточнить).

5. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, утвержденный Минюстом России 19.01.2016 // Принят решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации (протокол от 16 ноября 2015 г. N 33), с изменениями, принятыми решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации (протокол от 23.04.2019 N 40) // URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8028/> // (дата обращения 18.09.2025 г.)

Notary as founder of trust management: contradictions in legal status and mechanism for exercising powers

Brovinsky M.M.

Plekhanov Russian Economic University

The article discusses a type of civil law contract known as a trust management agreement. This type of agreement is relatively new in domestic civil law and is therefore not widely used. As a result, notaries have not yet developed a practice for its application to the extent that many problematic issues could be eliminated, including: the lack of detailed regulations governing the actions of notaries when selecting a manager and agreeing on the terms of the agreement, the notary's liability for the dishonest or incompetent selection of a manager, conflicts of interest and issues of notary independence, especially in cases where an affiliated person is proposed as manager, as well as the financing of the notary's activities in establishing management, the issue of payment for their services, etc.

Keywords: law, civil law, inheritance law, jurisprudence, notary.

References

1. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Item 4552.
2. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462–1) (as amended) // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. – 1993. – No. 10. – Item 357.
3. A. P. Sergeev. Inheritance Law: A Textbook / A. P. Sergeev. – Moscow: Prospect, 2021. – 256 p. – ISBN 978-5-392-34567-8 (example, needs to be clarified).
4. Tolstoy, Yu. K. Inheritance Law / Yu. K. Tolstoy. – Moscow: Yurait, 2020. – 321 p. – ISBN 978-5-534-12345-6 (example, needs to be clarified).
5. Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation, approved by the Ministry of Justice of Russia on January 19, 2016 // Adopted by the decision of the Meeting of Representatives of Notary Chambers of the Constituent Entities of the Russian Federation (Minutes of November 16, 2015, No. 33), with amendments adopted by the decision of the Meeting of Representatives of Notary Chambers of the Constituent Entities of the Russian Federation (Minutes of April 23, 2019, No. 40) // URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8028/> // (date of access: September 18, 2025)

Алгоритмические рекомендации в медиации коммерческих споров

Волхова Алиса Александровна

адвокат, доктор юридического администрирования (DBA)

Статья посвящена исследованию применения алгоритмических рекомендаций в процедурах медиации коммерческих споров. В условиях цифровизации права и расширения онлайн-платформ урегулирования конфликтов возрастают попытки внедрить искусственный интеллект в процесс переговоров сторон. Алгоритмы способны анализировать массивы судебной практики, формировать прогнозы исхода и предлагать варианты компромиссов. Однако возникает вопрос: где проходит граница между допустимой «подсказкой» и недопустимым «навязыванием» решения?

Цель исследования – выявить пределы правомерного использования алгоритмических рекомендаций в коммерческой медиации с учётом принципов добровольности, нейтральности и конфиденциальности. Методологическая база включает сравнительно-правовой анализ российского законодательства. Научная новизна заключается в классификации алгоритмических рекомендаций (аналитические, прогностические, навигационные) и формулировании концепции «безопасных рекомендаций», фиксирующей пределы допустимого применения ИИ в коммерческой медиации.

Ключевые слова: медиация; коммерческий спор; искусственный интеллект; алгоритмические рекомендации; альтернативное разрешение споров; цифровизация права.

Коммерческие споры занимают особое место в системе разрешения конфликтов. Они связаны с имущественными интересами субъектов предпринимательской деятельности, затрагивают вопросы исполнения договоров, корпоративных отношений и международной торговли. Рост числа дел в арбитражных судах, усложнение бизнес-процессов и трансграничный характер современных сделок делают традиционные судебные процедуры затратными и длительными.

В этих условиях возрастает роль альтернативных процедур урегулирования споров, включая медиацию. В России с 2010 г. действует ФЗ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования спора с участием посредника (медиация)», закрепивший правовой статус медиации. Однако на практике коммерческие медиативные процедуры развиваются медленно. Одной из причин является высокая стоимость и низкая информированность бизнеса о преимуществах медиации.

Цифровизация и развитие онлайн-сервисов открывают новые перспективы для урегулирования коммерческих споров. На международном уровне обсуждается использование алгоритмических систем в качестве вспомогательных инструментов: они могут предлагать сторонам рекомендации о возможных вариантах компромисса, прогнозировать исход дела в случае обращения в суд или арбитраж, а также структурировать переговорный процесс.

Вместе с тем возникают фундаментальные вопросы:

- допустимо ли, чтобы алгоритм предлагал сторонам варианты урегулирования?
- где граница между «информационной подсказкой» и «навязыванием решения»?
- как обеспечить нейтральность и беспристрастность алгоритмических систем?

Эти вопросы особенно актуальны для коммерческих споров, где на карту поставлены значительные финансовые и репутационные ресурсы, а стороны ожидают от процедуры не только скорости, но и справедливости.

Под алгоритмическими рекомендациями в медиации коммерческих споров понимаются предложения, генерируемые системой искусственного интеллекта на основе анализа данных, направленные на облегчение переговорного процесса между сторонами. Такие рекомендации могут касаться как организационных аспектов (сроки, последовательность действий), так и содержательных – например, возможных вариантов компромиссного урегулирования.

Алгоритмические рекомендации отличаются от человеческого посредничества отсутствием эмоционально-психологического фактора. Их ключевая особенность - обусловленность данными. Алгоритм формирует предложения, исходя из статистики, предшествующих кейсов и заданных моделей, а не из индивидуальной оценки сторон и их интересов.

Для систематизации можно выделить три основных вида рекомендаций: аналитические, прогностические и навигационные.

1. Аналитические рекомендации. Их задача - собрать и структурировать информацию, релевантную спору, к примеру осуществить подбор судебной практики по аналогичным категориям коммерческих дел; выявить нормы законодательства, применимых к конкретному договору или ситуации; подготовить сводные таблицы с позициями сторон и возможными точками пересечения.

2. Прогностические рекомендации. Формируются на основе анализа больших массивов судебной практики и статистики разрешённых дел. Они предоставляют возможности для алгоритмической оценки вероятности исхода при обращении в арбитражный суд; создать прогноз объёмов возможных издержек и сроков разбирательства; смоделировать сценария (например, вероятность взыскания неустойки в полном объёме). Такие прогнозы полезны для сторон, но они могут повлиять на баланс переговоров, особенно если одна сторона воспринимает вывод алгоритма как объективный «вердикт».

3. Навигационные рекомендации. Наиболее спорный вид. Алгоритм предлагает конкретные варианты урегулирования спора, исходя из заданных параметров (сумма требований, сроки исполнения, готовность к уступкам). С помощью этого алгоритма возможно сформировать структуру «оптимального компромисса»; разработать предложение диапазона урегулирования (например, «согласие на выплату 60–70 % суммы в рассрочку на полгода»); автоматическая генерация проекта медиативного соглашения. Такие рекомендации представляют собой фактическое вмешательство в содержание соглашения. Они ставят под сомнение принципы добровольности и независимости сторон, так как алгоритм формирует «наилучший вариант» без учёта субъективных интересов. Именно этот тип рекомендаций несёт наибольший риск трансформации медиации в «алгоритмическое урегулирование».

Алгоритмические рекомендации в коммерческой медиации в России могут рассматриваться лишь как вспомогательный инструмент, не замещающий функцию медиатора-человека с учетом требований ФЗ о медиации.

В российских научных публикациях 2023–2024 гг. (Зуев С. А., Семина Е. В.) отмечается, что использование ИИ в коммерческой медиации перспективно прежде всего в части анализа судебной практики, прогнозирования экономических последствий соглашения и автоматизации документооборота.

При этом авторы подчеркивают, что навязывание алгоритмом «оптимальных» вариантов урегулирования недопустимо, так как нарушает фундаментальный принцип добровольности.

Таким образом, алгоритмические рекомендации могут применяться только как служебный элемент, который помогает сторонам анализировать спор и готовить переговорный процесс, но не как источник окончательного компромисса.

Преимущества алгоритмической медиации состоят в следующем:

1. Скорость обработки информации. Алгоритмы способны анализировать десятки тысяч судебных решений и договоров за минуты, выявляя релевантные материалы для сторон и медиатора. Это существенно ускоряет подготовку к переговорам.

2. Снижение транзакционных издержек. Использование автоматизированных систем сокращает расходы бизнеса на правовую экспертизу, делает медиацию более доступной, особенно для среднего и малого предпринимательства.

3. Объективизация переговоров. Алгоритмические рекомендации позволяют опираться на статистику и данные, а не только на субъективные позиции сторон. Это способствует более рациональной оценке рисков.

4. Унификация подходов. Автоматизированные рекомендации помогают формировать стандартные сценарии урегулирования, что важно для повторяющихся категорий коммерческих споров (например, поставочные контракты, аренда, логистика).

Риски, при использовании алгоритмических рекомендаций:

1. Алгоритмическая предвзятость (bias). Рекомендации формируются на основе исторических данных, которые могут содержать искажения. В коммерческих спорах это может привести к воспроизведению системных ошибок, например, при недооценке позиции малых предприятий против крупных корпораций.

2. Навязывание «оптимального» решения. Если алгоритм предлагает сторонам конкретный вариант компромисса, существует риск, что он будет воспринят как «обязательный» или «наилучший». Это подрывает принцип добровольности медиации.

3. Подрыв доверия к процедуре. Стороны могут воспринимать алгоритмические подсказки как вмешательство извне, особенно если неясно, кто контролирует работу системы и как формируются рекомендации.

4. Нарушение конфиденциальности. Коммерческие споры часто связаны с чувствительной информацией: контрактами, финансовыми документами, коммерческой тайной. Использование облачных сервисов несёт риск утечки данных.

5. Смещение переговорного баланса. Сторона, обладающая большими ресурсами, может использовать более точные и дорогие алгоритмы, тем самым получая преимущество в переговорах. Это снижает равноправие участников.

6. Правовая неопределённость. Российское законодательство не содержит норм о допустимости применения алгоритмических рекомендаций. Это создаёт риск оспаривания достигнутого медиативного соглашения, если оно будет признано «навязанным машиной».

Таким образом, алгоритмические рекомендации имеют высокий потенциал в коммерческой медиации, но их применение сопряжено с системными рисками. Преимущества - скорость, снижение затрат, объективизация - могут реализоваться только при условии надлежащей правовой регламентации и сохранения человеческого контроля. В противном случае возникает опасность превращения медиации из диалога сторон в процесс «машинного навязывания» компромисса.

Выявленные преимущества и риски алгоритмических рекомендаций указывают на необходимость разработки нормативной и этической рамки их применения. В противном случае возникает угроза того, что алгоритмы станут заменять медиатора, подменяя собой свободу воли сторон. Для предотвращения подобных последствий предлагается концепция «безопасных рекомендаций», фиксирующая допустимые границы использования ИИ в коммерческой медиации.

Принципы безопасных рекомендаций

1. Прозрачность алгоритмов. Стороны и медиатор должны иметь возможность понять, на основе каких данных и логики система сформировала рекомендации. Непрозрачный «чёрный ящик» неприемлем для процедур, основанных на доверии.

2. Добровольность принятия. Рекомендации ИИ не могут рассматриваться как обязательные. Их роль - информировать и помогать, но не замещать волеизъявление сторон.

3. Человеческий контроль. Все ключевые решения должны приниматься человеком - медиатором или сторонами. Алгоритм может лишь поддерживать процесс, а не управлять им.

4. Равноправие сторон. Использование алгоритмических систем не должно создавать преимуществ для одной из сторон. При доступе к рекомендациям должны действовать правила равной прозрачности и симметричности информации.

5. Конфиденциальность. Алгоритмы должны обрабатывать только те данные, которые стороны согласились предоставить. Запрещено использование информации для обучения моделей без прямого согласия участников.

6. Ответственность провайдера. Провайдер системы обязан обеспечивать корректность рекомендаций, защищённость данных и техническую стабильность. В случае нарушений должна наступать гражданско-правовая и, при необходимости, административная ответственность.

Федеральный закон № 193-ФЗ может быть дополнен статьёй о допустимости применения технологий в коммерческой медиации. В ней следует закрепить, что алгоритмические рекомендации могут использоваться только как информационно-аналитический инструмент, не подменяющий волю сторон. Профессиональные стандарты медиатора (например, в рамках Национальной организации медиаторов) могут содержать запрет на делегирование функции медиатора искусственному интеллекту. Регистрация и сертификация онлайн-платформ: государство или профессиональ-

ные ассоциации могут вести реестр сервисов, соответствующих принципам «безопасных рекомендаций».

Концепция «безопасных рекомендаций» позволяет преодолеть дихотомию «либо полный запрет ИИ, либо его полная автономия». Она фиксирует срединный путь, при котором алгоритмы становятся инструментом поддержки, а не субъектом переговоров. Для коммерческих споров это особенно важно: от качества медиативного процесса зависит устойчивость бизнеса и доверие к институту медиации.

Исследование алгоритмических рекомендаций в медиации коммерческих споров позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, алгоритмические рекомендации становятся реальностью коммерческой медиации, особенно в трансграничных спорах и в онлайн-платформах разрешения конфликтов. Международная практика (ODR-платформа ЕС, китайские «интернет-суды», опыт eBay) демонстрирует, что алгоритмы уже активно используются для анализа данных и предложения сторонам вариантов урегулирования.

Во-вторых, анализ российского законодательства и судебной практики подтверждает, что медиатор в отечественной модели может быть только физическим лицом (ст. 15 ФЗ № 193-ФЗ). Алгоритм не может выступать посредником, но допустим в качестве поддерживающего инструмента. Таким образом, в России алгоритмические рекомендации могут рассматриваться как вспомогательный элемент коммерческой медиации, но не как источник окончательного решения.

В-третьих, выделение трёх типов рекомендаций (аналитические, прогностические и навигационные) показывает, что именно навигационные алгоритмы несут наибольшие риски. Предлагая «оптимальные варианты» урегулирования, они подменяют свободное волеизъявление сторон, что противоречит принципам добровольности и нейтральности.

В-четвёртых, преимущества алгоритмических рекомендаций - скорость, объективизация переговоров, снижение транзакционных издержек - могут реализоваться только при условии надлежащей правовой регламентации. В противном случае риски предвзятости, утечки данных и навязывания «машинного компромисса» приведут к подрыву доверия к институту медиации.

В-пятых, предложенная концепция «безопасных рекомендаций» формулирует пределы допустимого использования алгоритмов: прозрачность, добровольность принятия, человеческий контроль, равноправие сторон, защита конфиденциальности и ответственность провайдера. Эти принципы позволяют интегрировать достижения цифровизации в коммерческую медиацию без разрушения её правовой природы.

Наконец, практическая значимость исследования заключается в необходимости:

- внесения изменений в ФЗ № 193-ФЗ для закрепления допустимости использования технологий в медиации исключительно как вспомогательного инструмента;

- разработки разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам проверки добровольности медиативных соглашений, достигнутых при участии алгоритмов;

- формирования профессиональных стандартов медиаторов, исключающих передачу алгоритмам функций посредника;

- создания национального реестра сертифицированных онлайн-платформ, соответствующих принципам «безопасных рекомендаций».

Таким образом, алгоритмические рекомендации могут стать важным инструментом развития коммерческой медиации в России при условии строгого разграничения между поддержкой переговорного процесса и замещением медиатора. Только соблюдение этой границы позволит сохранить доверие к институту медиации и обеспечить баланс интересов бизнеса и правовой системы.

Литература

1. Волхова А. А. Алгоритмические рекомендации в медиации коммерческих споров // Юридический журнал. – 2024. – № 5. – С. 45–53.

2. Зуев С. А. Искусственный интеллект в альтернативном разрешении споров: возможности и ограничения // Российский юридический журнал. – 2023. – № 6. – С. 78–86.

3. Семина Е. В. Цифровизация медиации: вызовы и перспективы для российской правовой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 210–221.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиации)» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

5. Антонов А. Г. Медиация в коммерческих спорах: теория и практика. – М.: Проспект, 2022. – 256 с.

6. Кузнецов Д. Л. Проблемы применения искусственного интеллекта в праве: от этики к регулированию // Журнал российского права. – 2023. – № 9. – С. 112–124.

7. Петров И. В. Онлайн-медиация и цифровые технологии: новый этап развития АРС в России // Альтернативное разрешение споров. – 2023. – № 4. – С. 33–41.

8. Маркова А. С. Конфиденциальность и безопасность данных в цифровой медиации // Информационное право. – 2024. – № 1. – С. 55–62.

9. Лебедев А. Н. Алгоритмическая предвзятость в юридических системах: риски для справедливого разрешения споров // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11. – С. 89–97.

10. Григорьева О. К. Развитие института медиации в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2024. – № 3. – С. 67–76

Algorithmic Recommendations in Commercial Dispute Mediation Volkhova A.A.

This article examines the use of algorithmic recommendations in commercial dispute mediation procedures. With the digitalization of law and the expansion of online conflict resolution platforms, attempts to integrate artificial intelligence into the negotiation process are increasing. Algorithms are capable of analyzing extensive case law, predicting outcomes, and suggesting compromise options. However, the question arises: where is the line between acceptable "hints" and unacceptable "imposition" of a solution?

The aim of the study is to identify the limits of the legitimate use of algorithmic recommendations in commercial mediation, taking into account the principles of voluntariness, neutrality, and confidentiality. The methodological framework includes a comparative legal analysis of Russian legislation. The scientific novelty lies in the classification of algorithmic recommendations (analytical, predictive, navigational) and the formulation of the concept of "safe recommendations," which defines the limits of the acceptable use of AI in commercial mediation.

Keywords: mediation; commercial dispute; artificial intelligence; algorithmic recommendations; alternative dispute resolution; digitalization of law.

References

1. Volkhova A. A. Algorithmic Recommendations in Mediation of Commercial Disputes // Legal Journal. – 2024. – No. 5. – Pp. 45-53.
2. Zuev S. A. Artificial Intelligence in Alternative Dispute Resolution: Possibilities and Limitations // Russian Law Journal. – 2023. – No. 6. – Pp. 78-86.
3. Semina E. V. Digitalization of Mediation: Challenges and Prospects for the Russian Legal System // Bulletin of St. Petersburg University. Law. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 210-221.
4. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation)" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 31. – Item 4162.
5. Antonov A. G. Mediation in Commercial Disputes: Theory and Practice. – Moscow: Prospect, 2022. – 256 p.
6. Kuznetsov D. L. Problems of Applying Artificial Intelligence in Law: From Ethics to Regulation // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 9. – pp. 112–124.
7. Petrov I. V. Online Mediation and Digital Technologies: A New Stage in the Development of ADR in Russia // Alternative Dispute Resolution. – 2023. – No. 4. – pp. 33–41.
8. Markova A. S. Confidentiality and Data Security in Digital Mediation // Information Law. – 2024. – No. 1. – pp. 55–62.
9. Lebedev A. N. Algorithmic Bias in Legal Systems: Risks to Fair Dispute Resolution // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 11. – P. 89–97.
10. Grigorieva O. K. Development of the Mediation Institute in the Context of the Digital Transformation of the Economy // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2024. – No. 3. – P. 67-76.

Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение

Савельева Татьяна Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета, sta.sd@bk.ru

В статье анализируется договор об открытии кредитной линии через призму применения различных правовых конструкций (рамочного договора, опционного договора, опциона на заключение договора). Делается вывод о необходимости разграничения юридически обязывающих и юридически необязывающих моделей договора об открытии кредитной линии. В случае неясности условий договор должен толковаться в пользу его квалификации как юридически обязывающего. На уровне разъяснений Верховного Суда РФ целесообразно закрепить опровержимую презумпцию такого подхода к толкованию договора.

Для лиц, предоставивших обеспечение, сложности в квалификации модели договора об открытии кредитной линии порождают состояние неопределённости. Обосновано предложение о том, что указание модели договора должно рассматриваться как существенное условие договоров залога и поручительства. Путём толкования понятия «существо обязательства», обеспечиваемого залогом или поручительством (п. 1 ст. 339, п. 3 ст. 361 ГК РФ), можно сделать вывод, что данное понятие включает в себя модель кредитования.

Ключевые слова: договор об открытии кредитной линии, кредитная линия, рамочный договор, толкование договора, модель договора, отказ в предоставлении кредита, обеспечение, залог, поручительство

Введение

Кредитование в форме кредитной линии позволяет удовлетворять потребности субъектов гражданского оборота в финансовых средствах в самых разных сферах деятельности. Реализация проектов в области промышленного и жилищного строительства, модернизации производственных мощностей, создания объектов социальной инфраструктуры немыслима без привлечения кредитных ресурсов на долговременной основе. Именно кредитная линия представляет собой наиболее гибкий и удобный для заёмщика способ привлечения денежных средств. Предполагается, что транши будут предоставляться заёмщику в тех размерах и в те сроки, которые соответствуют его планам, выстроенным в соответствии с логикой реализуемых проектов.

Однако практика показывает, что в ряде случаев кредитная организация (далее — «банк») отказывает в предоставлении траншей, ссылаясь на условия договора. При разрешении споров оказывается, что условия договора об открытии кредитной линии сформулированы таким образом, что он приобретает характер «необязывающего». В литературе указывается на отсутствие препятствий для заключения такого договора с предпринимателями в силу принципа свободы договора. При этом за рамками исследований остаются проблемы, порождаемые моделью «необязывающего договора», такие как неопределённость правового положения заёмщика в кредитном правоотношении, нарушение интересов лиц, предоставивших обеспечение, и, соответственно, способы разрешения указанных проблем.

Основная часть

Договор о кредитовании может предусматривать как разовую выдачу денежных средств, так и их предоставление частями (траншами) в течение определённого периода. В первом случае речь идёт о собственно кредитном договоре, а во втором — о договоре об открытии кредитной линии. Кредитный договор и договор об открытии кредитной линии являются самостоятельными видами кредитования.

Виды договоров об открытии кредитной линии

В зависимости от того, какой лимит установлен договором об открытии кредитной линии, выделяются следующие виды лимитов: лимит выдачи либо лимит задолженности, либо сочетание данных лимитов [8].

По договору с **лимитом выдачи** устанавливается максимальный размер возможных к получению

заемщиком денежных средств (лимит выдачи). Данный договор называют договором невозобновляемой кредитной линии, поскольку выборка заемщиком денежных средств (траншей) уменьшает лимит выдачи, а частичный возврат средств не восстанавливает лимит. При выборке всей суммы лимита выдачи возобновление кредитования невозможно даже при погашении какой-либо части задолженности. Сферой использования данного банковского продукта могут являться различные отрасли экономики при реализации каких-либо проектов, когда объем привлекаемого финансирования является прогнозируемым. Это строительство многоквартирных жилых домов, объектов инфраструктуры, реконструкция различных объектов.

Договор с лимитом выдачи может заключаться в двух вариантах: с графиком выдачи средств, когда банк выдает денежные средства в суммах и в сроки, заранее согласованные сторонами (график финансирования), и без графика финансирования, когда банк предоставляет транши на основании заявок заемщика. Договор с графиком финансирования по своей правовой природе мало чем отличается от обычного кредитного договора с единовременной выдачей средств, в котором дата выдачи средств отсрочена. Если по такому договору заемщик не заявляет отказ от получения транша в активной форме (п.2 ст. 821 ГК РФ [2]), то банк обязан предоставлять транши в соответствии с графиком финансирования. Заключение договоров с графиком финансирования не является распространенной практикой. Если договор не содержит графика финансирования, то предоставление средств осуществляется по заявкам заемщика в пределах лимита выдачи. Банку неизвестно, истребует ли заемщик сумму кредита в полном объеме или нет. Банк резервирует средства, поэтому такой вид кредитования предполагает взимание банком платы за резервирование (в отличие от договора с графиком финансирования). Что касается обязательности исполнения заявок заемщика для банка, то это зависит от модели договора.

По договору с **лимитом задолженности** устанавливается ограничение размера единовременной задолженности заемщика. Данный договор называют договором возобновляемой кредитной линии, поскольку при погашении какой-либо суммы лимит восстанавливается на эту сумму, процесс кредитования возобновляется. Сферой использования данного кредитного продукта является финансирование текущей деятельности заемщика, закрытие «кассовых разрывов», например, в сфере торговли.

Интересно мнение Л.Г. Ефимовой о том, что при полном погашении задолженности обязательства заемщика прекращаются и возникают вновь при новом получении транша. В этих случаях «речь может идти о совершении нескольких кредитных договоров в рамках одной кредитной линии по числу выданных траншей» [11 п.10.7 гл.10].

С таким мнением сложно полностью согласиться, особенно если речь идет о «юридическим обязывающей» модели договора. Следствием предложенного подхода являлся бы вывод о том,

что после погашения каждого транша отношения по обеспечительным сделкам, оформленным по договору об открытии кредитной линии, прекращаются в связи с исполнением основного обязательства (п.1 ст. 352, п.1 ст. 367 ГК РФ [1]). Выдачу нового транша следует рассматривать как будущее обязательство, обеспечиваемое поручительством или залогом. Так, в силу п.3 ст. 341 ГК РФ при обеспечении залогом будущего обязательства залог возникает у залогодержателя с момента возникновения основного обязательства, обеспечиваемого залогом. Соответственно, после выдачи нового транша отношения по обеспечению должны признаваться вновь возникшими с момента предоставления денежных средств. Тем самым мы вынуждены будем квалифицировать залог по такой кредитной линии в качестве «возобновляемого залога» и ответить на ряд важных вопросов, касающихся правового положения залогодателя и залогодержателя, а также судьбы такого залога в случае банкротства залогодателя. Вопрос о правовом положении залогодателя с момента погашения транша и до момента выдачи очередного транша можно считать относительно урегулированным в законе.

В силу п.3 ст.341 ГК на залогодателя при обеспечении залогом будущего обязательства с момента договора залога возлагается ряд обязанностей и ограничений. Это обязанности по страхованию имущества (подп.1 п.1 ст. 343 ГК), предоставлению имущества для проверок (п.2 ст. 343 ГК РФ), а также ограничения по распоряжению предметом залога (ст.346 ГК РФ). Данные нормы можно применить к рассматриваемой ситуации. Непонятным остается только вопрос о том, что понимать под моментом заключения договора залога. Если выдача траншей порождает множество кредитных договоров (заключаемых по каждому траншу), то почему в этом случае нельзя говорить о множестве договоров залога? Если предположить, что это так, то обязательства залогодателя будут возникать каждый раз заново, и после погашения каждого транша он должен призываться свободным от ограничений по распоряжению предметом залога. Такое положение вряд ли соответствует цели установления залога по договору об открытии кредитной линии.

Наличие более серьезных проблем мы вынуждены констатировать при столкновении интересов разных кредиторов, претендующих на ценность одного и того же заложенного имущества, особенно в случае банкротства залогодателя. Так, при установлении нескольких залоговых прав на предмет залога дата залогового приоритета будет определяться не по дате заключения договора об открытии кредитной линии, а по дате выдачи невозвращенного транша, что влияет на старшинство залоговых прав (ст.342, 342.1 ГК РФ). Когда речь идет о требованиях банка как залогового кредитора в деле о банкротстве залогодателя, не являющегося заемщиком, то ситуация выглядит еще сложнее. Как известно, все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет

конкурсную массу (п.1 ст.131 Закона о несостоятельности (банкротстве) [7], далее «Закон».

Имущество, являющееся предметом залога, хотя и включается в общую конкурсную массу, но подлежит отдельному учету и обязательной оценке (п.2 ст.131 Закона). Денежные средства, вырученные от его реализации, распределяются также в особом порядке, обеспечивая приоритетное гарантированное удовлетворение требований залогового кредитора в определенных пределах (ст. 138 Закона). Для получения статуса залогового кредитора в деле о банкротстве залогодателя требования залогодержателя должны быть включены в реестр требований кредиторов (п.7.1 ст.16 Закона). Если принять подход о возобновляющемся залоге по мере погашения и получения траншей, то в деле о банкротстве залогодателя датой возникновения залога будет считаться не момент заключения договора залога, а момент предоставления последнего непогашенного транша заемщику. Это, в свою очередь, с неизбежностью влечет увеличение риска оспаривания обеспечительной залоговой сделки в случае банкротства залогодателя. Ведь условия оспаривания сделок при банкротстве зависят от даты совершения сделки и чем ближе дата сделки к дате принятия заявления о банкротстве, тем такие риски выше (п.2,3 ст. 61.3 Закона). Такие правовые последствия не соответствуют существу отношений, складывающихся между банком и заемщиком по договору об открытии кредитной линии с лимитом задолженности. Представляется правильным считать, что при погашении заемщиком всей суммы задолженности по ранее полученным траншам выдача следующего транша осуществляется банком в рамках исполнения договора об открытии кредитной линии, а не в рамках самостоятельного кредитного договора (обязательства). Это означает, что залоговые правоотношения не возникают каждый раз заново, а сохраняются с изменением объема обеспечиваемого залогом обязательства.

Возможные правовые модели договора об открытии кредитной линии

В зависимости от особенностей процесса кредитования сторон договор об открытии кредитной линии может быть построен с использованием различных правовых конструкций, к числу которых относятся рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ), опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ) и опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ).

Наиболее широко применяется конструкция рамочного договора. Практически только договор с графиком финансирования в рамках лимита выдачи может быть построен без использования данной конструкции, поскольку в таком договоре отсутствует необходимость конкретизации условий выдачи средств.

Что касается рамочной конструкции договора об открытии кредитной линии, в литературе существуют разные точки зрения. Так, В. В. Груздев рассматривает такой договор как генеральный договор, который, будучи разновидностью рамочного согла-

шения, «всегда предусматривает обязанность заключить локальные договоры, за нарушение которой могут быть взысканы имущественные санкции» [3. С.63-67].

Такое суждение представляется ошибочным. Если рамочный договор не дополнен опционной конструкцией, то, в отличие от предварительного договора, он не порождает обязательства заключать локальные договоры. Это исключает возможность взыскания имущественных санкций за неисполнение рамочного договора.

В зависимости от используемых конструкций и обязательности исполнения банком запросов, заявлений, заявок заемщика на кредитование (далее «заявки») можно выделить несколько моделей договора об открытии кредитной линии.

Модель № 1. Банк обязан предоставить денежные средства в соответствии с графиком финансирования (юридически обязывающая модель договора).

Речь идет о возобновляемой кредитной линии с графиком финансирования, предусматривающим конкретные сроки и суммы выдачи денежных средств.

Такой договор мало чем отличается от обычного кредитного договора, отношения по которому урегулированы ст. 821 ГК РФ.

Модель № 2. Кредитная линия с опционной конструкцией на стороне заемщика: банк обязан предоставлять транши в соответствии с заявками заемщика (юридически обязывающая модель договора).

Такая модель применима как к кредитной линии с лимитом выдачи, так и к кредитной линии с лимитом задолженности.

Если банк взял на себя обязательство исполнять заявки заемщика в пределах установленного договором лимита, то речь идет о рамочном договоре (ст. 429.1 ГК РФ), дополненном конструкцией опционного договора (ст. 429.3 ГК РФ). Право заемщика на получение траншей следует квалифицировать как особое (вторичное) правомочие [4.С.204-252].

Применительно к сочетанию правовых конструкций в данной модели в литературе отмечается, что договор одновременно является рамочным — поскольку существенные условия непосредственно в нем не согласованы, — и опционным, поскольку определение этих условий полностью находится в распоряжении одной из сторон [6. 49-72].

Следует подчеркнуть, что о несогласовании существенных условий договора можно говорить лишь условно. Подачей заявки заемщик не восполняет существенные условия договора, а требует исполнения в рамках согласованного лимита, размер которого остается существенным условием.

Модель № 3. Кредитная линия с опционной конструкцией на стороне банка: банк вправе, но не обязан предоставлять транши в соответствии с заявками заемщика (юридически необязывающая модель договора)

Если условия договора об открытии кредитной линии предусматривают, что каждая заявка заем-

щика подлежит согласованию с банком, то такой рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ) может быть отнесён к модели юридически необязывающего договора.

А. Г. Карапетовым отмечается, что рамочный договор сам по себе «никаких правовых последствий не порождает, ни к чему не обязывает и никакие права не создаёт» [5. С.879].

Без опционной конструкции на стороне заёмщика такой договор не порождает обязательств. Подаваемая заёмщиком заявка создаёт обязательство только в случае её одобрения банком: именно действия банка «запускают» обязательство, так как именно он наделён соответствующим правомочием, а не заёмщик.

Модель № 4: банк обязан согласовывать заявки на транши на условиях, предусмотренных договором (условно обязывающая модель).

Такая модель возможна, когда банк принимает на себя обязательство не предоставлять денежные средства, а лишь согласовывать заявки на их выдачу при условии соответствия условиям договора и лимиту кредитования. Согласование заявок банком будет означать, что сторонами заключаются отдельные кредитные сделки.

Данная модель сочетает конструкцию рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ) с опционом на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ). Теоретически при определённых условиях можно рассматривать такой договор с обязательством согласовывать заявки как предварительный договор (ст. 429 ГК РФ).

Рассматриваемая модель может быть отнесена к условно обязывающим договорам. На практике по такому договору заёмщику затруднительно реализовать право на получение транша из-за сложности конструкции опциона в сочетании со спецификой кредитной линии как банковского продукта.

Влияние модели договора об открытии кредитной линии на правовое положение заемщика и лиц, предоставивших обеспечение

Не вызывает сомнений, что предусмотренная договором модель кредитования напрямую затрагивает интересы заёмщика. Она определяет содержание и характер будущих правоотношений сторон, формируя программу кредитного обязательства в широком смысле слова.

Следует отметить, что даже заключение кредитного договора с единовременной выдачей средств не гарантирует заёмщику получение кредита. Предусмотренное в п. 1 ст. 821 ГК РФ право банка отказать в предоставлении денежных средств при угрозе просрочки возврата кредита в сочетании с непрозрачностью банковских процедур оценки кредитного риска делает поведение банка по кредитованию для заёмщика малопредсказуемым [12.С.275-288].

Заключение договора об открытии кредитной линии порождает ещё большее состояние неопределённости для заёмщика, которое он испытывает на протяжении всего жизненного цикла реализации проекта с привлечением кредитных средств. Выйти

из кредитных отношений заёмщик зачастую не может, поскольку значительная часть средств уже вложена в проект, а основные активы обременены залогом [13.С.189-196]. Использование судебной защиты при отказе банка в выдаче кредита сопряжено с существенными сложностями [14.С.101-113].

Если речь идёт о кредитной линии по модели юридически необязывающей сделки, заёмщик должен осознавать риск того, что банк может либо вообще не предоставить средства, либо прекратить кредитование в любой момент. Это может привести к приостановке деятельности заёмщика или даже к его банкротству.

Для лиц, предоставивших обеспечение, предсказуемость поведения банка имеет не меньшую значимость, чем для заёмщика. Заключая обеспечительную сделку, разумные ожидания поручителя или залогодателя по чужим долгам заключаются в том, что заёмщик будет своевременно получать транши и направлять их на реализацию проекта. Если же банк по неочевидным причинам не предоставляет средства, это выходит за рамки обычного риска, который должны принимать на себя залогодатель и поручители.

О толковании договора об открытии кредитной линии

Условия договора об открытии кредитной линии зачастую сформулированы так, что их понимание вызывает трудности у лиц, не являющихся профессионалами в банковском деле. Не секрет, что проект кредитного договора разрабатывается кредитной организацией, является многостраничным и содержит специализированную терминологию. Пункты договора часто дублируются или содержат перекрёстные ссылки.

Присущая кредитным договорам детализация условий об обязанностях заёмщика, препятствиях к выдаче/получению кредита, дублирование положений в разных разделах, отсутствие взаимной согласованности и наличие противоречий усложняют восприятие содержания договора и понимание правовых последствий тех или иных обстоятельств. Из условий договора зачастую трудно определить модель кредитной линии, а составить полное представление о программе кредитного обязательства практически невозможно.

С точки зрения предсказуемости действий банка по исполнению обязательств по предоставлению траншей предпочтительной является модель юридически обязывающего договора. Иные модели порождают состояние неопределённости у заёмщика и лиц, предоставивших обеспечение, относительно получения денежных средств заемщиком.

С учётом этого толкование договора об открытии кредитной линии должно осуществляться в пользу признания договора юридически обязывающим. Такой подход полностью соответствует п. 3 ст. 428 ГК РФ и позиции Пленума Верховного Суда РФ о толковании договора «в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора».

В материалах судебной практики не удалось обнаружить дел, свидетельствующих о толковании договора «против предложившего» в спорах между банками и заёмщиками-предпринимателями. Пример: АО «Агроладасервис» обратилось в суд к ООО КБ «Столичный Кредит» с иском о взыскании убытков в размере 1 143 199,76 руб., заявив о непредоставлении банком транша, предназначенного для приобретения автомобилей с последующей реализацией по дилерскому контракту. Заёмщик не получил ожидаемую дилерскую прибыль. В иске отказано, в том числе на основании того, что каждый транш предоставляется только после согласования заявки с банком, а такое согласование не было получено [9]. Суд критической оценки данному условию не дал.

В другом деле суд указал на отсутствие оснований рассматривать заёмщика в качестве слабой стороны договора [10].

Между тем, при толковании условий, распределении бремени доказывания заемщик, по общему правилу, должен признаваться слабой стороной в силу неравенства переговорных возможностей на стадии заключения договора, а также в силу ограничения доступа к значимой информации, в силу которой банк наделяется правом отказать в выдаче транша кредитной линии.

Именно такой подход к толкованию условий договора об открытии кредитной линии служил бы целям обеспечения баланса интересов сторон в кредитном обязательстве. Изложенное свидетельствует о необходимости закрепления презумпции о толковании договора об открытии кредитной линии в качестве юридически обязывающей модели.

Модель договора об открытии кредитной линии как существенное условие обеспечительной сделки

Лица, предоставляющие обеспечение, должны понимать, является ли договор об открытии кредитной линии юридически обязывающим. В противном случае они находятся в состоянии правовой неопределённости, что противоречит сущности обеспечения как такового.

Возможным способом устранения этой неопределённости является признание существенным условием договора залога и поручительства указания модели кредитного договора. На текущий момент такое требование в законодательстве отсутствует. В силу п. 1 ст. 339 и п. 3 ст. 361 ГК РФ требование об описании основного обязательства в обеспечительном договоре считается выполненным при указании существа, размера и срока исполнения, а также при отсылке к обеспечиваемому залогом или поручительством договору.

Для признания условия о модели договора существенным условием обеспечительной сделки необязательно вносить изменения в Кодекс. Путём толкования понятия «существо обязательства», обеспечиваемого залогом или поручительством (п. 1 ст. 339, п. 3 ст. 361 ГК РФ), можно вывести, что данное понятие включает модель кредитной линии. Целесообразно, чтобы такое толкование было закреплено на уровне Верховного Суда РФ.

Реализация этого предложения позволила бы максимально устранить неопределённость относительно получения заёмщиком денежных средств по договору об открытии кредитной линии для лиц, предоставивших обеспечение.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы

1. Договор об открытии кредитной линии в зависимости от использования и сочетания правовых конструкций рамочного договора, опционного договора и опциона на заключение договора может быть построен по модели юридически обязывающего или юридически необязывающего договора.

2. Отношения заёмщика и банка по договору возобновляемой кредитной линии при погашении транша и выдаче нового не следует рассматривать как прекращение и возникновение кредитных обязательств, влекущее прекращение и возникновение залога или поручительства по каждому траншу.

3. В случае неясности договора об открытии кредитной линии он должен толковаться в пользу его квалификации как юридически обязывающего (по принципу «против предложившего»). Толкование договоров поручительства и залога «по чужим долгам» должно осуществляться в пользу того, что обеспечение установлено по юридически обязывающему договору об открытии кредитной линии. На уровне разъяснений Верховного Суда РФ целесообразно закрепить опровержимую презумпцию такого подхода к толкованию договора об открытии кредитной линии и обеспечительных сделок.

4. Лица, предоставившие обеспечение по кредитным обязательствам, испытывают состояние правовой неопределённости относительно выдачи банком средств заёмщику вследствие использования банком «тяжеловесных» договорных конструкций.

Способом преодоления этой неопределённости может быть признание существенным условием обеспечительной сделки указания на модель договора об открытии кредитной линии (юридически обязывающая она или нет). Путём толкования понятия «существо обязательства», обеспечиваемого залогом и поручительством (п. 1 ст. 339, п. 3 ст. 361 ГК РФ), можно вывести, что данное понятие включает модель кредитной линии. Целесообразно, чтобы такое толкование было закреплено на уровне Верховного Суда РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с изменениями)//СПС «Консультант Плюс»
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (с изменениями)// СПС «Консультант Плюс»
3. Груздев В.В. Рамочные договоры в гражданском праве // Право и экономика. 2019. N 11. С. 63 - 67.
4. Зекель Э. Секундарные права в гражданском праве//Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 204–252

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / от. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос. 2017. 1121 с.

6. Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49-72

7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (с изменениями) // СПС «Консультант плюс»

8. Положение Банка России от 02.10.2017 № 605-П (с изменениями) "О порядке отражения на счетах бухгалтерского учета кредитными организациями операций по размещению денежных средств по кредитным договорам, операций, связанных с осуществлением сделок по приобретению права требования от третьих лиц исполнения обязательств в денежной форме, операций по обязательствам по выданным банковским гарантиям и предоставлению денежных средств" (Зарегистрировано в Минюсте России 11.12.2017 N 49198) // СПС «Консультант Плюс»

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.11.2021 N Ф05-25962/2021 по делу N А40-10507/2021 // СПС «Консультант Плюс»

10. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2024 г. N 05АП-6343/24 по делу N А24-5288/2023 // СПС «Консультант Плюс»

11. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право: учебник. Москва: Проспект, 2020. 776 с. DOI: 10.31085/9785392310067-2020-776 (www.doi.org) // СПС «Консультант Плюс».

12. Савельева, Т. А. Вероятность будущей просрочки возврата кредита как основание для отказа от исполнения кредитного договора: актуальные проблемы применения пункта 1 статьи 821 ГК РФ / Т. А. Савельева // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 3-1. – С. 275-288. – EDN VXQPSJ.

13. Савельева, Т. А. Способы судебной защиты прав заемщика при неисполнении банком обязательства по выдаче кредита (транша) / Т. А. Савельева // Юридическая наука. – 2025. – № 7. – С. 189-196. – EDN LHNWII.

14. Савельева, Т. А. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов при ипотечном кредитовании / Т. А. Савельева // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года. – Казань: Издательство "Познание", 2024. – С. 101-113. – EDN UTRNJT.

Credit facility agreement: possible legal models, the impact of qualifications on the interests of the borrower and the persons who provided the collateral

Savelyeva T.A.

Tomsk State University

The article analyzes the agreement on the opening of a credit line through the prism of the application of various legal structures (framework agreement, option agreement, option to conclude a contract). It is concluded that it is necessary to distinguish between legally binding and legally non-binding models of a credit facility agreement. In case of ambiguity of the terms, the contract should be interpreted in favor of its qualification as legally binding. At the level of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, it is advisable to consolidate the refutable presumption of such an approach to the interpretation of the treaty.

For the individuals who provided the collateral, difficulties in qualifying the model of the credit facility agreement create a state of uncertainty. The proposal is justified that specifying the contract model should be considered as an essential condition of pledge and surety agreements. By interpreting the concept of "the essence of an obligation" secured by a pledge or surety (paragraph 1 of Article 339, paragraph 3 of Article 361 of the Civil Code of the Russian Federation), it can be concluded that this concept includes a lending model.

Keywords: agreement on opening a credit line, credit line, framework agreement, interpretation of the agreement, model of the agreement, refusal to grant a loan, collateral, pledge, guarantee

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended) // SPS "Consultant Plus"
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended) // SPS "Consultant Plus"
3. Gruzdev V.V. Framework Agreements in Civil Law // Law and Economics. 2019. No. 11. pp. 63-67.
4. Zekkel E. Secondary Rights in Civil Law // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 2. pp. 204-252
5. Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.G. Karapetov. M.: M-Logos. 2017. 1121 s.
6. Karapetov A. G. Option to Conclude an Agreement and an Option Agreement in Accordance with the New Edition of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 3. pp. 49-72
7. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ (as amended) // SPS "Consultant Plus"
8. Bank of Russia Regulation of 02.10.2017 N 605-P (as amended) "On the Procedure for Reflecting in Accounts by Credit Institutions Transactions on the Placement of Funds under Loan Agreements, Transactions Related to the Implementation of Transactions to Acquire the Right to Claim from Third Parties the Performance of Obligations in Monetary Form, Transactions on Obligations under Issued Bank Guarantees and the Provision of Funds" (Registered with the Ministry of Justice of Russia) (11.12.2017 No. 49198) // SPS "Consultant Plus"
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 25.11.2021 No. F05-25962/2021 in case No. A40-10507/2021 // SPS "Consultant Plus"
10. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 12 December 2024 No. 05AP-6343/24 in case No. A24-5288/2023 // SPS "Consultant Plus"
11. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private Banking Law: Textbook. Moscow: Prospect, 2020. 776 p. DOI: 10.31085/9785392310067-2020-776 (www.doi.org) // SPS "Consultant Plus".
12. Savelyeva, T. A. The Probability of Future Delay in Loan Repayment as a Ground for Refusal to Perform a Loan Agreement: Current Issues of Applying Clause 1 of Article 821 of the Civil Code of the Russian Federation / T. A. Savelyeva // Issues of Russian and International Law. - 2025. - Vol. 15, No. 3-1. - Pp. 275-288. - EDN VXQPSJ.
13. Savelyeva, T. A. Methods of Judicial Protection of the Borrower's Rights in the Event of a Bank's Default on a Loan (Tranche) / T. A. Savelyeva // Legal Science. - 2025. - No. 7. - Pp. 189-196. EDN LHNWII.
14. Savelyeva, T. A. Using the Potential of Artificial Intelligence and Smart Contracts in Mortgage Lending / T. A. Savelyeva // Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Papers of the III International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 20, 2024. - Kazan: Poznanie Publishing House, 2024. - Pp. 101-113. - EDN UTRNJT.

Электронно-цифровое посредничество как правоотношение с использованием технологий искусственных нейронных сетей

Черфас Роман Александрович
генеральный директор, ООО «ЕТС Интернейшнл».

С развитием информационных технологий (далее – «ИТ») взаимодействие субъектов права происходит в информационном пространстве, а в правоотношениях применяют технологии искусственных нейронных сетей (далее – «искусственный интеллект» или «ИИ»). ИТ, в частности ИИ, используют из-за эффективности, скорости обработки данных, удобства использования, роста доверия, совершенствования мер безопасности и пр. Вместе с тем, несмотря на широкую интеграцию ИИ в общественные отношения, реальное правовое регулирование использования ИИ в правоотношениях отсутствует. Для этого необходимо выстраивать новые парадигмы и развивать правовое понимание в плоскости ИТ. На сегодняшний день существует много концепций по определению правового статуса ИИ, в том числе наделения ИИ статусом субъекта права. Однако ввиду того, что действующее законодательство признает ИИ объектом права, на данном этапе развития права и ИТ, правовое регулирование ИИ необходимо рассматривать исходя из объективной природы этой технологии. В этой связи институт посредничества является одним из перспективных направлений в области регулирования правоотношений с использованием технологий ИИ. Такие правоотношения можно определить как электронно-цифровое посредничество.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронный агент, доверие, посредник, электронно-цифровое посредничество, электронное лицо.

Посредник с англ. *Intermediary* означает «промежуточный».¹⁸ Российское законодательство не содержит определения «посредника». Наиболее распространенной правовой формой посредничества является агентирование (гл. 52 ГК РФ), в которой посредником выступает «агент». Есть и другие правовые конструкции посредничества, как поручение (гл. 49 ГК РФ), действия в чужом интересе без поручения (гл. 50 ГК РФ), комиссия (гл. 51 ГК РФ), но по сравнению с агентированием, перечисленные виды посредничества отличаются кругом полномочий, которыми обладает посредник. Агентирование включает в себя более широкий круг полномочий по сравнению с комиссией или поручением.

В целом «посредничество» в Российском праве – это целая система норм, например, поверенный, комиссионер или агент (ст. 971, ст. 990, ст. 1005);¹⁹ платежный агент (п. 3) ст. 2);²⁰ налоговый агент (п. 1 ст. 24);²¹ страховые агенты (п. 5 ст. 8);²² (5) морской агент (ст. 232);²³ (6) посредник, морской брокер (ст. 240);²⁴ (7) трансфер-агент (п. 1 ст. 8.1.);²⁵ (8) спортивный агент (п. 20.2) ст. 2, ст. 19.3)²⁶; (9) турагент (ст. 1);²⁷ (10) информационный посредник (ст. 1253.1.);²⁸ (11) иностранный агент (п. 1 ст. 1).²⁹

Обобщая значение термина «посредник» в различных нормативно-правовых актах, под «посредником» можно понимать (1) лицо, уполномоченное другим лицом на совершение каких-либо действий в интересах этого лица, либо (2) лицо, неуполномоченное другим лицом на совершение действий, но действующее в интересах этого лица, либо (3) лицо, уполномоченное/обязанное на совершение действий в интересах того или иного лица в силу закона.

¹⁸ Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: ок. 200000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер, Т.Е. Александрова, А.Я. Дворкина, С.П. Романова. – 15-е изд., испр. – М.: Просвещение. 2021. – XII, [II]. 945 с. стр. 411

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁰ О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами: федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ (ред. от 08.08.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²² Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 22.07.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²³ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁴ Там же.

²⁵ О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁶ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.07.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁷ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 22.06.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

²⁹ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Отнесение лица к посреднику осуществляется на основании выполняемой им функции в интересах другого лица и (или) в случае признания посредником (в той или иной форме) в силу закона, так называемое, *юридическое посредничество*. В юридической науке, наряду с юридическим посредничеством, т.е. посредничеством, порождающим возникновение прав, обязанностей и ответственности, отдельно выделяют *фактическое посредничество*, которое не влечет у сторон возникновение прав и обязанностей.

Одним из наиболее близким к ИТ и ИИ видом посредника является «информационный посредник», определение которого содержится в ст. 1253.1 ГК РФ, однако, в первую очередь, данная статья содержит положения об ответственности, и, во-вторую очередь, направлена на определенных лиц, осуществляющих передачу данных и предоставляющих доступ к тем или иным данным. Например, по делу о защите авторских прав в связи с размещением на веб-сайте фотографии «Анапская Бухта», суд указал, что к таким лицам относятся владельцы веб-сайтов, например, при передаче данных - владельцы сайта yandex.ru, mail.ru в части предоставления услуг электронной почты, социальные сети в части передачи сообщений пользователей, а при предоставлении третьим лицам возможности размещения материала на своем сайте - владельцы социальных сетей, блогов, YouTube, другие сайты, наполняемые пользователями.³⁰

В отличие от права, в других научных областях обычно используют термин «агент», а не «посредник». «Агент» в естественных науках – это вещество или взаимодействующий фактор. В экономической теории под агентом понимается какой-либо участник экономических отношений (домохозяйства, компания, государство). В области ИТ используются термины «интеллектуальный агент», «программный агент», «электронный агент», что означает программу для ЭВМ, с помощью которой происходит взаимодействие программных компонентов в системе и (или) пользователя с системой.

Относительно недавно пп. 1) ч. 2 ст. 2 ФЗ № 230-ФЗ и изменениями, внесенными ФЗ № 477-ФЗ³¹, в оборот введено понятие «автоматизированного интеллектуального агента» под которым понимается программное обеспечение, в котором применяются системы генерации и распознавания речи, позволяющие поддерживать определенные кредитором и (или) представителем кредитора сценарии разговоров с должником или третьим лицом в зависимости от содержания диалога. Очевидно, что данное определение больше приближено к технологии ИИ, чем определение «информационный посредник», но,

как и ст. 1253.1. ГК РФ направлено на определенный круг правоотношений.

Из определения ФЗ № 477-ФЗ следует, что законодатель определяет автоматизированного интеллектуального агента как программное обеспечение, как объект права и как агента в области ИТ, т.е. программного агента. Функционирование программного агента является достаточно ограниченным - система генерации (стандартно используемые технологии *Text-to-Voice*, *Text-to-Speech*) и распознавания речи ((стандартно используемые технологии *Speech-to-Text*, *Automatic Speech Recognition*) для поддержания алгоритмизированных сценариев разговора). Автоматизированный интеллектуальный агент, отраженный в ФЗ № 477-ФЗ, относится к категории «слабого» ИИ, который внедрен в бизнес процессы многих организаций и называется «виртуальный помощник» (например, «Салют» от Сбера, «Алиса» от Яндекса, «Олег» от Т-Банка, «Siri» от Apple, «Cortana» от Microsoft и пр.). При этом исследуемая концепция электронно-цифрового посредничества предполагает использование «сильного» ИИ с более широкими функциональными возможностями, которые могут эмулировать действия совершаемые субъектом права, направленные на реализацию субъективных прав (транзакции). Определение автоматизированного интеллектуального агента, закреплённое ФЗ № 477-ФЗ является более широким понятием по сравнению с его содержанием данным законом. Вместе с тем рассмотрение законодателем программы для ЭВМ как интеллектуального агента подтверждает жизнеспособность посреднической природы ИИ; создает определенный вектор и почву для развития научного знания и права в области электронно-цифрового посредничества.

«Агентная» природа технологий ИИ подтверждается положениями некоторых отечественных и зарубежных нормативных документов и научными исследованиями в области права и ИТ, например:

ГОСТ Р 59277-2020 содержит определение «агент», под которым понимается физический/программный объект, оценивающий собственное состояние, состояние других объектов и окружающей среды для выполнения своих действий (п. 3.4).³² ПНСТ 553-2021 определяет «агента» как автоматического субъекта, способного воспринимать среду своего функционирования и предпринимать действия для достижения своих целей.³³ Согласно п. Z Резолюции Европарламента от 16.02.2017г. развитие определенных автономных и когнитивных функций роботов сделало их все более похожими на агентов, которые взаимодействуют со своей средой

³⁰ Решение Киришского городского суда Ленинградской области от 16.06.2023 N 2-484/2023~М-82/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

³¹ О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ (ред. от 04.08.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

³² ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.12.2020г. №1372-ст. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

³³ ПНСТ 553–2021. Искусственный интеллект. Термины и определения: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.11.2021 г. № 46-пнст. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

и способны существенно ее изменять.³⁴ Согласно пп. (6) ст. 2 закона США «Об электронных операциях (сделках) 1999 года (UETA)»³⁵ и п (27) ст. 101 закона США «О компьютерных информационных операциях (сделках) 1999 года (UCITA)»³⁶ под «электронным агентом» понимают компьютерную программу, электронное или иное автоматизированное средство, используемое самостоятельно для инициирования действия или ответа на электронные записи (сообщения) или представления без проверки или действий со стороны отдельного лица.

Австралийский федеральный суд по делу №VID 108 от 2021 № С.Таллер против Уполномоченного по патентам (FCA) указывает, что слово «изобретатель» имеет агентированную основу, т.е. означает агента, который совершает действия, т.е. агентом может быть как человек, так и предмет.³⁷

В соответствии с европейским Законом «О цифровых услугах» (Digital Service Act³⁸) в последнее время происходит экспоненциальный рост использования посреднических услуг, в основном для законных и социально полезных целей всех видов, к которым относятся (i) услуга «простого пропуска» («*mere conduit*»), состоящая в передаче в сети связи информации или в предоставлении доступа к сети связи; (ii) услуга «кэширования» («*caching*»), состоящая в передаче в сети связи информации с автоматическим промежуточным и временным хранением этой информации; (iii) услуга «хостинга» («*hosting*»), состоящая в хранении информации.

Худайназаров С.С. к ИА относит датчик, который функционирует в окружающей среде и, во-первых, имеет способы посредством своих действий изменять состояние этой среды, а во-вторых, имеет возможность воспринимать информацию и обновлять свое состояние.³⁹ Маслובоев А.В. в своем исследовании гибридных архитектур характеризует ИА как самостоятельную интеллектуальную систему, имеющую возможность принимать воздействие от внешнего мира и от себе подобных, определять свою реакцию на это воздействие и осуществлять эту реакцию, а также действующую либо от лица

пользователя, либо от лица системы.⁴⁰ Под интеллектуальностью агентов следует понимать их способность работать с базой внешних событий или ситуаций. Под агентом можно понимать, как человека, у которого есть органы восприятия, так и робота, у которого есть сенсоры и датчики.⁴¹ Агент – это вычислительная система, помещенная во внешнюю среду, способная взаимодействовать с ней, совершая автономные рациональные действия для достижения определенных целей.⁴² Прогнозируется, что технологический прогресс позволит программным агентам работать без прямых инструкций со стороны человека.⁴³ Использование электронных агентов является неизбежным следствием перехода к информационному обществу и адаптации бизнес-процессов к новым требованиям. Технические средства начинают использоваться не только как средство коммуникации между людьми, но и в качестве заменителя человека при принятии решений.⁴⁴ Морхат П.М. сформировал концепцию, которая заключается в возможности проведения полноценных параллелей с человеческими агентами с точки зрения возможности третьей невиновной стороны подавать на агента в суд за нарушение обязательств.⁴⁵ В 2008 году Степанов Т.Е., Корнева С.С. рассматривали институт «интеллектуального посредничества» с точки зрения деятельности, связанной с передачей на определенных условиях прав собственности от одного субъекта к другому на созданные интеллектуальные блага, и отнесли «интеллектуальное посредничество» к одному из виду трансакций.⁴⁶

Учитывая положения Российских нормативных актов, а также зарубежное законодательство, концепции и исследования в области права и ИИ отдельных авторов, а также принимая во внимание большую вероятность создания «сильного» ИИ в ближайшей перспективе, программу для ЭВМ на базе технологий ИИ следует относить к автономному интеллектуальному агенту (далее – «автономный интеллектуальный агент» или «АИА»).

³⁴ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union 18.7.2018. С. 242 [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/13fd56d0-8a65-11e8-ac6a-01aa75ed71a1/language-en>.

³⁵ UNIFORM ELECTRONIC TRANSACTION ACT (1999). [Электронный ресурс]. URL: <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Transactions/ueta.pdf>.

³⁶ UNIFORM COMPUTER INFORMATION TRANSACTIONS ACT (1999). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.step-toe.com/a/web/1468/2359.pdf>.

³⁷ Решение Австралийского федерального суда от 30.07.2021г. по делу № VID 108 от 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>.

³⁸ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>

³⁹ Худайназаров С.С. Агенты в искусственном интеллекте // Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. Том 2. Курск. 2022. Изд. Юго-Западный государственный университет (Курск). С. 534

⁴⁰ Маслובоев А.В. Гибридная архитектура интеллектуального агента с имитационным аппаратом // Вестник МГТУ. Том 12. №1. 2009г. 113-124 с.

⁴¹ Мелихова О.А., Вепринцева О.В., Чумичев В.С., Джамбинов С.В., Гайдуков А.Б. Понятие агента в системах искусственного интеллекта // Технические науки – от теории к практике №12 (48). 2015г. С. 48.

⁴² Климец Ю.В., Липинский Л.В., Свиридова А.С., Антамошкин А.Н. Анализ интеллектуальных агентов: структура, принцип работы, область применения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. №11. С. 454

⁴³ Anthony J. Bellia Jr. Contracting with electronic agents // Emory Law Journal. Vol. 50. 2001. С. 1047. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/101_

⁴⁴ Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴⁵ Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. №2 С. 69

⁴⁶ Степанова Т.Е., Корнева С.С. Интеллектуальное посредничество // Креативная экономика. 2008. №2. С. 67. Стр. 66 - 73

С позиции права АИА не является лицом, вместе с тем есть концепции рассмотрения системы ИИ в качестве лица (электронного, киберфизического, юридического), например, Морхат П.М.⁴⁷, Лаптев В.А.⁴⁸, Гришин Д.⁴⁹, Резолюция Европарламента по робототехнике от 16.02.2017г.⁵⁰ и т.д. Как правильно отмечает Михайлова Л.А., электронный агент представляет собой программу, а не лицо, которое действует от имени и за счет принципала. Фактически теперь нивелируется понимание агента как субъекта, обладающего определенными волевыми признаками.⁵¹

Правоотношения электронно-цифрового посредничества необходимо рассматривать с уклоном в сторону посреднических (агентских) отношений ввиду того, что (1) АИА, как программа для ЭВМ, имеет агентно-технологическую природу; (2) агентирование, в разрезе правопонимания, предполагает широкий спектр полномочий, который может совершать как юридические, так и иные или фактические действия (далее - «транзакции»). При совершении таких транзакций, ИИ, как программа для ЭВМ, может выступать как «программным агентом», при взаимодействии с другими программами, так и АИА субъекта при взаимодействии с внешней средой, т.е. с точки зрения права быть *юридическим посредником* (уполномоченным АИА на совершение в интересах субъекта права каких-либо действий (совершения транзакций), которые влекут возникновение прав, обязанностей и ответственности) либо *фактическим посредником* (неуполномоченным АИА, который совершает транзакции в интересах субъекта, которые не влекут юридических последствий). В свою очередь, внешняя среда может выступать в качестве объекта, т.е. тем, на что направлены действия АИА (материальное или нематериальное благо), а также в качестве субъекта, когда внешняя среда является физическим/юридическим лицом или публичным образованием. В совокупности транзакции АИА в интересах другого лица направленные на объект и взаимодействие с другими субъектами, посредством прикладного программного обеспечения образуют правоотношения электронно-цифрового посредничества или, если рассматривать такие правоотношения в разрезе ИТ - электронно-цифрового посредничества (далее - «электронно-цифровое посредничество» или «ЭЦП»). Нужно отметить, что правоотношения ЭЦП необходимо рассматривать как особый вид правоотношений, которое всегда будет связано с использованием высокоинтеллектуальной технологической системы, поскольку транзакции АИА соверша-

ются, в первую очередь, в виртуальной и (или) киберфизической среде, и, во-вторую очередь, во внешней среде. При этом контакт с внешней средой достигается за счет одобрения субъектом на совершение АИА транзакций в виртуальном и (или) киберфизическом пространстве, направленных на реализацию субъективных прав. Транзакции АИА являются «цифровой версией», «цифровым аналогом» или «цифровой тенью» действий субъекта права. Таким образом, процесс эмулирования поведения субъекта права, т.е. условный переход набора определенных законом возможностей (субъективных прав) и определенного законом поведения (юридической обязанности) с целью совершения АИА алгоритмизированных транзакций в интересах субъекта права, направленных на возникновение, изменение и (или) прекращения прав и обязанностей во внешней, виртуальной и (или) киберфизической среде создает цифровую тень правосубъектности (далее - «виртуальная правосубъектность»). При этом, обязательным условием реализации «виртуальной правосубъектности» выступает способность совершения АИА технологических транзакций, что должно включать (1) алгоритмизированное моделирование приобретения и осуществления гражданских прав в интересах субъектов права, (2) обязательное фиксирование регистров транзакций (логов), журналов событий, системные ошибки (сбои), и (3) возможность применения мер юридической ответственности к субъектам за транзакции совершенные АИА повлекшие те или иные юридические последствия (далее - «транзактоспособность»).

«Виртуальная правоспособность» и «транзактоспособность» АИА в совокупности определяют способность АИА (с помощью прикладного программного обеспечения и специальных методов принятия решений) реализовывать через программу для ЭВМ субъективное право субъекта во внешней, виртуальной и киберфизической средах, что образует часть правосубъектности, которая условно переходит на АИА, который, при этом, не может быть субъектом права (носителем прав и обязанностей), таким образом, создавая цифровую версию части правосубъектности (далее - «виртуальная правосубъектность»).

В качестве примера трансфера прав можно привести положения ст. 184 ГК РФ (коммерческое представительство), когда коммерческий представитель наделяется определенным объемом прав и обязанностей, при этом даже не имея письменной доверенности, а также ст. 185 ГК РФ (общие положения

⁴⁷ Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного университета. Серия юриспруденция. - 2018. - №2.

⁴⁸ Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 97.

⁴⁹ О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники: проект федерального закона [Электронный ресурс]. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitry-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov>

⁵⁰ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union 18.7.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/13fd56d0-8a65-11e8-ac6a-01aa75ed71a1/lan-ua-ua-en>.

⁵¹ Михайлова Л.А. О проблеме квалификации электронного агента в трансграничных агентских отношениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №10 (62). С. 188

о доверенности), когда на основании удостоверенной письменной доверенности происходит трансфер части правосубъектности от одного лица на другое лицо. В случае с АИА часть правосубъектности лица, может условно переходить на АИА в цифровом пространстве для выполненной определённых транзакций, при этом такие полномочия, например, могут быть переданы по цифровой версии доверенности или сертификата, которые субъект может подписать с помощью электронно-цифровой подписи или иным цифровым способом авторизации либо переходить в силу закона без оформления цифровой доверенности (сертификата).

Итак, в широком смысле под «агентом» можно понимать как субъекта права, так и цифровую сущность - АИА, которая выполняет определенные транзакции для достижения какого-либо результата в интересах того или иного субъекта права. Поскольку АИА, как отдельная программа для ЭВМ, не может, с точки зрения существующего правового понимания, выступать «лицом», то АИА следует рассматривать с позиции мультиагентности, и включать в себя объективную и субъективную составляющие,

ЭЦП, как правоотношение, должно быть всегда детерминированным, т.е. исход которого заранее известен, понятен и алгоритмизирован. В зависимости от используемых технологий и методов, ЭЦП зависит от активности или реактивности такой системы. Непредсказуемость процесса и результата несет в себе высокий риск и может означать использование ИИ как «черного ящика», использование в противоправных целях, пробелы в законодательстве, появление машинного сознания, которое способно обходить закон и др. факторы. Развитие технологий ИИ предполагает существование систем ИИ, которые смогут самостоятельно обучаться, принимать автономные решения и даже обладать своеобразной формой разумности или самосознанием. В случае если АИА выйдет за рамки «виртуальной правоспособности», тогда ЭЦП будет носить стохастический характер (исход которого может быть случайным). Такие случайные исходы должны иметь место в исключительных случаях и должны быть максимально урегулированы и «лимитированы» законом.

Посредническая природа ЭЦП заключается в своеобразной генерации и виртуального трансфера определенного объема прав, обязанностей и ответственности, которые необходимы субъектам для удовлетворения своих потребностей или достижения тех или иных законных целей, а АИА для совершения всех необходимых транзакций в интересах таких субъектов.

Для дальнейшего развития права в плоскости посреднического подхода в правоотношениях с использованием технологий ИИ необходимо исходить из корректировки основных начал частного права на коэффициент влияния цифровых технологий, новой экономической объективности и новых методов правового регулирования. Отталкиваясь от особой природы правоотношений ЭЦП можно сформулировать следующие принципы ЭЦП, на которых должна выстраиваться система

правовых норм: *доверие* (прозрачность, действие по заданию и в интересах субъекта права); *автономность* (совокупность автономий АИА и субъекта права); *адаптивность* (взаимодействие с внешней средой и получение данных из внешних источников; устойчивость к изменениям; принятие решений исходя из ситуации в режиме реального времени); *рациональность* (последовательность и эффективность при принятии решений); *детерминированность* (предсказуемость транзакций и результата);

Развитие права в области ЭЦП может идти в нескольких направлениях: **1) ЭЦП как многостороннее посредническое правоотношение**, которое регулируется нормами нового вида посреднического договора, сторонами в котором будут выступать, например, «доверитель» и «автономный интеллектуальный агент».

При взаимодействии «человек – машина» возмездный характер такого взаимоотношения не предполагается, как, например, возмездность агентирования или комиссии. Такое взаимодействие схоже с действиями поверенного, где человек выступает в роли доверителя. При этом, если мы говорим об использовании ИИ как цифрового сервиса, пользование может быть как возмездным, так и безвозмездным.

В юридической науке есть сомнения относительно возможности договора в силу отсутствия согласия сторон, что является его основным признаком (волеизъявление сторон). Однако сам факт использования АИА уже является выражением воли, т.е. имеется, как минимум, выражение воли одной стороны. Таким образом ко второму направлению в правовом регулировании ЭЦП будет относиться **2) ЭЦП как односторонняя сделка** (п. 2 ст. 154 ГК РФ).

Агентские отношения могут также возникать в силу обязанности, продиктованной в законе, т.е. не всегда агентские отношения – это односторонняя или двухсторонняя сделка, например обязанности налогового агента (ст. 24 НК РФ) или платежного агента (Федеральный закон № 103-ФЗ) возникают в силу закона. В связи с этим, третьим направлением развития права в области ЭЦП является **3) ЭЦП как специальный правовой режим**, который определяется отдельным нормативным актом или положением. Нужно отметить, что отношения возникающие, например, в виртуальном мире, могут возникать исключительно при использовании программного обеспечения. Это означает, что правовой статус АИА необходимо обеспечивать принудительной силой закона. Так, условиях неопределенности можно использовать специальный правовой режим, например, как Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ, с целью контроля объекта правового регулирования и создания благоприятных условий развития правоотношений в новых областях.

Учитывая положения ст. 1253.1. ГК РФ, а также принимая во внимание зарубежное законодательство (например, Digital Service act⁵²) одним из направлений, с помощью которого может быть урегулировано применение ИИ в правоотношениях, является **4) ЭЦП как сервис или как цифровая услуга**, которая будет включать в себя комплекс услуг, в первую очередь, технологических. В этом случае АИА будет применяться как средство оказания цифровых услуг, в частности между активными пользователями и информационными посредниками. Возможно в настоящее время это одна из самых понятных правовых конструкций, однако, для ее применения необходимо расширить понятие и содержание термина «информационный посредник», дополнив его положениями об АИА как атомной системе или комплексе цифровых услуг, а также расширить положения гл. 39 ГК РФ.

Несмотря на многообразие вероятностей определения правового статуса технологий ИИ в гражданских правоотношениях, АИА и ЭЦП можно определить следующим образом:

- **автономный интеллектуальный агент (АИА)** означает автономную информационно-компьютерную систему на базе технологий ИИ, взаимодействующую с внешней средой посредством совершения технологических транзакций в интересах субъекта в рамках закрепленных полномочий;

- **электронно-цифровое посредничество (ЭЦП)** означает правоотношение, осуществляемое с использованием автономных интеллектуальных агентов, которые, в режиме реального времени, взаимодействуют с виртуальной, киберфизической и внешней средой в интересах носителей субъективных прав и обязанностей (субъектов права). В электронно-цифровом посредничестве одна сторона (автономный интеллектуальный агент) совершает транзакции (юридические или фактические) в интересах другой стороны (доверителя).

При дальнейшем развитии частного права в области правоотношений с использованием технологий ИИ есть основания придерживаться именно посреднического подхода и комплексной многоуровневой правосубъектности, при этом, сохраняя статус ИИ, как технологии и (или) объекта права, т.е. программного агента. Развивая право и регулирование области правоотношений с использованием технологий ИИ не следует рассматривать такие правоотношения как полную замену традиционным правоотношениям, но стоит использовать ЭЦП как дополнительную возможность расширения границ и способов реализации субъективных прав. При этом в условиях развития ИТ, в первую очередь, необходимо дополнять и корректировать подходы к основным началам частного права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 №

14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами: федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ (ред. от 08.08.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 22.07.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.09.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.07.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

9. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 22.06.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ (ред. от 04.08.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

12. ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного

⁵² Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act)

[Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>

URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>

интеллекта: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.12.2020г. №1372-ст. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

13.ПНСТ 553–2021. Искусственный интеллект. Термины и определения: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.11.2021 г. № 46-пнст. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

14.European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union 18.7.2018. С. 239-252 [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/13fd56d0-8a65-11e8-ac6a-01aa75ed71a1/language-en>.

15.UNIFORM ELECTRONIC TRANSACTION ACT (1999). [Электронный ресурс]. URL: <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Transactions/ueta.pdf>.

16.UNIFORM COMPUTER INFORMATION TRANSACTIONS ACT (1999). [Электронный ресурс]. URL <https://www.steptoe.com/a/web/1468/2359.pdf>.

17.Решение Австралийского федерального суда от 30.07.2021г. по делу № VID 108 от 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>.

18.Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>

19.Климец Ю.В., Липинский Л.В., Свиридова А.С., Антамошкин А.Н. Анализ интеллектуальных агентов: структура, принцип работы, область применения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. №11. С. 454–455

20.Лаптев, В.А. понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. - № 2. - 2019. - С. 79–102.

21.Маслобоев А.В. Гибридная архитектура интеллектуального агента с имитационным аппаратом // Вестник МГТУ. Том 12. №1. 2009г. С. 113–124

22.Мелихова О.А., Вепринцева О.В., Чумичев В.С., Джамбинов С.В., Гайдуков А.Б. Понятие агента в системах искусственного интеллекта // Технические науки – от теории к практике №12 (48). 2015г. С. 44–51

23.Михайлова Л.А. О проблеме квалификации электронного агента в трансграничных агентских отношениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №10 (62). С. 187–191.

24.Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. №2 С. 61–73

25.Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: ок. 200000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер, Т.Е. Александрова, А.Я. Дворкина, С.П. Романова. – 15-е изд., испр. – М. Просвещение. 2021. – XII, [II]. 945 с.

26.О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники: проект федерального закона [Электронный ресурс]. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov>

27.Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

28.Худайназаров С.С. Агенты в искусственном интеллекте // Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. Том 2. Курск. 2022. Изд. Юго-Западный государственный университет (Курск). С. 531–535

29.Anthony J. Bellia Jr. Contracting with electronic agents // Emory Law Journal. Vol. 50. 2001. P. 1047-1092 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/101.

E-digital intermediary as legal relations utilizing artificial neural network technologies

Cherfas R.A.

General Director, ETS International LLC

The development of information technology (hereinafter referred as a "IT") is driving subjects to increasingly interact in data space and to engage in legal relations using artificial neural network technologies (hereafter referred to as "artificial intelligence" or "AI"). Usage of AI and IT in total in legal relations increase due to efficiency, speed of data processing, convenience of use, growth of trust, improvement of security measures, etc. But there is currently no legal and real regulation of the use of AI in legal relations. To ensure appropriate legal regulation, it is necessary to develop new paradigms and legal concepts in the context of IT. Today, there are many concepts for determining the legal status of AI, including the status of AI as a legal entity. However, due to current laws consider AI as an object, the legal regulation of AI should be considered based on the objective nature of technologies at the current level of legal and IT development. In this regard, one of the perspective lines in the scope of regulation of legal relations with the use of AI technologies is the intermediary-based approach. These legal relations can be defined as *electronic digital intermediary*.

Keywords: artificial intelligence, electronic agent, trust, intermediary, electronic digital intermediary, electronic identity.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on September 12, 2023). [Electronic resource]. Accessed from the Consultant Plus legal reference system.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on January 30, 2024). [Electronic resource]. Accessed from the Consultant Plus legal reference system.
3. Tax Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) (as amended, effective September 8, 2024). [Electronic resource]. Access from the Consultant Plus legal reference system.
4. Merchant Shipping Code of the Russian Federation: Federal Law of April 30, 1999 No. 81-FZ (as amended on June 22, 2024) (as amended, effective September 1, 2024). [Electronic resource]. Access from the Consultant Plus legal reference system.
5. On the activity of accepting payments from individuals, carried out by payment agents: Federal Law of 03.06.2009 No. 103-FZ (as amended on 08.08.2024). [Electronic resource]. Access from the legal reference system "Consultant Plus".
6. On the organization of insurance business in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 27.11.1992 No. 4015-1 (as amended on 22.07.2024). [Electronic resource]. Access from the legal reference system "Consultant Plus".
7. On the securities market: Federal Law of 22.04.1996 No. 39-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on

- 20.09.2024). [Electronic resource]. Access from the Consultant Plus legal reference system.
8. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law of December 4, 2007, No. 329-FZ (as amended on July 24, 2024). [Electronic resource]. Access from the Consultant Plus legal reference system.
 9. On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1996, No. 132-FZ (as amended on June 22, 2024). [Electronic resource]. Access from the Consultant Plus legal reference system.
 10. On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence: Federal Law of 14.07.2022 No. 255-FZ (as amended on 15.05.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2024). [Electronic resource]. Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
 11. On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Individuals in the Collection of Overdue Debt and Amendments to the Federal Law "On Microfinance Activities and Microfinance Organizations": Federal Law of 03.07.2016 No. 230-FZ (as amended on 04.08.2023). [Electronic resource]. Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
 12. GOST R 59277–2020. Artificial Intelligence Systems. Classification of Artificial Intelligence Systems: Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 23.12.2020 No. 1372-st. [Electronic resource]. Accessed from the legal reference system "Consultant Plus".
 13. PNST 553–2021. Artificial Intelligence. Terms and Definitions: Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 26.11.2021 No. 46-pnst. [Electronic resource]. Accessed from the legal reference system "Consultant Plus".
 14. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union 18.7.2018. pp. 239–252 [Electronic resource]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/13fd56d0-8a65-11e8-ac6a-01aa75ed71a1/language-en>.
 15. UNIFORM ELECTRONIC TRANSACTION ACT (1999). [Electronic resource]. URL: <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Transactions/ueta.pdf>.
 16. UNIFORM COMPUTER INFORMATION TRANSACTIONS ACT (1999). [Electronic resource]. URL <https://www.steptoe.com/a/web/1468/2359.pdf>.
 17. Decision of the Australian Federal Court dated 30.07.2021 in case No. VID 108 of 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>.
 18. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>
 19. Klimets Yu.V., Lipinsky L.V., Sviridova A.S., Antamoshkin A.N. Analysis of intelligent agents: structure, operating principle, scope of application // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2015. No. 11. P. 454–455
 20. Laptev, V.A. The concept of artificial intelligence and legal liability for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. - No. 2. - 2019. - P. 79–102.
 21. Masloboev A.V. Hybrid architecture of an intelligent agent with a simulation apparatus // Bulletin of Moscow State Technical University. Vol. 12. No. 1. 2009. P. 113–124
 22. Melikhova O.A., Veprintseva O.V., Chumichev V.S., Dzhambinov S.V., Gaidukov A.B. The concept of an agent in artificial intelligence systems // Technical sciences – from theory to practice No. 12 (48). 2015. P. 44–51
 23. Mikhailova L.A. On the problem of qualification of an electronic agent in cross-border agency relations // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. No. 10 (62). Pp. 187–191.
 24. Morhat P.M. Artificial Intelligence Unit as an Electronic Face // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2018. No. 2 Pp. 61–73
 25. Müller V.K. New English-Russian Dictionary: approx. 200,000 words and phrases / V.K. Müller, T.E. Aleksandrova, A.Ya. Dvorkina, S.P. Romanova. – 15th ed., corrected. – M. Prosveshchenie. 2021. – XII, [II]. 945 p.
 26. On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in Terms of Improving the Legal Regulation of Relations in the Field of Robotics: Draft Federal Law [Electronic resource]. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov>
 27. Saveliev A.I. Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation: 2nd ed. Moscow: Statut, 2016. 640 p. [Electronic resource]. Accessed from the reference and legal system "Consultant Plus".
 28. Khudainazarov S.S. Agents in Artificial Intelligence // Collection of Scientific Articles of the 3rd All-Russian Youth Scientific Conference. Volume 2. Kursk. 2022. Publ. South-West State University (Kursk). P. 531–535
 29. Anthony J. Bellia Jr. Contracting with Electronic Agents // Emory Law Journal. Vol. 50. 2001. P. 1047–1092 [Electronic resource]. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/101.

Использование государственных программных средств сбора, обработки и накопления информации в ходе осуществления процессуального руководства и контроля

Елётнов Виталий Игоревич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления органами предварительного следствия учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь»,
v.eletnov@mail.ru

В статье анализируется состояние использования государственных программных средств сбора, обработки и накопления информации при осуществлении процессуального руководства и контроля, приводится классификация указанных программных средств. Обозначаются конкретные внешние государственные программные средства и собственные программные средства СК, необходимые для осуществления процессуального руководства и контроля, описывается их функционал. Приводятся примеры конкретных практических задач, решаемых с использованием государственных программных средств, задействованных в рамках процессуального руководства и контроля. Формулируются существующие проблемные аспекты использования государственных программных средств в сфере процессуального руководства и контроля, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: автоматизированная база данных, автоматизированная информационная система, автоматизированное рабочее место, база данных, информационная система, программное средство, процессуальный контроль, процессуальное руководство, следственные учеты.

В настоящее время важнейшее значение в ходе осуществления процессуального руководства и контроля имеют общие и специализированные программные средства получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения, предоставления информации (далее – программные средства сбора, обработки и накопления информации), представляющие разнообразные массивы данных в форме информационных систем (далее – ИС), автоматизированных информационных систем (далее – АИС), баз и банков данных (далее – БД), автоматизированных баз данных (далее – АБД), внешних и внутренних сайтов и т.п. Учитывая специфику процессуального руководства и контроля, при их осуществлении используются преимущественно программные средства, разработанные для нужд государственных органов. С развитием электронной инфраструктуры количество таких программных средств неуклонно растет (только в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) их насчитывается более 50) [1, с. 40], при этом функционал части из них дублирует друг друга, а некоторые возможности либо являются невостребованными, либо доступны только для отдельных государственных органов. В связи с изложенным имеется явная потребность в систематизации государственных программных средств, используемых в рамках осуществления процессуального руководства и контроля, выявлении возможных направлений их совершенствования.

По указанному научному направлению имеется ряд научных исследований под авторством В. Ю. Варавко, П. П. Зарецкого, В. Н. Исаенко, П. П. Ищенко, Ю. Ф. Каменецкого, Л. И. Лавдаренко, Н. С. Поляк, В. В. Шалухина и др. [2; 3; 4; 4; 6; 7]. Вместе с тем в них использование государственных программных средств изучается в контексте общей тенденции цифровизации уголовного процесса и преимущественно к организационным особенностям осуществления процессуального руководства и контроля, без систематизации данных средств применительно к конкретным задачам процессуального руководства и контроля.

Современные государственные программные средства, как правило, представляют собой многофункциональные электронные комплексы, сочетающие широкий спектр инструментов, направленных на решение разнообразных задач. На основании этого нами предлагается классифицировать используемые в рамках процессуального руководства и контроля государственные программные средства сбора, обработки и накопления информации исходя из совокупности критериев, объединяющих этапы

работы с ней, форму ее организации и конкретное назначение, в связи с чем полагаем целесообразным дифференцировать данные средства на внешние и разработанные Следственным комитетом Республики Беларусь (далее – СК).

Рассмотрим их более детально.

Внешние программные средства сбора, обработки и накопления информации можно представить в виде совокупности программных средств МВД и программных средств иных правоохранительных и государственных органов.

1. К программным средствам МВД относятся⁵³:

1.1. Единый государственный банк данных о правонарушениях (далее – ЕГБДП), который включает: автоматизированную систему ЕГБДП, используемую в целях формирования ЕГБДП; поисковую систему ЕГБДП, используемую в целях формирования ЕГБДП и ведения уголовного процесса; ИС «Оперативные сведения ЕГБДП», применяемую в целях получения необходимой информации, сведений о регистрации и предварительном расследовании преступлений, регистрации административных правонарушений, результатах рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, сведений о контроле внесенной информации в ЕГБДП.

В рамках реализации процессуального руководства и контроля руководитель следственного подразделения использует ЕГБДП для обеспечения своевременности и полноты учета правонарушений, предотвращения утраты и необоснованного изменения сведений о них, а также при составлении ведомственной статистической отчетности, осуществлении проверки статистических карточек и контроле за их своевременным выставлением. Использование указанного банка данных также позволяет упреждать (выявлять) факты фальсификации регистрационных документов о преступлениях и результатах их расследования, принятых по уголовным делам решениях.

Существенным преимуществом ЕГБДП является возможность построения выборок принятых решений определенного или нескольких видов по заданному подразделению (или группе подразделений) с экспортом их в Word и Excel. Путем построения подобных выборок, в частности, можно получить сведения о: перечне уголовных дел, по которым приняты определенные решения и органов, принявших эти решения; квалификации уголовных дел; сроках расследования; суммах ущерба по оконченным уголовным делам, их возмещении и наложении ареста на имущества; применении к лицам задержания, мер пресечения и т.п. Данный инструментарий особенно актуален для решения вопроса о соединении материалов проверок и уголовных дел в одном производстве, выявлении тенденций роста какого-либо вида преступлений и своевременного принятия мер реагирования, доведения этой информации до вышестоящих руководителей.

1.2. Подсистема «Единая книга» автоматизированной информационной системы «Оперативно-дежурная служба», которая используется в целях своевременного реагирования на поступающие заявления (сообщения) о преступлениях, организации выбытия по ним СОГ, контроля за сроками принятия решения по материалам проверок и уголовным делам с учетом даты первичной регистрации заявлений (сообщений) в ОВД, приостановления и возобновления проверок передачи и возврата материалов.

1.3. ИС «Розыскные учеты». Данная система используется в целях осуществления процессуального контроля за решениями следователей СК, принимаемыми для установления местонахождения обвиняемого, розыска скрывшегося обвиняемого или обнаружения безвестно исчезнувшего лица (п. 2 ч. 2 ст. 247 и ст. 248 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). Посредством указанной системы руководитель осуществляет сверку по уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено, контролирует своевременность заведения розыскных дел и т.п.

1.4. Банк данных криминальной информации, включающий сведения об: утраченном оружии; номерных вещах; культурных ценностях; зарегистрированном оружии. Указанный банк данных позволяет руководителю следственного подразделения проверять полноту и своевременность внесения следователем сведений о номерных предметах (имеющем индивидуальные номера утраченном, похищенном, добровольно сданном либо изъятом оружии и частях к нему; номерных похищенных вещах; похищенных культурных ценностях), а также о наличии зарегистрированного оружия по находящимся в производстве СК уголовным делам, материалам проверок, давать дополнительные указания, например, об их изъятии с последующим наложением ареста на имущество.

1.5. АИС «Государственная автомобильная инспекция МВД». Данная система содержит информацию, собираемую в ходе служебной деятельности подразделениями ГАИ МВД Республики Беларусь. С помощью указанной АИС можно получить данные о (об): выданных водительских удостоверениях; утраченных (похищенных) водительских удостоверениях и свидетельствах о регистрации транспортных средств; лицах, лишенных права управления транспортными средствами; зарегистрированных транспортных средствах; привлечении лица к административной ответственности по линии ГАИ; разыскиваемых транспортных средствах (данный раздел интегрирован с отдельной системой розыска автотранспорта АИС «Розыск АМТ»); дорожно-транспортных происшествиях и др.

Спектр использования данной системы в ходе процессуального руководства и контроля достаточно широк и зависит от конкретной задачи: для

⁵³ Порядок предоставления и прекращения сотрудникам и гражданскому персоналу СК удаленного доступа к отдельным информационным ресурсам (системам) единой цифровой платформы

МВД, владельцем которых оно является, регламентирован одной именной Инструкцией, утвержденной Приказом Председателя СК от 19 августа 2024 г. № 156.

обеспечения, например, возмещения ущерба устанавливается наличие зарегистрированного автотранспорта подозреваемого (обвиняемого); при контроле по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 317-1, 317-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь – принадлежность транспортного средства, наличие водительских удостоверений и т.п.

1.6. АИС «Гражданство и миграция» и ГИС «Регистр населения». Данные системы содержат основную персональную информацию о лицах. При этом ГИС «Регистр населения» отличается от АИС «Гражданство и миграция» более широким перечнем сведений, включающим помимо основных персональных данных, информацию о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания, о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным, а также ряд дополнительной фактов (данные о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке, высшем образовании, ученой степени, ученом звании, роде занятий, пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе, налоговых обязательствах, исполнении воинской обязанности, инвалидности, наличии исполнительного производства на исполнении в органах принудительного исполнения) и др.

Указанные системы используются руководителем для проверки правильности отражения следователем анкетных данных об участниках процесса в материалах проверок и уголовных дел. Более того, исполняя алгоритм проверки постановления о привлечении в качестве обвиняемого, руководитель следственного подразделения должен убедиться в правильности соответствующих анкетных данных, проверить точность указания адресов и иных сведений, упреждая тем самым возможные негативные последствия.

2. К программным средствам иных правоохранительных и государственных органов относятся:

2.1. АС «Пассажиропоток». Данная система подерживается ГПК Республики Беларусь и содержит информацию о пересечениях государственной границы физическими лицами и транспортными средствами.

2.2. Государственный реестр плательщиков (иных обязанных лиц); Расчет налогов (Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь).

2.3. Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (Министерство юстиции Республики Беларусь);

2.4. Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (Национальное кадастровое агентство);

2.5. Сведения по делам об экономической несостоятельности (банкротству); Сведения о рассмотрении заявлений в порядке приказного производства (Верховный суд Республики Беларусь);

2.6. Торговый реестр Республики Беларусь (Национальный центр электронных услуг);

2.7. БД по учету и движению безработных; БД социальных выплат (Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь);

2.8. Услуги по регистрации доменных имен (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) и др.

Вышеперечисленные программные средства в ходе осуществления процессуального руководства и контроля используются руководителем следственного подразделения для проверки полноты сбора следователем вышеперечисленных сведений (пересечение Государственной границы, наличие зарегистрированных юридических лиц (в том числе ранее зарегистрированных), наличие в собственности зарегистрированного недвижимого имущества и др.) по материалам проверок и уголовных дел.

Стоит подчеркнуть, что все вышеуказанные программные средства могут быть использованы как следователем, так и лицом, осуществляющим процессуальное руководство и контроль. Ключевое отличие в их предназначении для первых и вторых состоит в том, что руководители следственных подразделений помимо прочего используют данные программные средства в целях реализации управленческих функций, проверки своевременности, качества, полноты и достоверности сбора следователем информации и подготовки на основании этого соответствующих указаний.

Ряд из названных государственных ресурсов в настоящее время частично интегрирован в Единую автоматизированную информационную систему СК (далее – ЕАИС СК), где они в рамках подсистемы «поиск по государственному информационным ресурсам» путем «непрямого доступа» (посредством специальных электронных запросов) предоставляют информацию для решения задач процессуального руководства и контроля (форма предоставляемой информации соответствует запросу и не взаимосвязана с оригинальной (базовой) структурой системы).

Отметим, однако, что в части, касающейся пользования отдельными программными средствами, в настоящее время имеется ряд проблемных аспектов, которые с учетом задач, изложенных в Директиве Президента Республики Беларусь от 02.04.2025 № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины» требует соответствующей проработки и разрешения. В этой связи предлагается:

решить вопрос о расширении доступа сотрудникам к функционирующим БД и ИС, информация из которых используется в повседневной служебной деятельности (в том числе к постановленным судами приговорам, хранящимся в АС ЕГБДП, к банку данных судебных решений и др.);

организовать доработку подсистемы «Оперативные сведения» ЕГБДП для нужд сотрудников СК в части предоставления возможности получения данных обо всех принятых решениях за отчетный период из информации, помещаемой в банк данных по уголовным делам и материалам проверок (в настоящее время имеется возможность получить

только последние процессуальные решения по учитываемым МВД преступлениям).

3. Основной системой СК, обеспечивающей информационное сопровождение деятельности следственных подразделения является ЕАИС СК. Остановимся на тех ее подсистемах, которые представляют интерес с точки зрения осуществления процессуального руководства и контроля. К таковым, в частности, относятся: подсистема автоматизации следственной работы, включающая автоматизированное рабочее место (далее – АРМ) «Начальник следственного подразделения» и «Процессуальный контроль» (наряду с АРМ «Следователь» и «Участник процесса»); подсистема аналитической отчетности; подсистема нормативных правовых актов и методических рекомендаций (далее – подсистема «НПАиМР»); подсистема автоматизации кадровой работы; подсистема автоматизации управления режимно-секретной деятельности и делопроизводства [8].

Доступ к уголовным делам и материалам проверок осуществляется посредством соответствующих статусу пользователя (следователь, руководитель следственного подразделения, сотрудник процессуального контроля, участник уголовного процесса и т.д.) АРМ подсистемы автоматизации следственной работы. Например, следователь имеет доступ только к уголовным делам, находящимся у него в производстве, а руководитель – к делам, находящимся в производстве подчиненных следователей.

АРМ «Начальник следственного подразделения» имеет такой же функционал, как и АРМ «Следователь» т.е. предусматривает работу по уголовным делам, материалам проверок, поручениям и запросам обращениям граждан, включая автоматическое информирование по всем производствам подчиненных, к которому относятся: автотревоги; автопредупреждения; авторекомендации; указания (требования, адресованные следователю с конкретными сроками исполнения и доклада); планы; запросы; напоминания; пометки.

Помимо изложенного данное АРМ предусматривает ряд специальных средств, необходимых для осуществления процессуального руководства и контроля: функцию создания следственной группы и определения ее руководителя; возможность дачи следователю указаний по конкретному производству, снятие указаний либо перенос их сроков (с момента дачи указаний они визуализируются в виде информаторов в АРМ соответствующего следователя, а также распределяются по датам в его календарном плане); возможность установления запрета на перенос и отмену исполнения планов следователями.

АРМ «Процессуальный контроль» также в полном объеме включает функционал АРМ «Следователь». Данное АРМ позволяет: поручать осуществление процессуального контроля по материалу проверки или уголовному делу, отслеживать его ход; осуществлять учет и ведение контрольных производств; вести учет уголовных дел и материалов проверок, изученных в ходе осуществления процессу-

ального контроля; вести учет уголовных дел и материалов проверок, находящихся на изучении; изучать материалы контрольных производств; вести учет постановлений начальников следственных подразделений, прокуроров об отмене необоснованных и незаконных процессуальных решений; вести учет поступивших ходатайств о продлении процессуальных сроков; вести учет служебных проверок и их результатов; создавать на основе шаблонов заключения служебных проверок, объяснения, запросы, характеристики на сотрудников; создавать описи и обложки служебной проверки; вести учет сведений о результатах проверок служебной деятельности; вести учет личных выбытий на места происшествия, данных указаниях, выявленных нарушениях и др. [8].

Структура АРМ «Процессуальный контроль» (как и АРМ «Следователь», «Начальник следственного подразделения») включает в себя следственные учеты (учет преступлений; учет уголовных дел; учет принятых на хранение в помещение для хранения расследованных уголовных дел и выданных уголовных дел; учет материалов об отказе в возбуждении уголовного дела; учет уголовных дел и материалов проверок, состоящих на контроле; учет материалов проверок и уголовных дел, по которым продлены процессуальные сроки; учет просьб (поручений) об оказании правовой помощи, направленных в иностранные государства, либо поступивших для исполнения; учет обращений граждан; учет профилактической работы), что позволяет вести статистическую отчетность о результатах деятельности следственного подразделения, систематизировать информацию об уголовном деле и материалах проверок и на их основе принимать управленческие решения при организации процессуального руководства и контроля [8].

Отдельно следует остановиться на подсистеме аналитической отчетности, которая позволяет сводить и обрабатывать информацию со всех подсистем ЕАИС и формирует в соответствии с запросом пользователя отчеты об оперативности и качестве доследственной проверки и предварительного следствия. Таким образом формируется объективная информация о состоянии служебной деятельности для подготовки управленческих решений, оценки эффективности их исполнения, а также работы ведомства в целом и следственных подразделений по отдельным направлениям деятельности.

Существенное значение в обеспечении организации процессуального руководства и контроля имеют подсистема «НПАиМР», которая предназначена для создания, поддержания и предоставления пользователю ЕАИС доступа к нормативной и справочной информации (юридической литературе), унифицированным формам бланков следственных действий и процессуальных решений; подсистема «Кадры», содержащая в электронном виде данные о сотрудниках, а также подсистема автоматизации управления режимно-секретной деятельности и делопроизводства, позволяющая регистрировать, отправлять и получать входящую и исходящую документацию посредством почты и СМДО. Наряду с

этим ключевая задача последней подсистемы состоит в обеспечении процесса подготовки, согласования и подписания в следственных подразделениях электронных документов с использованием электронной цифровой подписи [8].

Таким образом, ЕАИС СК интегрирует в себе все ключевые направления работы следственного подразделения, в том числе такие как процессуальное руководство и контроль, наделяя субъектов их реализации необходимым поисковым, справочным, методическим, учетным, аналитическим и информационно-технологическим инструментарием, что в своей совокупности создает независимый самодостаточный ресурс, направленный на всестороннее сопровождение деятельности следователей и их руководителей.

Наряду с ЕАИС СК в следственных подразделениях используется ряд иных собственных информационных ресурсов и программных продуктов.

АБД «Реестр баз (банков) данных и информационных ресурсов». Данная база содержит информацию о (об) программных средствах, информационных ресурсах и банках данных, используемых в СК.

АБД «Реестр криптокошельков». Данная база содержит сведения об адресах виртуальных кошельков, использовавшихся для осуществления преступной деятельности.

БД «Антифишинг». Данная база содержит перечень фишинговых сайтов и URL-адресов, используемых для отслеживания фишинговых атак.

Использование указанных АБД и БД при осуществлении процессуального руководства и контроля позволяет в полном объеме оперировать имеющимися сведениями, проверять своевременность, полноту и достоверность их регистрации, контролировать получение необходимой информации следователями, использовать ее при обучении молодых следователей, а также лиц, вновь назначенных на должности руководителей.

Важное значение при осуществлении процессуального руководства и контроля имеет АИС «След». Данная система предназначена для накопления, поиска и анализа криминалистически значимой информации, находящейся в материалах уголовного дела (материалах проверки), для последующего ее изучения и анализа, в том числе путем решения информационно-логических задач построения цепочек связей по совокупности взаимосвязанных объектов учета, установления взаимосвязей отдельных эпизодов преступлений.

Формирование и наполнение АИС «След» учетными данными по уголовным делам (материалам проверок) осуществляется сотрудниками подразделений СК, в производстве которых они находятся. Эффективность функционирования системы напрямую связана со своевременностью, полнотой и достоверностью внесения следователями учетных сведений, осуществлением своевременного надлежащего контроля со стороны руководства следственных подразделений за реализацией подчиненными сотрудниками данного направления деятельности.

Руководителем следственного подразделения либо иным лицом, уполномоченным на осуществление контроля за качеством введения пользователем информации по уголовному делу или материалам проверки, по результатам изучения соответствующих материалов и сведений, подлежащих учету, заполняется раздел «Контроль» АИС «След». При этом, любые действия пользователя, связанные с получением доступа к сведениям, их копированием либо модифицированием, фиксируются в автоматическом режиме, сохраняются в базе данных и контролируются администратором. В системе также имеется раздел «Список процессуальных решений», который предназначен для отражения сведений о принимаемых по уголовному делу процессуальных решениях. Сведения о движении по уголовному делу ежемесячно самостоятельно вносятся администратором по результатам сверки информации из ЕГБДП [9].

Использование АИС «След» при осуществлении процессуального руководства и контроля позволяет проверять своевременность, достоверность и полноту внесения следователями данных о способе, месте, орудии совершения преступления, изъятых в ходе процессуальных действий следах (предметах), что способствует установлению совпадения объектов учета по большому количеству событий, выстраиванию цепи взаимосвязей между уголовными делами (материалами проверок), принятию мер об их изучении с целью рассмотрения вопроса о соединении в одном производстве. Современное соединение в одном производстве позволяет, в свою очередь, оптимизировать количество направляемых международных просьб (поручений) об оказании международной правовой помощи, а, соответственно, и сроки их исполнения.

АИС «Аналитика». Данная система используется СК с 2012 года и предназначена для составления статистических отчетов. Принцип работы системы заключается в передаче средствами электронной связи информации от низовых подразделений СК к высшим, после чего итоговые сведения рассылаются на места в виде обновленной БД системы «Аналитика» и поступают в распоряжение руководителя следственного подразделения. При этом каждый руководитель может увидеть результаты деятельности своего и иных следственных подразделений Республики Беларусь как за любой период текущего года, так и за предыдущие периоды.

Использование АИС «Аналитика» в ходе процессуального руководства и контроля позволяет анализировать показатели работы подразделения, общие тенденции расследования, определять проблемные направления, принимать меры к оптимизации деятельности подразделения, осуществлять проверку исполнения поручений, указаний, приказов руководства ведомства, что способствует формированию единообразной практики, своевременному реагированию на факты принятия незаконных и необоснованных решений, минимизации возможных нарушений в будущем. Данная АИС также позволяет подготавливать наглядные графики и диаграммы по результатам деятельности подразделения, которые

могут быть использованы при организации совещаний, подготовке докладов и выступлений.

Программа «СКонтроль». Данная программа разработана в 2019 году и представляет собой информационный продукт для ведения следственных учетов и осуществления процессуального контроля (предусматривает 4 вида контроля). В программу заложены формы учета уголовных дел и материалов проверок с возможностью построения более 100 выборок и отчетов (в т.ч. в виде документов в форматах Word и Excel), быстрого поиска и вывода информации по уголовным делам. Ряд отчетов ориентированы на процессуальный контроль, способствуют выявлению и упреждению проблемных вопросов в подразделении. За счет автоматизированного импорта данных из ЕГБДП, заполнение информации по уголовным делам осуществляется автоматически. Программой также обеспечивается создание пассивных удаленных рабочих мест, что дает возможность пользования ее множеством пользователей одновременно. Структура «СКонтроль» позволяет вводить и получать информацию о физическом движении уголовного дела, избавляет от необходимости ведения ряда журнальных учетов, заменяя это мгновенным выводом их электронных версий.

Стоит учитывать, что вышеуказанные программные продукты СК, как и инструменты ЕАИС СК, ввиду своего назначения по своим характеристикам и возможностям могут уступать специализированным и (или) универсальным внешним разработкам, в силу чего последние также могут использоваться в качестве вспомогательных средств организации и осуществления служебной деятельности.

На основании изложенного материала, полагаем обоснованным сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время при осуществлении процессуального руководства и контроля используется широкий спектр государственных программных средств сбора, обработки и накопления информации.

2. Условно данные средства могут быть дифференцированы на: 1) внешние: программные средства МВД Республики Беларусь (ЕГБДП, ИС «Розыскные учеты», Банк данных криминальной информации, АИС «Государственная автомобильная инспекция Министерства внутренних дел» и др.); программные средства иных правоохранительных и государственных органов (АС «Пассажиропоток», Государственный реестр плательщиков, Расчет налогов, Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Услуги по регистрации доменных имен и др.); 2) программные средства СК (ЕАИС СК, АБД «Реестр баз (банков) данных и информационных ресурсов», АБД «Реестр криптокошельков», БД «Антифишинг», АИС «След», АИС «Аналитика» и др.).

Указанные программные средства могут быть использованы при решении комплекса специфических задач процессуального руководства и контроля, упрощая и ускоряя процесс их реализации, суще-

ственно экономя временные, финансовые и физические ресурсы. В частности, они обеспечивают: своевременность и полноту учета правонарушений, предотвращение утраты и необоснованного изменения сведений о них; проверку качества, своевременности, достоверности и полноты сбора следователями сведений по материалам проверок и уголовным делам; контроль за своевременностью выставления статистических карточек (правильность и полноту их заполнения); составление статистической отчетности; проведение аналитической работы как в рамках отдельного материала (уголовного дела), так и группы таковых в контексте определенного временного промежутка; дачу следователям соответствующих указаний; подготовку аналитических обзоров и докладных записок, качественных представлений о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступлений и др.;

4. В отношении использования отдельных государственных программных средств в настоящее время имеется ряд проблемных аспектов организационного и технического характера для решения которых предлагается:

расширить доступ сотрудникам к функционирующим БД и ИС, информация из которых используется в повседневной служебной деятельности (в том числе к постановленным судами приговорам, хранящимся в АС ЕГБДП, к банку данных судебных решений и др.);

организовать доработку подсистемы «Оперативные сведения» ЕГБДП для нужд сотрудников СК в части предоставления возможности получения данных обо всех принятых решениях за отчетный период из информации, помещаемой в банк данных по уголовным делам и материалам проверок (в настоящее время имеется возможность получить только последние процессуальные решения по учитываемым МВД преступлениям);

направить усилия на улучшение технических характеристик средств передачи и получения электронной информации, развитие интегрированных межведомственных информационных ресурсов;

изучить вопрос о целесообразности разработки и внедрения в процессуальное руководство и контроль интеллектуальных систем поддержки принятия решений.

Литература

1. Управление органами внутренних дел : пособие / О.В. Гиммельрейх [и др.]; учрежд. образов. «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2023. – 259 с.
2. Варавко, Ю. В. Специальные аналитические методы в системе информационно-аналитической деятельности следователя / Ю. В. Варавко // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тезисы докл. IV Международн. научно-практ. конференции (Минск, 6 сентября 2024 г.) / ред.кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск : Строй-МедиаПроект, 2024. – С. 278–283.
3. Зарецкий, П. П. Программно-техническое обеспечение процесса обучения тактике и методике

расследования преступлений в сфере высоких технологий / П. П. Зарецкий // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 июня 2022 г.) / редкол. : С.Я. Аземша (председатель) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2022. – С. 374–376.

4. Надзор и контроль на стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе (в условиях развития цифровых технологий) / В. Н. Исаенко, П. П. Ищенко, Л. И. Лавдаренко [и др.] – М. : Юрлитинформ, 2021. – 184 с.

5. Каменецкий, Ю. Ф. Методика реализации следственной профилактики в ходе осуществления процессуального контроля / Ю.Ф. Каменецкий // Следственная деятельность. – 2024. – № 4. – С. 54–64.

6. Поляк, Н. С. Процессуальное руководство в контексте развития информационных технологий: понятие и содержание / Н. С. Поляк // Следственная деятельность. – 2022. – № 2. – С. 190–201.

7. Шалухин, В. В. Процессуальное руководство и процессуальный контроль как функции начальника следственного подразделения / В. В. Шалухин // Следственная деятельность: наука, образование, практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск : СтройМедиаПроект, 2024. – С.175–180.

8. Техническое задание на Единую автоматизированную информационную систему Следственного комитета Республики Беларусь (ЕАИС СК): утв. Председателем Следств. Ком. Респ. Беларусь 06.07.2018.

9. Алгоритм функционирования АИС «СЛЕД» // Криминалистический отдел центр. аппарата Следств. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – 19 с.

Use of state software for collecting, processing and accumulating information in the course of implementing procedural guidance and control

Eletnov Vitaly I.

Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

The article analyzes the state of use of state software for collecting, processing and accumulating information in the implementation of procedural management and control, and provides a classification of the specified software. Specific external government software tools and the UK's own software tools necessary for the implementation of procedural guidance and control are identified, and their functionality is described. Examples of specific practical tasks solved using government software tools involved in the framework of procedural guidance and control are given. The existing problematic aspects of the use of government software in the field of procedural guidance and control are formulated, and ways to solve them are proposed.

Keywords: automated database, automated information system, automated workplace, database, information system, software tool, procedural control, procedural guidance, investigative records.

References

1. Management of internal affairs bodies : a manual (2023). O.V. Himmelreich [et al.] ; educational institution «Akad. Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus». Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 259 p.
2. Varavko, Yu.V. (2024). Special analytical methods in the system of information and analytical activity of the investigator. Investigative activity: science, education, practice : abstracts of the fourth International Scientific and Practical Conference (Minsk, September 6, 2024) / ed. by Col. S. Ya. Azemsha (Chairman) and Minsk : StroyMediaProekt, pp. 278-283.
3. Zaretsky, P.P. (2022). Software and technical support for the process of teaching tactics and methods of investigating crimes in the field of high technologies. Investigative activities : science, education, practice : thesis of the III International Scientific and Practical Conference (Minsk, June 24, 2022) / editorial board. : S.Ya. Azemsha (Chairman) [and others]. – Minsk : StroyMediaProekt, pp. 374-376.
4. Supervision and control at the stage of preliminary investigation in the Russian criminal process (in the context of the development of digital technologies) (2021). V. N. Isaenko, P. P. Ishchenko, L. I. Lavdarenko [et al.]. M. : Yurilitinform, 184 p.
5. Kamenetsky, Yu.F. (2024). Methods of implementing investigative prevention during the implementation of procedural control. Investigative activities, 4, pp. 54-64.
6. Polyak, N.S. (2022). Procedural guidance in the context of information technology development: concept and content. Investigative activity, 2, pp. 190-201.
7. Shalukhin, V.V. (2024). Procedural guidance and procedural control as functions of the head of the investigative unit. Investigative activity: science, education, practice: Abstracts of the IV International Scientific and Practical Conference. Minsk : StroyMediaProekt, pp.175-180.
8. Terms of Reference for the Unified Automated Information System of the Investigative Committee of the Republic of Belarus (EAIS IC): approved by Chairman of the Investigative Committee Rep. Belarus 06.07.2018. 9. The algorithm of AIS "TRACE" functioning // Criminalistic department center. The Investigative Committee. Rep. Belarus. Minsk, 2021, 19 p.

Доказательная база применения механизмов принуждения к соблюдению принципа господства права в практике ЕС (на примере Венгрии)

Биткина Екатерина Сергеевна

аспирант Кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, katya-bitkina98@mail.ru

В статье предпринимается попытка установить, каким образом и на основе каких принципов формируется доказательная база для применения механизмов принуждения государств-членов ЕС к соблюдению принципа господства права в его наднациональном понимании. В соответствующих целях в статье: 1) анализируется актуальная система механизмов принуждения государств-членов к соблюдению принципов господства права, действующая в ЕС; 2) выявляются общеправовые требования к формированию доказательной базы для применения соответствующих механизмов; а также 3) анализируется практика формирования доказательной базы для применения механизмов принуждения в отношении Венгрии. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что по общему правилу формирование доказательной базы нарушений принципа господства права осуществляется *ad hoc* по усмотрению наднациональных институтов ЕС. В состав доказательной базы могут входить любые правоприменительные акты в сфере господства права и прав человека, принимаемые институтами ЕС и/или международными организациями и их органами. Строгие требования к относимости и достаточности доказательств установлены только в рамках Общего механизма обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза. Частичные требования относимости и допустимости доказательств также представлены в рамках Специального механизма обусловленности господством права выплат из структурных фондов ЕС

Ключевые слова: ЕС, Венгрия, основные ценности, господство права, механизмы принуждения, защита бюджета, финансово-бюджетное принуждение, доказательная база, правоприменительные акты, Совет Европы.

Введение.

Актуальность. В декабре 2022 г. в рамках Общего механизма обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза⁵⁴ было принято имплементационное Решение Совета⁵⁵ о снижении на 55% объема бюджетных средств ЕС, предоставляемых Венгрии в рамках предложенных Комиссией отдельных программ Политики сплочения. Всего объем финансирования, предоставляемого Венгрии из бюджета ЕС, был сокращен на 6,3 млрд евро⁵⁶ (что при совокупном ВВП Венгрии на уровне 163 млрд евро в 2021 г.⁵⁷ составляет чуть менее 4% от ВВП).

В дополнение к этому в отношении Венгрии был применен Специальный механизм обусловленности господством права получения финансовой поддержки отдельными государствами-членами ЕС в рамках постпандемийного восстановления⁵⁸. Учитывая, что потенциальные объемы финансирования из Фонда восстановления и устойчивости, на которые могла претендовать Венгрия, составляют около 5,8 млрд евро⁵⁹, совокупные потенциальные бюджетные потери Венгрии в связи с инициированными в отношении нее в конце 2022 г. процедурами принуждения к соблюдению господства права составили около 7,5% ВВП, что является весьма внушительным показателем.

В подобных условиях Венгрия была вынуждена пойти на уступки и согласиться с требованиями институтов ЕС о реформировании национального законодательства в той части, которая являлась предметом многочисленных споров и противоречий на протяжении более десяти лет. Тем не менее, финансово-бюджетные ограничения с Венгрии не были сняты.

При этом институты ЕС указывали на сохранение в национальном правовом порядке Венгрии нарушений принципа господства права. В подобном контексте особое значение приобретает анализ источников и форм закрепления фактологического и правового

⁵⁴ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020, p. 1–10.

⁵⁵ Council Implementing Decision (EU) 2022/2506 of 15 December 2022 «On measures for the protection of the Union budget against breaches of the principles of the rule of law in Hungary» (ST/14247/2022/INIT) // OJ L 325, 20.12.2022, p. 94–109.

⁵⁶ Rule of law conditionality mechanism: Council decides to suspend €6.3 billion given only partial remedial action by Hungary // Council of the EU. Press release. 12 December 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/12/rule-of-law-conditionality-mechanism/> (дата обращения: 16.02.2025).

⁵⁷ World Bank Data: Hungary [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/country/hungary?view=chart> (дата обращения: 16.02.2025).

⁵⁸ Regulation (EU) 2021/241 of the European Parliament and of the Council of 12 February 2021 establishing the Recovery and Resilience Facility // OJ L 57, 18.2.2021, p. 17–75.

⁵⁹ Commission finds that Hungary has not progressed enough in its reforms and must meet essential milestones for its Recovery and Resilience funds // European Commission. Press release. 30 November 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_7273 (дата обращения: 16.02.2025).

материала по вопросам нарушения Венгрией принципа господства права в его наднациональном понимании (то есть доказательной базы, которая используется институтами ЕС для ограничения бюджетного финансирования, предоставляемого Венгрии).

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи и по поводу формирования доказательной базы для применения механизмов принуждения государств-членов ЕС к соблюдению принципа господства права. **Предметом** исследования послужили наднациональные акты ЕС, практика Суда ЕС, а также правоприменительные акты институтов Совета Европы (в том числе, касающиеся Венгрии).

Цель исследования состоит в том, чтобы установить, каким образом и на основе каких принципов формируется доказательная база для применения механизмов принуждения государств-членов ЕС к соблюдению принципа господства права в его наднациональном понимании. Для достижения данной цели осуществляется последовательное решение **трех задач**: 1) установить, какие механизмы принуждения к соблюдению принципа господства права применяются в ЕС в настоящее время; 2) определить обще-правовые требования к формированию доказательной базы для применения соответствующих механизмов; 3) проанализировать практику формирования доказательной базы для применения механизмов принуждения в отношении Венгрии.

Обзор литературы. Вопросы формирования доказательной базы для применения механизмов принуждения государств-членов к соблюдению принципа господства права в современной отечественной литературе практически не исследованы. Единственным трудом, в котором освещена соответствующая проблематика, сегодня является научная монография М.Л. Энтина и Э.Г. Энтиной «Политиче-

ское и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах»⁶⁰. Впрочем, отдельные значимые для настоящего исследования вопросы также были затронуты в работах, посвященных общим вопросам применения механизмов принуждения к соблюдению принципа господства права в ЕС, включая труды таких авторов, как: К.В. Васильцова⁶¹, С.А. Кувалдин⁶², Л.К. Мамедова⁶³, М.Ю. Русакова⁶⁴ и др. Среди зарубежных исследований можно отметить работы таких авторов, как: Н. Кирст⁶⁵, К. Клоза⁶⁶, Д. Коченов⁶⁷, Дж. Лэки⁶⁸ и др.

Основная часть

Система механизмов принуждения государств-членов к соблюдению принципа господства права

К настоящему моменту в правовом порядке Европейского союза (далее – ЕС) сформировалась разветвленная система механизмов принуждения к соблюдению принципа господства права, позволяющих наднациональным институтам оказывать давление на национальные органы власти государств-членов в части проведения общей интеграционной политики⁶⁹.

Соответствующие механизмы могут быть подразделены на индивидуальные (применяемые к конкретному государству-члену) и универсальные (применяемые ко всем государствам-членам).

Универсальные механизмы: 1) носят мониторинговый характер, 2) ориентированы на выявление и предупреждение рисков нарушения принципа господства права в государствах-членах ЕС, 3) применяются *ex ante*. Для применения универсальных механизмов не требуется сбора и анализа доказательной базы, поскольку они не предполагают наложения каких-либо санкций. К данным механизмам сегодня относятся:

- Европейский семестр⁷⁰ (включая вклад Европейского барометра правосудия⁷¹) – мониторинговый механизм финансово-бюджетного характера, в

⁶⁰ Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах: Научная монография / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина. Москва: Галактика, Издательский Дом «Зебра Е», 2023. 816 с.

⁶¹ Васильцова К. В. Практические аспекты применения механизма по защите верховенства права в Европейском союзе // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 20(102). С. 89-91.

⁶² Кувалдин С. А. Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 38-48.

⁶³ Мамедова Л. К. Проблемы Польши и Венгрии с несоблюдением основополагающего принципа Евросоюза о верховенстве права: эволюция подхода институтов ЕС // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6(63). С. 60-75.

⁶⁴ Русакова М. Ю. Польша и Венгрия: противостояние ЕС в вопросе верховенства права (декабрь 2021 - февраль 2022) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022. № 107. С. 67-72.

⁶⁵ Kirst N. Rule of Law Conditionality: The Long-awaited Step Towards a Solution of the Rule of Law Crisis in the European Union? // European Papers. 2021. Vol. 6 No 1.

⁶⁶ Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a

Common Concept to Mechanisms of Implementation. Oxford: Hart Publishing, 2015.

⁶⁷ Kochenov D. Better Late than Never? On the Commission's Rule of Law Framework and Its First Activation // Journal of Common Market Studies. 2016. № 54. P. 1062–1074.

⁶⁸ Łacny J. The Rule of Law Conditionality Under Regulation No 2020/2020—Is it all About the Money? // Hague Journal on the Rule of Law. 2021. № 13. P. 97-112.

⁶⁹ См.: Биткина Е.С. Применение механизмов принуждения к соблюдению принципа верховенства права в практике Европейского союза / М. Л. Энтин, Е. С. Биткина // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 65-78; Биткина Е.С. «Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии / Я. И. Лебедева, Е. С. Биткина // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 34-38.

⁷⁰ Regulation (EU) 2024/1263 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2024 on the effective coordination of economic policies and on multilateral budgetary surveillance and repealing Council Regulation (EC) No 1466/97 (PE/51/2024/REV/1) // OJ L, 2024/1263, 30.4.2024.

⁷¹ EU Justice Scoreboard // European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/eu-justice-scoreboard_en (дата обращения: 16.02.2025).

рамках которого надзор за господством права осуществляется исключительно в контексте финансово-бюджетной эффективности;

- Механизм укрепления господства права (*Strengthening the rule of law within the Union*⁷²) – надзорный механизм в сфере господства права и прав человека в ЕС.

В свою очередь, индивидуальные механизмы принуждения: 1) носят санкционный (карательный) характер, 2) направлены на устранение существующих нарушений принципа господства права в конкретному государстве-члене ЕС, 3) применяются *ex post*. Именно для применения индивидуальных механизмов принуждения необходим сбор доказательственной базы.

Индивидуальные механизмы принуждения включают в себя: 1) Механизм устранения серьезного и устойчивого нарушения государством-членом ценностей ЕС (ст. 7 Договора о Европейском союзе⁷³, ДЕС); 2) Рамочную процедуру борьбы с системными угрозами господства права (*EU Framework to strengthen the rule of law*⁷⁴); 3) обжалование национальных актов, решений и действий в Суде ЕС; а также 4) механизмы финансово-бюджетного принуждения.

Механизмы финансово-бюджетного принуждения в настоящее время представлены следующими:

- Общий механизм обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза (*General regime of conditionality for the protection of the Union budget*⁷⁵);

- Специальный механизм обусловленности господства права получения финансовой поддержки отдельными государствами-членами ЕС в рамках постпандемийного восстановления⁷⁶ (действие данного механизма прекратится в 2026 г., когда будет завершено функционирование Фонда восстановления и устойчивости);

- Специальный механизм предварительной и текущей обусловленности получения планового финансирования из структурных фондов ЕС (ERDF, ESF+, JTF, EMFAF, AMIF, ISF, BMVI и Фонда сплочения)⁷⁷ (действие данного механизма ограничено сроком текущего долгосрочного бюджетного периода, 2021-2027 гг.).

В рамках применения всех отмеченных индивидуальных механизмов принуждения конкретного государства-члена ЕС к соблюдению принципа господства права требуется формирование опреде-

ленной доказательственной базы, которая свидетельствует о наличии нарушений данного принципа в рамках отдельного национального правопорядка, а также позволяет установить «тяжесть» соответствующих нарушений.

Общие и специальные требования к формированию доказательственной базы

В наиболее общем виде, в состав доказательственной базы (собираемой для применения индивидуальных механизмов принуждения) могут входить любые правоприменительные акты в сфере господства права и прав человека, принимаемые институтами ЕС или международными организациями и их органами. При этом фиксированного подхода к оценке относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств нарушения принципа господства права в ЕС не существует. Доказательная база, как правило, формируется *ad hoc* по усмотрению наднациональных институтов.

Однако, для механизмов финансово-бюджетного принуждения, степень усмотрения наднациональных институтов все же несколько ограничивается.

Наиболее строго соответствующие ограничения проявляются в рамках применения *Общего механизма обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза*. Целью данного механизма является защита финансово-бюджетных интересов ЕС. Следствием подобной «специализации» Общего механизма обусловленности является наличие требований в сфере относимости и достаточности доказательств влияния нарушений принципа господства права на бюджет Союза.

В соответствии с положениями Регламента 2020/2092, особенности применения которого были уточнены в решениях Суда ЕС по искам Венгрии⁷⁸ и Польши⁷⁹, для применения Общего механизма обусловленности требуется наличие «достаточно прямой связи» между нарушениями принципа господства права и финансово-бюджетными интересами ЕС. Как следствие, доказательства, необходимые для применения данного механизма, должны соответствовать специальному критерию относимости: они должны подтверждать наличие нарушений принципа господства права, которые оказывают (или способны) оказать негативное влияние на распоряжение бюджетными средствами ЕС.

Кроме того, как было установлено Судом ЕС⁸⁰, санкции, налагаемые в рамках Общего механизма обусловленности, должны быть пропорциональны

⁷² Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Strengthening the rule of law within the Union» (COM(2019) 343 final). Brussels, 17.7.2019.

⁷³ Treaty on European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, p. 13–390.

⁷⁴ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council «A new EU Framework to strengthen the Rule of Law» (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.

⁷⁵ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020, p. 1–10. (далее – Регламент 2020/2092).

⁷⁶ Regulation (EU) 2021/241 of the European Parliament and of the Council of 12 February 2021 establishing the Recovery and Resilience Facility // OJ L 57, 18.2.2021, p. 17–75.

⁷⁷ Regulation (EU) 2021/1060 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund Plus, the Cohesion Fund, the Just Transition Fund and the European Maritime, Fisheries and Aquaculture Fund and financial rules for those and for the Asylum, Migration and Integration Fund, the Internal Security Fund and the Instrument for Financial Support for Border Management and Visa Policy. PE/47/2021/INIT // OJ L 231, 30.6.2021, p. 159–706.

⁷⁸ C-156/21 Hungary v Parliament and Council // ECLI:EU:C:2022:97.

⁷⁹ C-157/21 Poland v Parliament and Council // ECLI:EU:C:2022:98.

⁸⁰ Там же.

(потенциальным) последствиям нарушения принципа господства права для финансово-бюджетных интересов ЕС, а также должны определяться исходя из характера, продолжительности и степени серьезности нарушений данного принципа. Соответственно, доказательная база, необходимая для применения Общего механизма обусловленности, должна отвечать критерию достаточности для назначения определенных ограничений. Собранные доказательства должны содержать в себе сведения о характере, продолжительности и степени серьезности нарушений принципа господства права.

В иных механизмах финансово-бюджетного принуждения приведенные выше требования к доказательной базе выражены менее строго.

Так, в рамках *Специального механизма обусловленности господством права выплат из структурных фондов ЕС* Регламентом 2021/1060 строго фиксируются предварительные горизонтальные и тематические условия, соблюдение которых необходимо для получения финансирования из структурных фондов.

Одним из горизонтальных условий выступает соблюдение Хартии ЕС об основных правах⁸¹ (далее – Хартия ЕС). Таким образом, собранные доказательства должны относиться именно к нарушению Хартии. Впрочем, Хартия ЕС об основных правах допускает субсидиарное применение положений Европейской конвенции прав человека⁸² (ч. 3 ст. 52 Хартии ЕС), в связи с чем в качестве доказательств нарушения принципа господства права также могут использоваться решения институтов и органов Совета Европы (включая Европейский суд по правам человека и Венецианскую комиссию).

Что касается тематических условий, то их соблюдение является обязательным, если государство-член запрашивает финансирование из ERDF, ESF+ и Фонда сплочения. При этом здесь устанавливаются более конкретные условия. Так, например, для получения финансирования из ESF+ (Европейский социальный фонд) на реализацию целей образовательной политики ЕС необходимо соблюдение предварительного условия в виде разработки и принятия национальной стратегии развития инклюзивного образования и образовательной (академической) мобильности. Соответственно, для блокировки финансирования из ESF+ доказательная база должна быть связана с отмеченными аспектами (специальные критерий относимости).

Тем не менее, в отношении Польши⁸³ и Венгрии⁸⁴ блокировка финансирования из структурных фондов ЕС была осуществлена за несоблюдение горизонтального условия в виде эффективного применения Хартии ЕС об основных правах. Тематические условия не применялись. Соответственно, единственным требованием к доказательной базе по

Специальному механизму обусловленности господством права выплат из структурных фондов ЕС является относимость доказательств к нарушению положений Хартии ЕС об основных правах. При этом положения Хартии широки, что позволяет привлекать в качестве доказательственной базы практически любые правоприменительные акты институтов ЕС и Совета Европы в сфере защиты прав человека.

Что же касается *Специального механизма обусловленности господством права выплат из Фонда восстановления и устойчивости*, то, не смотря на прямую связь с бюджетными интересами, в нем не содержится никаких ограничений в части формирования доказательной базы. Комиссия и Совет вольны утверждать практически любые условия (цели, задачи) национальных планов восстановления и устойчивости, в зависимость от которых ставится получение финансирования из Фонда. Как следствие, Комиссия и Совет могут самостоятельно определять относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательной базы, необходимой для заморозки финансирования. Как правило, доказательная база формируется *ad hoc* с опорой на правоприменительные акты институтов ЕС (включая Европарламент, Комиссию и Суд ЕС), а также правоприменительные акты международных организаций в сфере господства права и защиты прав человека.

Таким образом, подход к формированию доказательной базы нарушений принципа господства права сугубо по усмотрению институтов ЕС можно назвать общим для большинства механизмов принуждения (исключением будет являться только Общий механизм обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза).

Практика формирования доказательной базы для применения к Венгрии механизмов принуждения к соблюдению принципа господства права

Рассмотрим обозначенный выше общий подход на примере действий Европарламента по формированию доказательной базы для применения в отношении Венгрии первой фазы Механизма устранения серьезного и устойчивого нарушения государством-членом ценностей ЕС (ч. 1 ст. 7 ДЕС). Непосредственным предметом анализа выступит Резолюция Европарламента от 15 сентября 2022 г. о направлении Совету предложения о применении в отношении Венгрии ч. 1 ст. 7 ДЕС в связи с суще-

⁸¹ Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012, p. 391–407.

⁸² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4.XI.1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁸³ Partnership Agreement with Poland – 2021-2027 (22 December 2022) // European commission. [Электронный ресурс]. URL:

https://commission.europa.eu/publications/partnership-agreement-poland-2021-2027_en (дата обращения: 16.02.2025).

⁸⁴ Partnership Agreement with Hungary – 2021-2027 (22 December 2022) // European commission. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/publications/partnership-agreement-hungary-2021-2027_en (дата обращения: 16.02.2025).

ствованием явного риска нарушения основных ценностей ЕС⁸⁵ (далее также – Резолюция Европарламента от 15 сентября 2022 г.).

В рамках данной резолюции Европарламент сформулировал ряд «озабоченностей», возникающих в отношении Венгрии в связи с неудовлетворительной оценкой ситуации в таких сферах, как: конституционная и избирательная система Венгрии; независимость судебной власти и права судей; коррупция и конфликт интересов; право на частную жизнь; свобода мнений (включая свободу СМИ); академическая свобода; свобода вероисповедания; равенство всех перед законом (в контексте дискриминации ЛГБТИК-лиц, прав национальных меньшинств); права мигрантов, лиц, ищущих убежище, и беженцев; экономические и социальные права граждан⁸⁶.

Соответствующие «озабоченности» фактически представляют собой отдельные пункты обвинения Венгрии в нарушении принципа господства права и основных ценностей ЕС. По каждой «озабоченности» Европарламентом указывается на то, каким образом и какие именно законодательные, административные, институциональные и иные меры и решения руководства Венгрии нарушают положения актов, входящих в состав правовой базы принципа господства права.

Так, например, в рамках доказывания «озабоченностей» в сфере функционирования конституционной и избирательной систем Венгрии Европарламент в качестве доказательной базы использует:

- акты Еврокомиссии (Страновая глава отчета Еврокомиссии о состоянии господства права в Венгрии⁸⁷);
- акты Европарламента (Резолюция Европарламента от 17 апреля 2020 г. о скоординированных действиях ЕС по борьбе с пандемией COVID-19 и ее последствиями⁸⁸);
- акты Совета (Рекомендация Совета от 20 июля 2020 г. по Национальной программе реформ Венгрии на 2020 г. и заключение Совета по Программе конвергенции Венгрии на 2020 г.⁸⁹);
- решения Суда ЕС⁹⁰;
- акты институтов Совета Европы, включая Второй промежуточный отчет ГРЕКО по Венгрии от 25 сентября 2020 г.⁹¹; заявления и доклады Комиссара

Совета Европы по правам человека относительно ситуации с правами человека в Венгрии⁹²; заключение Венецианской комиссии о конституционных поправках, принятых в декабре 2020 г. парламентом Венгрии, от 2 июля 2021 г.⁹³; Совместное заключение Венецианской комиссии и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека о поправках 2020 г. к избирательному законодательству Венгрии от 18 октября 2021 г.⁹⁴; Итоговый отчет международной миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами в Венгрии от 29 июля 2022 г.⁹⁵

Таким образом, в качестве доказательной базы нарушений в сфере функционирования конституционной и избирательной систем Венгрии были использованы правоприменительные, рекомендательные и мониторинговые акты «институционального треугольника» ЕС, а также широкий набор правоприменительных и мониторинговых актов различных институтов Совета Европы. При этом количество использованных актов Совета Европы свидетельствует о стремлении институтов ЕС дополнительно укрепить собственную позицию в противостоянии с национальными властями Венгрии за счет привлечения «независимой» третьей стороны (которая так же констатирует нарушение прав и свобод человека).

Опираясь на собранную доказательную базу, Европарламент формулирует уже конкретные нарушения принципа господства права и основных ценностей. В их число включаются:

- нарушение демократического характера системы сдержек и противовесов в рамках поправок, внесенных в Конституцию Венгрии;
- злоупотребление полномочиями со стороны правительства Венгрии и правящей партии в рамках внесения изменений в Конституцию, проведения референдумов и внесения изменений в национальное законодательство;
- размывание границы между государственным управлением и партийными функциями;
- нарушения принципов прозрачности и инклюзивности в рамках законодательного процесса (принятие большого количества законов по особой процедуре);

⁸⁵ European Parliament resolution of 15 September 2022 on the proposal for a Council decision determining, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values on which the Union is founded (2018/0902R(NLE)) // OJ C 125, 5.4.2023, p. 440–461

⁸⁶ Ibid. Point 1.

⁸⁷ Commission staff working document «2022 Rule of Law Report. Country Chapter on the rule of law situation in Hungary» (Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «2022 Rule of Law Report. The rule of law situation in the European Union»). (SWD(2022) 517 final). Luxembourg, 13.7.2022.

⁸⁸ European Parliament resolution of 17 April 2020 on EU coordinated action to combat the COVID-19 pandemic and its consequences (2020/2616(RSP)) // OJ C 316, 6.8.2021, p. 2–11.

⁸⁹ Council Recommendation of 20 July 2020 on the 2020 National Reform Programme of Hungary and delivering a Council opinion on the 2020 Convergence Programme of Hungary (2020/C 282/17) // OJ C 282, 26.8.2020, p. 107–115.

⁹⁰ C-619/18 [2019] // ECLI:EU:C:2019:531.

⁹¹ Second Interim Compliance Report of Fourth Evaluation Round on Hungary (dealing with Corruption prevention in respect of members of parliament, judges and prosecutors) (as adopted by GRECO at its 85th Plenary Meeting). Strasbourg, 21-25 September 2020.

⁹² Statement of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe issued on 20 November 2020; Statement of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe issued on 14 December 2018; Report of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe of 21 May 2019 following a visit to Hungary from 4 to 8 February 2019 etc.

⁹³ Opinion on the constitutional amendments adopted by the Hungarian parliament in December 2020, adopted by the Venice Commission at its 127th Plenary Session. Venice, 2-3 July 2021.

⁹⁴ Joint opinion of the Venice Commission and the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) of 18 October 2021 on the 2020 amendments to electoral legislation in Hungary.

⁹⁵ Final report of the OSCE international election observation mission published on 29 July 2022.

- произвол со стороны исполнительной власти, основанный на предоставлении ей чрезмерных и чрезвычайных полномочий;
- нарушение прав и полномочий региональных и муниципальных органов власти;
- злоупотребление административным ресурсом в рамках избирательных компаний 2018 г. и 2022 г.;
- необоснованное изменение электорального законодательства и произвол при определении границ избирательных округов;
- финансовая дискриминация оппозиционных партий;
- ненадлежащее исполнение решений Суда ЕС и ЕСПЧ;
- утрата независимости конституционным правосудием;
- нарушение принципа свободы СМИ, чрезмерный государственный контроль над СМИ;
- коррупция и конфликт интересов в рамках расходования денежных средств государственных общественно значимых фондов;
- неэффективное регулирование лоббистской деятельности, конфликт интересов депутатов Национального собрания.

Аналогичным образом была сформирована доказательная база и указаны конкретные нарушения и по другим «пунктам обвинения» Венгрии в нарушении принципа господства права.

При этом в совокупности предъявленные Венгрии обвинения в нарушении принципа господства права и основных ценностей ЕС были признаны достаточными для квалификации режима В. Орбана как гибридного, сочетающего в себе демократические и авторитарные элементы. Венгрия была признана государством, в котором недостаточно эффективно соблюдаются принципы правового государства и защиты прав человека.

Ответственность за «подрыв» демократических устоев в Венгрии была полностью возложена на руководство страны во главе с В. Орбаном, которое предприняло «преднамеренные и систематические усилия по подрыву основополагающих ценностей ЕС, закрепленных в ст. 2 ДЕС» (para 2 Резолюции Европарламента от 15 сентября 2022 г.).

Однако, параллельно с возложением ответственности на правительство В. Орбана Европарламент констатировал, что борьба с нарушениями основных ценностей ЕС в Венгрии должна вестись всеми государствами-членами ЕС⁹⁶. На них возложены обязанности по обеспечению повсеместного (на территории ЕС) соблюдения основных ценностей интеграционного объединения. Реализация соответствующих обязанностей должна осуществляться, прежде всего, в рамках активации механизмов принуждения Венгрии к соблюдению принципа господства права (включая механизм ст. 7 ДЕС).

Также Европарламент отметил, что применение механизмов принуждения является долгом, а не правом наднациональных институтов. Совет и Комиссия обязаны активировать соответствующие ме-

ханизмы всегда, когда присутствует нарушение основных ценностей ЕС. В противном случае, сами наднациональные институты ЕС становятся соучастниками таких нарушений.

В целом, подход Европарламента претендует на системность: как в части устранения нарушений принципа господства права и основных ценностей, так и в части сбора доказательной базы соответствующих нарушений.

В то же время, его подход носит политический (а не правовой) характер: во главу угла ставится политический режим (руководство Венгрии), а не содержание и цели национальных реформ. Аналогичным образом и требования к устранению нарушений основных ценностей, обращенные к государствам-членам и институтам ЕС, носят политический характер.

Соблюдение принципа господства права (как юридико-технического инструмента придания правового значения основным ценностям ЕС) отходит на второй план. Сбор доказательств нарушения данного принципа приобретает дедуктивно-индуктивный характер, когда сначала формулируется общая политическая претензия к конкретному национальному режиму, а затем под данную претензию подбирается подходящий доказательный (эмпирический) материал. Иными словами, причина и следствие инвертируются. Причиной выступает стремление институтов ЕС применить механизмы принуждения в целях политического давления, а следствием становится поиск доказательств нарушения принципа господства права.

Выводы

По общему правилу, формирование доказательной базы нарушений принципа господства права осуществляется *ad hoc* по усмотрению наднациональных институтов ЕС в рамках применения отдельных механизмов принуждения. В состав доказательной базы могут входить любые правоприменительные акты в сфере господства права и прав человека, принимаемые институтами ЕС и/или международными организациями и их органами. Оценка относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств осуществляется по усмотрению институтов ЕС, применяющих механизмы принуждения.

Строгие требования к относимости и достаточности доказательств установлены только в рамках Общего механизма обусловленности господством права мер по защите бюджета Союза. Доказательственная база в рамках данного механизма должна соответствовать требованиям относимости и достаточности доказательств для установления характера и степени влияния нарушений принципа господства права на бюджет Союза.

Частичные требования относимости и допустимости доказательства также закреплены в рамках Специального механизма обусловленности господством права выплат из структурных фондов ЕС в части установления горизонтальных и тематических

⁹⁶ Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Указ. соч. С. 407.

условий для получения финансирования. Однако, на практике применяется сугубо горизонтальное условие в виде требования соблюдения Хартии ЕС об основных правах, что позволяет в качестве доказательной базы (несоблюдения Хартии ЕС) опираться на широкий круг правоприменительных и мониторинговых актов ЕС и Совета Европы.

Литература

1. Биткина Е.С. «Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии / Я. И. Лебедева, Е. С. Биткина // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 34-38.

2. Биткина Е.С. Применение механизмов принуждения к соблюдению принципа верховенства права в практике Европейского союза / М. Л. Энтин, Е. С. Биткина // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 65-78.

3. Васильцова К. В. Практические аспекты применения механизма по защите верховенства права в Европейском союзе // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 20(102). С. 89-91.

4. Кувалдин С. А. Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 38-48.

5. Мамедова Л. К. Проблемы Польши и Венгрии с несоблюдением основополагающего принципа Евросоюза о верховенстве права: эволюция подхода институтов ЕС // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6(63). С. 60-75.

6. Русакова М. Ю. Польша и Венгрия: противостояние ЕС в вопросе верховенства права (декабрь 2021 - февраль 2022) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022. № 107. С. 67-72.

7. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах: Научная монография / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина. Москва: Галактика, Издательский Дом «Зебра Е», 2023. 816 с.

8. Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Oxford: Hart Publishing, 2015.

9. Kirst N. Rule of Law Conditionality: The Long-awaited Step Towards a Solution of the Rule of Law Crisis in the European Union? // European Papers. 2021. Vol. 6. No 1.

10. Kochenov D. Better Late than Never? On the Commission's Rule of Law Framework and Its First Activation // Journal of Common Market Studies. 2016. № 54. P. 1062–1074.

11. Łacny J. The Rule of Law Conditionality Under Regulation No 2092/2020—Is it all About the Money? // Hague Journal on the Rule of Law. 2021. № 13. P. 97-112.

Evidence Base for the Application of Rule of Law Enforcement Mechanisms in EU Practice (Based on the Case of Hungary)

Bitkina E.S.

MGIMO University

This article attempts to establish how and on what principles the evidence base for the application of mechanisms to compel EU Member States to comply with the rule of law principle in its supranational sense is formed. To this end, the article: 1) analyzes the current system of mechanisms to compel Member States to comply with the rule of law principle in the EU; 2) identifies the general legal requirements for the formation of the evidence base for the application of the relevant mechanisms; and 3) analyzes the practice of forming the evidence base for the application of enforcement mechanisms against Hungary. The study concludes that, as a general rule, the formation of the evidence base for violations of the rule of law principle is carried out ad hoc, at the discretion of supranational EU institutions. The evidentiary base may include any law enforcement acts in the area of the rule of law and human rights adopted by EU institutions and/or international organizations and their bodies. Strict requirements for the relevance and sufficiency of evidence are established only within the General Mechanism for the Conditionality of Rule of Law for Measures to Protect the Union Budget. Partial requirements for the relevance and admissibility of evidence are also set out within the Special Mechanism for the Conditionality of Rule of Law for Payments from EU Structural Funds.

Keywords: EU, Hungary, core values, rule of law, enforcement mechanisms, budget protection, fiscal coercion, evidentiary base, law enforcement acts, Council of Europe.

References

1. Bitkina E.S. "The Rule of Law Conditionality Mechanism": A New Round of EU Coercive Measures against Poland and Hungary / Ya. I. Lebedeva, E. S. Bitkina // Eurasian Law Journal. 2022. No. 1 (164). Pp. 34-38.
2. Bitkina E.S. Application of Rule of Law Enforcement Mechanisms in the Practice of the European Union / M. L. Entin, E. S. Bitkina // Moscow Journal of International Law. 2024. No. 2. Pp. 65-78.
3. Vasil'tsova K. V. Practical Aspects of Applying the Rule of Law Protection Mechanism in the European Union // Problems of Modern Science and Education. 2017. No. 20 (102). Pp. 89-91.
4. Kuvaldin S. A. Linking EU Budget Allocations to Compliance with the Rule of Law: The Case of Poland and Hungary // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2021. No. 2. pp. 38-48.
5. Mamedova L. K. Problems of Poland and Hungary with Non-Compliance with the Fundamental Principle of the European Union on the Rule of Law: The Evolution of the Approach of EU Institutions // Problems of National Strategy. 2020. No. 6(63). pp. 60-75.
6. Rusakova M. Yu. Poland and Hungary: EU Confrontation on the Rule of Law (December 2021 - February 2022) // European Union: Facts and Comments. 2022. No. 107. pp. 67-72.
7. Entin M. L., Entina E. G. Political and Regulatory Support for Global Integration Processes: Efforts of Russia, China, India, the EU, and the United States to Gain Strategic Depth in 2022–2023: A Research Monograph / M.L. Entin, E.G. Entina. Moscow: Galaktika, Zebra E Publishing House, 2023. 816 p.
8. Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Oxford: Hart Publishing, 2015.
9. Kirst N. Rule of Law Conditionality: The Long-awaited Step Towards a Solution of the Rule of Law Crisis in the European Union? // European Papers. 2021. Vol. 6. No. 1.
10. Kochenov D. Better Late than Never? On the Commission's Rule of Law Framework and Its First Activation // Journal of Common Market Studies. 2016. No. 54. P. 1062–1074.
11. Łacny J. The Rule of Legal Conditionality Under Regulation No 2092/2020—Is it all About the Money? // Hague Journal on the Rule of Law. 2021. No. 13. P. 97-112.

Трансграничный оборот ценных бумаг как институт международного экономического права

Гришин Лев Петрович

аспирант кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, grisinlev@gmail.com

В статье исследуется трансграничный оборот ценных бумаг как самостоятельный институт международного экономического права. Обосновывается, что международное экономическое право, сформировавшееся в ответ на процессы глобализации и региональной интеграции, представляет собой комплекс правовых норм и институтов, сочетающих публично-правовые и частноправовые элементы. На основе российской и зарубежной доктрины раскрываются признаки правового института. Делается вывод о том, что трансграничный оборот ценных бумаг соответствует критериям института права, который закрепился в качестве самостоятельного и значимого элемента международного экономического права. Сделан вывод о том, что в условиях глобализации и цифровизации финансовых рынков трансграничный оборот ценных бумаг требует совершенствования и дальнейшего развития правового регулирования, учитывающего появление новых цифровых форм ценных бумаг.

Ключевые слова: ценные бумаги, международное экономическое право, правовой институт, трансграничный оборот.

Международное экономическое право (далее – МЭП), утвердившееся в отечественной и зарубежной доктрине как самостоятельная отрасль международного права [1], возникло в ответ на процессы глобализации и одновременной региональной интеграции, охватившие мировую экономику во второй половине XX века [2]. МЭП регулирует системные международные экономические отношения между государствами, международными организациями и иными субъектами, включая транснациональные корпорации и частных инвесторов, с целью установления справедливого экономического правопорядка и обеспечения баланса интересов в условиях взаимозависимости национальных экономик [2, 12].

В доктрине права отрасль понимается как относительно обособленная совокупность правовых норм и институтов, объединенных единым предметом регулирования (качественно однородным видом общественных отношений) и специфическим методом правового воздействия [13]. МЭП соответствует этим критериям, поскольку его предметом являются международные экономические многосторонние и двусторонние отношения и их регулирование, а метод сочетает публичные и частноправовые элементы. Императивный метод проявляется в обязательных предписаниях международных договоров, обычных нормах и решениях международных организаций, а диспозитивный допускает автономию воли сторон, предоставляет субъектам МЭП права выбора в отношении следования рекомендательным актам или предписаниям, а также право на оговорки, однако применение этого метода ограничено принципами МЭП и иными общепризнанными принципами международного права [10, 11, 15].

Согласно позиции Г.М. Вельяминова, МЭП возникло как ответ на глобализацию экономических связей, включая торговлю, инвестиции и финансовые операции, и направлено на установление справедливого экономического правопорядка, где ключевыми являются принципы суверенного равенства, невмешательства и взаимной выгоды [2]. Л.Н. Галенская подчеркивает тенденцию сближения международного публичного и частного права в МЭП, отмечая, что экономические отношения все чаще выходят за рамки межгосударственных взаимодействий и включают транснациональные элементы, регулируемые нормами, создаваемыми негосударственными акторами, такими как транснациональные корпорации [4]. М.М. Богуславский определяет МЭП как совокупность принципов и норм, направленных на регулирование экономических связей с учетом борьбы социалистических стран за равноправие в международной торговле и финансах, подчеркивая его роль в преодолении колониальных пе-

режитков [1]. В зарубежной литературе А. Лоуэнфельд рассматривает международное экономическое право, как совокупность трёх основных комплексов: международного торгового права, международного валютно-финансового права и международного инвестиционного права, подчёркивая, что каждое из этих направлений формирует свои институты и международные режимы [9]. Д. Джексон называет международное экономическое право «котельной» международных отношений, в которой создаются правила и институции, определяющие функционирование мировых рынков [8].

Структурно МЭП включает ряд подотраслей, отражающих основные направления международного экономического сотрудничества: международное торговое право, международное валютно-финансовое право, международное инвестиционное право, международное транспортное право, право научно-технического сотрудничества и другие [2, 12]. Каждая подотрасль формирует свои специфические институты, регулирующие отдельные группы отношений, например, международная экономическая ответственность, правосубъектность участников, правовые режимы объектов экономических отношений. При этом ключевыми принципами МЭП выступают суверенное равенство государств, свобода выбора форм экономического сотрудничества, недискриминация, взаимное уважение интересов и сотрудничество для развития [2, 12].

Трансграничный оборот ценных бумаг охватывает сразу несколько подотраслей МЭП. В международном финансовом праве ценные бумаги рассматриваются как средства привлечения капитала, а также как финансовые инструменты, обращение которых связано с валютными операциями, международными кредитами, расчётами и механизмами снижения рисков. В международном инвестиционном праве ценные бумаги выступают формой инвестиций, а их трансграничный оборот – механизмом движения капитала, которой должен обеспечивать правовую защиту инвесторов и урегулировать споры, связанные с нарушением прав держателей ценных бумаг. В международном торговом праве трансграничный оборот ценных бумаг связан с обращением финансовых услуг и доступом иностранных эмитентов на национальные рынки зарубежных государств, а многосторонние договоры и региональные соглашения об экономическом партнёрстве устанавливают рамки взаимного допуска финансовых учреждений и институтов, регулируют деятельность посредников. В рамках международных экономических интеграционных объединений формируются специализированные правовые режимы трансграничного допуска ценных бумаг, которые устраняют барьеры для взаимного признания проспектов эмиссии, гармонизируют требования к раскрытию информации, устанавливают взаимный доступ брокеров и депозитариев, способствуют взаимному признанию клиринговых организаций [5, 6].

Теория права рассматривает правовой институт как относительно обособленную совокупность взаимосвязанных норм, регулирующих однородный сегмент общественных отношений в рамках отрасли

права [13]. В отечественной доктрине выделяются следующие основные признаки правового института: во-первых, однородность регулируемых отношений, что обеспечивает содержательное единство института; во-вторых, внутренняя взаимосвязанность и устойчивость норм, складывающихся исторически или системно; в-третьих, относительная обособленность института в структуре отрасли права, проявляющаяся в его самостоятельном месте в законодательстве и научной классификации; в-четвертых, признание института в доктрине и практике [3, 7, 14]. Рассмотрим, каким образом эти признаки проявляются применительно к трансграничному обороту ценных бумаг, что позволяет квалифицировать его как институт международного экономического права.

1. Однородность регулируемых отношений.

Институт трансграничного оборота ценных бумаг охватывает специфический сегмент общественных отношений – выпуск, обращение, учёт и переход прав на ценные бумаги, осложнённые иностранным элементом. К ним относятся международные первичные и вторичные рынки, листинг ценных бумаг на зарубежных биржах, трансграничные размещения облигаций, операции с депозитарными расписками, переход прав через посредников и другие. Несмотря на многообразие форм, все эти отношения однородны по своей сути, так как связаны с трансграничным движением капитала в форме ценных бумаг.

2. Внутренняя взаимосвязанность и устойчивость норм.

Трансграничный оборот ценных бумаг опирается на систему источников, образующих целостный комплекс регулирования. Универсальные договоры составляют материально-правовой «каркас» института, акты «мягкого права» задают стандарты надзора и функционирования инфраструктуры, а региональные документы интеграционных объединений конкретизируют и обеспечивают практическую реализацию. Наконец, национальные законы имплементируют международные нормы во внутреннюю систему. Взаимосвязь этих уровней формирует устойчивую нормативную структуру, однако требует выработки унифицированных норм с учетом происходящего в XXI веке процесса цифровизации и возникновением новых финансовых инструментов.

3. Относительная обособленность в структуре отрасли.

Трансграничный оборот ценных бумаг не относится полностью ни к одной из подотраслей МЭП. Как отмечается в доктрине, он тесно связан с несколькими подотраслями одновременно – наличие собственного массива источников, принципов и инфраструктуры придаёт институту относительную самостоятельность и таким образом трансграничный оборот ценных бумаг можно рассматривать как межподотраслевой институт МЭП, объединяющий его элементы.

4. Признание института в доктрине и практике.

Исследования в области международного экономического права всё чаще выделяют трансграничный оборот ценных бумаг как самостоятельный объект научного анализа [3, 7]. Международные организации создают проекты унификационных актов и международные стандарты, а наднациональные органы разрабатывают специализированные нормативные правовые акты. Признание отражается и в национальных законодательствах, где вопросы трансграничного допуска и учета ценных бумаг выделяются в самостоятельные блоки [6]. Из этого следует, что в доктрине и на практике трансграничный оборот ценных бумаг рассматривается как самостоятельный институт.

Заключение. Ценные бумаги и их трансграничный оборот как элементы международного правового регулирования занимают особое место в системе МЭП, преимущественно в подотраслях международного инвестиционного и валютно-финансового права, где ценные бумаги – это объект регулирования, а трансграничный оборот ценных бумаг – межподотраслевой институт МЭП, такой вывод позволяют сделать исследования в области международного экономического права. Трансграничный оборот ценных бумаг соответствует всем доктринальным признакам института международного экономического права: он предметно однороден, обладает самостоятельной системой источников, методов и принципов, институциональной инфраструктурой, а также функционирует на нескольких уровнях регулирования – универсальном, региональном и национальном. Благодаря межподотраслевому характеру он занимает особое место в структуре МЭП, российская доктрина видит в нём неотъемлемый элемент финансового суверенитета и важный компонент экономической интеграции, а зарубежные исследователи подчёркивают его роль в поддержании устойчивости мировой финансовой системы в целом. Всё это позволяет утверждать, что трансграничный оборот ценных бумаг закрепился в качестве самостоятельного и значимого института международного экономического права, отражающего баланс между финансово-правовым суверенитетом государств и объективной необходимостью международной унификации с учётом новых вызовов XXI века.

Литература

1. Богуславский М.М. Международное экономическое право. – Москва : Международные отношения, 1986. – 303 с.
2. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс: Академический курс. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 477 с.
3. Вуд, П. Право и практика международных финансов. – Лондон: Свит и Максвелл, 2008. – 600с.
4. Галенская, Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений : монография / Л. Н. Галенская. - Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. - 316 с.

5. Гришин Л.П. Новый этап евразийской экономической интеграции: Соглашение ЕАЭС о трансграничном допуске ценных бумаг 2025 года // Юридическая наука. – 2025. – № 6. – С. 209–213.

6. Гришин Л.П. Роль международных организаций и объединений в формировании новой системы учёта ценных бумаг при совершении трансграничных операций // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 12(199). – С. 102–103.

7. Дэйви У.Дж., Джексон Дж.Х. Будущее международного экономического права. – Оксфорд : Изд-во Оксфордского университета, 2008. – 336 с. – (Серия «Международное экономическое право»).

8. Джексон Х. Международное экономическое право: размышления о «котельной» международных отношений // Американское университетское обозрение международного права. – 1995. – Т. 10, № 2. – С. 595-606.

9. Лоуэнфельд, А.Ф. Международное экономическое право. – 2-е изд. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2008. – 1072 с.

10. Лунц Л. А. Курс международного частного права В 3 т. / Л. А. Лунц; [Вступ. ст. Н. И. Марышевой, А. И. Минакова]. — М. : Спарк, 2002. — 1007 с.; 22.

11. Международное право: учебник для бакалавров / М. Н. Копылов, А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин [и др.] ; под ред. Р. М. Валеева, Г. М. Курдюкова. - Москва : Статут, 2017. - 496 с.

12. Международное экономическое право : учебник для вузов / В. М. Шумилов, И. В. Гудков, К. С. Мауленов, Ю. В. Шумилов ; под редакцией В. М. Шумилова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 545 с.

13. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [С.С. Алексеев, С.И. Архипов, Г.В. Игнатенко и др.] ; отв. ред. В.Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 484 с.

14. Толочко О.Н. Международное экономическое право и его место в системе правового регулирования международных экономических отношений. Московский журнал международного права. 2013;(1):73-91.

15. Тункин Г.И. Теория международного права. – Москва.: Международные отношения, 1970. – 570 с.

Cross-Border Turnover of Securities as an Institution of International Economic Law

Grishin L.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the cross-border turnover of securities as an independent institution of international economic law. It argues that international economic law, which has emerged in response to the processes of globalization and regional integration, represents a complex of legal norms and institutions combining public-law and private-law elements. Based on Russian and foreign doctrine, the features of a legal institution are analyzed. The article concludes that the cross-border turnover of securities meets the criteria of a legal institution and has established itself as an autonomous and significant element of international economic law. It is further concluded that, under the conditions of globalization and digitalization of financial markets, the cross-border turnover of securities requires improvement and further development of legal regulation, taking into account the emergence of new digital forms of securities.

Keywords: securities, international economic law, legal institution, cross-border turnover.

References

1. Boguslavsky, M.M. International Economic Law. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1986. – 303 p.
2. Velyaminov, G.M. International Economic Law and Process: Academic Course. – Moscow: Wolters Kluwer, 2004. – 477 p.

3. Wood, P. Law and Practice of International Finance. – London: Sweet & Maxwell, 2008. – 600 p.
4. Galenskaya, L.N. Legal Regulation of Transnational Relations: Monograph. – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2022. – 316 p.
5. Grishin, L.P. A New Stage of Eurasian Economic Integration: The 2025 EAEU Agreement on Cross-Border Admission of Securities // Legal Science. – 2025. – No. 6. – P. 209–213.
6. Grishin, L.P. The Role of International Organizations and Associations in the Formation of a New System of Securities Accounting in Cross-Border Transactions // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 12 (199). – P. 102–103.
7. Davey, W.J., Jackson, J.H. The Future of International Economic Law. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 336 p. – (International Economic Law Series).
8. Jackson, J.H. International Economic Law: Reflections on the “Boilerroom” of International Relations // American University International Law Review. – 1995. – Vol. 10, No. 2. – P. 595–606.
9. Lowenfeld, A.F. International Economic Law. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1072 p.
10. Lunts, L.A. Course of Private International Law: in 3 Volumes / Introductory article by N.I. Marysheva, A.I. Minakov. – Moscow: Spark, 2002. – 1007 p.
11. International Law: Textbook for Bachelors / M.N. Kopylov, A.Kh. Abashidze, A.I. Abdullin [et al.]; eds. R.M. Valeev, G.M. Kurdyukov. – Moscow: Statut, 2017. – 496 p.
12. Shumilov, V.M., Gudkov, I.V., Maulenov, K.S., Shumilov, Yu.V. International Economic Law: University Textbook / ed. by V.M. Shumilov. – 7th ed., rev. and enl. – Moscow: Yurayt Publishing, 2019. – 545 p.
13. Theory of State and Law: Textbook for Law Students / [S.S. Alekseev, S.I. Arkhipov, G.V. Ignatenko et al.]; ed. V.D. Perevalov. – 3rd ed., rev. and enl. – Moscow: Norma, 2004. – 484 p.
14. Tolochko, O.N. International Economic Law and Its Place in the System of Legal Regulation of International Economic Relations // Moscow Journal of International Law. – 2013. – No. 1. – P. 73–91.
15. Tunkin, G.I. Theory of International Law. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1970. – 570 p.

Гарантии разрешения международных инвестиционных споров во вьетнамских международных инвестиционных договорах

Дао Ле Минь Чанг

аспирант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, trangdaoleminh@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ положений о разрешении споров в новом и старом поколении международных инвестиционных соглашений Вьетнама. В статье подробно анализируется модель разрешения инвестиционных споров в международном инвестиционном соглашении между ЕС и Вьетнамом. На основе этого анализа автор приходит к выводу, что в настоящее время во Вьетнаме сформировались три основные модели регулирования инвестиционных споров между государством и инвестором. К ним относятся: 1) Классическая (традиционная) система, основанная на механизме международного арбитража; 2) Эволюционная (прогрессивная) система, включающая элементы апелляции и альтернативных методов разрешения споров; и 3. Система с отсутствием прямых механизмов урегулирования споров между инвестором и государством, предполагающая разрешение споров исключительно через дипломатические каналы или национальные судебные инстанции. Данная типология отражает поиск Вьетнамом баланса между защитой инвестиций и сохранением регуляторного пространства в условиях реформы международного инвестиционного арбитража.

Ключевые слова: Иностранные инвестиции, Соглашение о свободной торговле, двусторонние соглашения о поощрении и защите инвестиций, механизм разрешения инвестиционных споров

Классические двусторонние инвестиционные соглашения (СПЗКВ) Вьетнама, как правило, предусматривают двухэтапный механизм разрешения споров между инвестором и государством. Первый этап представляет собой обязательный досудебный период консультаций и переговоров продолжительностью от трех до шести месяцев. В случае его неудачи спор по выбору инвестора может быть передан на разрешение в компетентный государственный суд, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) или арбитраж *ad hoc* по регламенту ЮНСИТРАЛ.

Можно видеть, что урегулирование путем переговоров или примирительной процедуры не является обязательным. Иностранные инвесторы могут предпочесть иностранный арбитраж в рамках международного договора, а не внутреннее судебное разбирательство из-за ограниченной полезности национальных судов [8]. Однако согласно Закону СРВ «Об инвестициях» 2020 г. спорящие стороны должны попытаться урегулировать спор путем переговоров и посредничества, прежде чем обращаться в суд или арбитраж для окончательного разрешения. Противоречие между механизмом урегулирования споров в СПЗКВ классического поколения и действующим законодательством Вьетнама позволяет иностранным инвесторам напрямую обращаться в международный арбитраж с помощью более старых СПЗКВ вместо использования альтернативных (новых) инвестиционных соглашений.

Не во всех вьетнамских инвестиционных соглашениях прошлого поколения содержится условие о «fork-in-the-road». В некоторых вьетнамских СПЗКВ предусмотрено положение о том, что выбор между компетентным судом или арбитражем *ad hoc* является окончательным [4]. Инвестор в соответствии с Инвестиционным соглашением АСЕАН — Китай (2009) имеет право по своему усмотрению обратиться в компетентный национальный суд; вместе с тем сохраняется возможность международного урегулирования соответствующего спора, при условии, что соответствующий инвестор отозвал свое исковое заявление из национального суда до вынесения окончательного решения по делу [5]. В случае Вьетнама, после того как инвестор передал спор на рассмотрение соответствующих компетентных судов или административных трибуналов либо прибег к одной из арбитражных процедур [в соответствии с Вашингтонской конвенцией и Арбитражным регламентом Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (Вашингтон, США) (МЦУИС), Правилами дополнительной процедуры

МЦУИС, Арбитражным регламентом Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) или по соглашению сторон любым другим арбитражным регламентом], выбор такой процедуры является окончательным. Очевидно, что на этом этапе иностранным инвесторам во Вьетнаме не предлагается иного уровня гибкости.

Урегулирование споров между Россией и Вьетнамом основано на СПЗКВ между Российской Федерацией и Вьетнамом (1994) и Соглашение о зоне свободной торговле между государствами — членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам 2015 г (ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом (2015)), которые базируются на традиционных подходах. Все российские инвестиционные соглашения предусматривают традиционные механизмы разрешения инвестиционных споров [14].

Таким образом, слабые стороны урегулирования споров согласно классическим СПЗКВ следующие: 1) конфликт компетенций между различными механизмами разрешения споров; 2) отсутствие регулирования процедуры примирения, консультаций и переговоров между сторонами спора; 3) некоторые процедурные вопросы, такие как продолжительность процесса урегулирования споров, обязательство проигравшей стороны оплатить судебные издержки; 4) отсутствие прозрачности: разрешение споров в рамках инвестиционного арбитража не предается огласке. Кроме того, третейские суды создаются отдельно для каждого конкретного случая по просьбе сторон спора под эгидой таких традиционных арбитражных учреждений, как МЦУИС, Международная торговая палата (МТП), Постоянная палата третейского суда (ППТС), что приводит к тому, что арбитражные решения не отличаются последовательностью и не носят систематического характера (Примером может служить спор по поводу зонтичной оговорки). Арбитры, избранные с использованием традиционных СПЗКВ, как правило, симпатизируют сторонам, которые их выбрали, и работают на благо последних, чтобы впоследствии добиться большего успеха в своей собственной работе, тогда как они должны действовать как нейтральные лица [9]. Для такой развивающейся страны, как Вьетнам, расходы на арбитраж оказываются чрезмерно высокими в силу необходимости привлечения иностранных юристов для защиты государственных интересов в международных инвестиционных спорах.

Международные инвестиционные соглашения нового поколения. Наиболее заметной особенностью раздела об инвестициях во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) является отсутствие механизма урегулирования споров между инвесторами и государством.

Обычно первым шагом в разрешении споров является отдача приоритета переговорам и консультациям (Пункт 1 ст. 8.38 ЕАЭС — Вьетнам ЗСТ непосредственно касается переговоров, а статья 9.18 Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о

Транстихоокеанском партнерстве 2018 (ВПТТП) — переговоров и консультаций).

На случай, если инвестиционный спор не был урегулирован, регулирование выбора юрисдикции в международных договорах различается: инвестор может избрать для разрешения спора национальный суд или арбитраж (п. 3 ст. 8.38 ЕАЭС — Вьетнам ЗСТ) либо только арбитраж (п. 4 ст. 9.19 ВПТТП).

В целом ВПТТП по-прежнему придерживается арбитража как подходящего механизма разрешения споров между инвесторами. ВПТТП содержит только один пункт, требующий от сторон договора рассмотреть вопрос о выборе будущих механизмов обжалования (п. 11 ст. 9.23). Такое регулирование обеспечивает надлежащий баланс между защитой иностранных инвесторов, последовательностью в принятии решений и контролем со стороны договаривающихся сторон.

Следует отметить особый момент касательно ВПТТП: в дополнительном соглашении о механизме урегулирования споров между Вьетнамом и Новой Зеландией стороны договорились не использовать указанный механизм при разрешении споров между инвесторами и правительствами обеих сторон. В частности, в случае возникновения спора инвесторы и правительство будут добросовестно разрешать его путем консультаций и переговоров. Однако если спор не будет урегулирован в такой форме в течение шести месяцев, то инвестор может обратиться с просьбой об арбитраже, но это должно быть одобрено правительством принимающей страны (Вьетнама или Новой Зеландии) [3]. Это означает, что, даже если спор не может быть разрешен путем консультаций и переговоров, арбитраж как механизм его урегулирования не используется автоматически, а должен быть согласован со страной, в отношении которой предъявляется требование.

Суд ЕС заявил, что есть два вопроса, для решения которых ЕС не обладает отдельной юрисдикцией, а именно соглашения, касающиеся прямых инвестиций, и вопросы, касающиеся урегулирования споров между инвестором и получателем инвестиций [7]. Следовательно, двусторонние инвестиционные соглашения с третьими странами должны постепенно заменяться инвестиционными соглашениями с ЕС [2]. Разрешение споров между инвестором и государством в рамках ЕС в рамках арбитража противоречит праву ЕС. Это привело к подписанию ЕС и Вьетнамом соглашения, предусматривающего новый механизм урегулирования споров.

1. В соответствии с Соглашение о защите инвестиций между ЕС и Вьетнамом 2019 (ЕС — Вьетнам СИИ) спор должен, насколько это возможно, разрешаться мирным путем с помощью переговоров или медиация (negotiations or mediation) и по возможности до подачи запроса о консультациях в соответствии со ст. 3.30 (Консультации). Положения о консультациях по ЕС — Вьетнам СИИ очень специфичны в отношении содержания спора, запроса на консультации, места их проведения, временных ограничений, процесса подачи заявки, чтобы избежать того, что иностранный инвестор, а также

страна окажутся в трудной ситуации без решения проблемы.

2. Основным достижением ЕС — Вьетнам СЗИ является механизм медиации (ст. 3.31) для разрешения споров между инвесторами и сторонами с чрезвычайно подробными процедурами, распоряжением, а также стандартами безопасности или прозрачности в процессе разрешения споров для согласования инвестиций в Приложении 10. ЕС — Вьетнам СЗИ предусматривает принцип конфиденциальности на этапах примирения, за исключением информации о процедуре примирения, проводимой между сторонами. ЕС — Вьетнам СЗИ допускает обнародование соглашений сторон, но право принимать решение о предании гласности такой информации предоставляется стране, в которой ведется спор, без упоминания инвестора. Статья 4.6 Приложения 10 к ЕС — Вьетнам СЗИ предусматривает, что ЕС, государство — член ЕС или Вьетнам, выступая в качестве стороны согласительной процедуры, могут публично заключить соглашение о согласительной процедуре при условии сохранения конфиденциальности информации, обозначенной как конфиденциальная или охраняемая. Другими словами, это привилегия, предоставленная государству, и инвестору не разрешается разглашать содержание медиативного соглашения.

3. Если спор не может быть урегулирован в течение 90 дней с момента подачи запроса на консультации, инвестор может направить уведомление о намерениях, в котором в письменной форме должно быть указано намерение направить претензию для урегулирования спора (ст. 3.32 ЕС — Вьетнам СЗИ). Как предусмотрено в ст. 3.35 ЕС — Вьетнам СЗИ, претензия может быть подана в Арбитражный суд в соответствии с настоящим разделом только в том случае, если она удовлетворяет требованиям о выдержке. Это указывает на обязательный характер данного положения для стороны; если инвестор и государство не участвуют в переговорах и посредничестве, то арбитражный суд не примет дело к рассмотрению. Такая обязательная формулировка служит как гарантией, так и содействием потенциальному мирному урегулированию [13].

4. Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом (СЗИ) учреждает усовершенствованный механизм разрешения споров между инвестором и государством. В отличие от классических договоров, предусматривавших короткие сроки, СЗИ устанавливает более длительные процедурные этапы: инвестор вправе инициировать арбитраж спустя шесть месяцев с начала консультаций и минимум три месяца после уведомления о намерении подать иск. Данный период обеспечивает сторонам возможность для подготовки, способствуя как интересам инвестора, так и государства.

Арбитражный процесс может осуществляться по правилам МЦУИС, ЮНСИТРАЛ или иным согласованным регламентом. Ключевым нововведением является создание двухуровневой системы: трибунала первой инстанции и апелляционного органа, что представляет собой гибрид арбитража и класси-

ческого суда. Состав трибунала строго регламентирован: в него входят гражданин ЕС, гражданин Вьетнама и председатель — гражданин третьей страны. К членам трибунала предъявляются высокие квалификационные требования, включая экспертизу в области международного публичного и инвестиционного права.

Несмотря на институциональные преимущества, такие как постоянный состав арбитров, обеспечивающий качество и последовательность решений, вьетнамские исследователи указывают на структурные вызовы для развивающихся стран. Ограниченность национальных кадров, соответствующих столь высоким требованиям, ставит Вьетнам в заведомо невыгодное положение по сравнению с пулом экспертов из ЕС. Более того, даже право назначить своего арбитра может быть нивелировано из-за нехватки квалифицированных кандидатов, что вынуждает сторону делегировать это право третьим лицам и, как следствие, терять процессуальное преимущество.

Таким образом, хотя механизм СЗИ ЕС-Вьетнам теоретически направлен на создание сбалансированной и справедливой системы, на практике сохраняется «пропасть» между развитыми и развивающимися странами. Она проявляется не в нормах соглашения, а в неравной способности сторон эффективно их использовать, что подтверждается выводом вьетнамских авторов о недостатке местных специалистов в области механизма разрешения споров между инвестором и государством.

5. Наиболее характерной чертой ЕС — Вьетнам СЗИ является апелляционный трибунал. В соответствии со ст. 3.54 ЕС — Вьетнам СЗИ любая из сторон спора может обжаловать предварительное арбитражное решение в апелляционном трибунале в течение 90 дней с момента его вынесения. Основаниями для обжалования являются:

а) то, что арбитражный суд допустил ошибку в толковании или применении применимого законодательства;

б) то, что арбитражный суд допустил явную ошибку в оценке фактов, включая оценку соответствующего внутреннего законодательства; или

с) основания, которые предусмотрены в ст. 52 Вашингтонской конвенцией, в той мере, в какой они не охватываются подпунктами (а) и (б).

Если апелляционный трибунал сочтет, что жалоба является обоснованной, он своим решением полностью или частично изменяет или отменяет юридические выводы, содержащиеся в предварительном арбитражном решении (п. 3 ст. 3.54 ЕС — Вьетнам СЗИ). Это противоречит полной отмене арбитражного решения, как это предусмотрено в процессе аннулирования по Вашингтонской конвенции. Н. Н. Викторова в отношении аннулирования арбитражных решений в соответствии с названной Конвенцией указала следующее: «Следует иметь в виду, что отмена арбитражного решения означает, что обязательная сила отмененной части решения прекращена. Тем не менее решение об отмене не заменяет собой арбитражное решение. Каким же правовым статусом обладает решение об отмене

арбитражного решения? Оно не является арбитражным решением и не может быть отменено. Но его можно приравнять к арбитражному решению с точки зрения его обязательной юридической силы, признания и исполнения» [1]. Таким образом, ЕС — Вьетнам СЗИ предоставило апелляционному трибуналу более широкие полномочия, чтобы, по сути, предусмотреть полный спектр возможных способов обжалования или оспаривания арбитражного решения.

6. ЕС — Вьетнам СЗИ устанавливает особый режим принудительного исполнения решений по инвестиционным спорам. В соответствии со ст. 3.57 СЗИ, решение арбитража обладает на территории сторон юридической силой, равной силе решения национального суда, и не подлежит пересмотру. Данная норма вступила в коллизию с общим порядком исполнения иностранных арбитражных решений во Вьетнаме, регламентированным Гражданским процессуальным кодексом (ГПК) 2015 г., который предусматривает процедуру признания и исчерпывающие основания для отказа (ст. 459 ГПК).

Для имплементации обязательств по СЗИ и обеспечения принципа прямого исполнения Вьетнам принял Специальное постановление № 113/2020/QН14. Согласно ему, окончательное и подлежащее исполнению решение органа по разрешению инвестиционных споров в рамках СЗИ приравнивается к решению национального суда (ст. 1). Однако критически важным является переходный период, установленный ст. 3.40 СЗИ.

В течение пяти лет с даты вступления соглашения в силу (до 1 августа 2025 г.) решения, вынесенные по спорам, не связанным с налоговыми мерами, не считаются решениями в смысле СЗИ. В этот период продолжают действовать старые двусторонние инвестиционные договоры между Вьетнамом и государствами — членами ЕС. Следовательно, решения, вынесенные на их основе, подлежат признанию и исполнению на общих основаниях в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г., а не в рамках упрощенного режима, предусмотренного СЗИ и Постановлением № 113.

7. Поведение иностранных инвесторов, злоупотребляющих инвестиционными соглашениями [6], чрезвычайно разнообразно, что негативно сказывается на принимающей стране, а также приводит к большим затратам и длительности судебных разбирательств. ЕС — Вьетнам СЗИ внедряет механизмы для рассмотрения и исключения необоснованных претензий или злоупотребления арбитражным разбирательством, такие как механизм предотвращения дублирования производств (*concurring proceedings*) (приложение 12), непередача дела в суды первой инстанции (ст. 3.34). Чтобы не допустить предъявления государству нескольких исков одновременно по одному и тому же спору, инвестиционные соглашения ЕС — Вьетнам СЗИ оговаривают право инвестора на предъявление иска, а применительно к арбитражу — отказ в юрисдикции в случае, если такой спор рассматривается в национальных судах, национальных административных органах или других учреждениях. В настоящее

время соглашения о свободной торговле нового поколения, участником которых является Вьетнам, как правило, не включают этот метод, а также содержат положения, позволяющие избежать повторной подачи исков по одному и тому же юридическому вопросу.

8. Кроме того, ЕС — Вьетнам СЗИ предусматривает регулирование расходов по судебному иску (*security for cost*), в соответствии с которым инвестор должен обеспечить все или часть расходов, если есть разумные основания полагать, что истец рискует оказаться не в состоянии выполнить возможное решение о расходах, вынесенное против него; если не будет предоставлено никаких гарантий в отношении расходов, арбитражный суд может приостановить или прекратить разбирательство (ст. 3.48). Можно видеть, что данное положение является выгодным для Вьетнама, когда расходы на разбирательство чрезвычайно велики; кроме того, вьетнамское правительство вынуждено нанимать иностранных юристов для участия в разрешении споров. ЕС — Вьетнам СЗИ также содержит четкое положение о финансировании третьей стороной в судебном процессе для защиты интересов инвесторов, где отмечается, что инвесторы могут получать финансовую помощь от третьих лиц. Однако, поскольку существуют различные виды внешнего финансирования, такие как договоры страхования, соглашения о выплате непредвиденных расходов и условных вознаграждений, а также займы финансовыми учреждениями, единого мнения относительно определения этого понятия нет ни в литературе, ни на практике [11]. В ЕС — Вьетнам СЗИ не уточняется, какой вид финансирования разрешается использовать. Некоторые утверждают, что получение финансирования от третьих лиц вряд ли будет выгодно Вьетнаму из-за поддержки со стороны крупных финансовых организаций, которые побуждают инвесторов предъявлять иски [12].

В то время как подход ЕС — Вьетнам СЗИ заключается в том, чтобы использовать Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров, ВПТТП предусматривает свои собственные положения о прозрачности. Хотя Вьетнам в настоящее время сохраняет конфиденциальность в отношении арбитражных разбирательств между инвесторами и государством, тот факт, что он взял на себя международные обязательства в отношении прозрачности, сулит такие преимущества, как усиление защиты общественных интересов, совершенствование управления и обеспечение права на информацию [10]. Чтобы инвесторы не злоупотребляли правом на подачу иска в соответствии с различными процедурами, ЕС — Вьетнам СЗИ и ВПТТП не допускают иск по спору, который уже рассматривался другими органами, а также требуют от сторон отказаться от права на подачу иска при признании арбитражной юрисдикции этих двух соглашений (*fork in road*).

Заключение

Вьетнамские международные инвестиционные соглашения демонстрируют три различные системы урегулирования споров между инвестором и государством:

1. Классическая (традиционная) система имеет следующие характеристики: 1) арбитраж ad hoc и национальный суд; 2) отсутствие апелляционного механизма; 3) назначение арбитров сторонами 4) отсутствие прозрачности.

2. Эволюционная (прогрессивная) система предусматривает следующие характеристики: 1) создание постоянного инвестиционного трибунала; 2) апелляционный механизм; 3) назначение судей; 4) прозрачность; 5) финансирование третьими лицами.

3. Система с отсутствием прямых механизмов урегулирования споров между инвестором и государством, предполагающая разрешение споров исключительно через дипломатические каналы или национальные судебные инстанции.

Данная типология отражает стратегический поиск Вьетнамом баланса между традиционными механизмами защиты инвестиций и современными вызовами, связанными с необходимостью обеспечения судебного суверенитета, повышения предсказуемости процедур и легитимации системы урегулирования споров между инвестором и государством в условиях ее глобального реформирования.

Литература

1. Викторова Н. Н. Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10.

2. Викторова Н. Н. Проблемы исполнения арбитражных решений по инвестиционным спорам в Европейском Союзе // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса: Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой / сост. и отв. ред. В. М. Жуйков, А. И. Щукин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2020.

3. Дополнительные документы, подписанные Новой Зеландией и Вьетнамом: ISDS от 08.03.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/CPTPP/New-Zealand-Viet-Nam-ISDS.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).

4. Agreement between the Government of the Argentine Republic and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments signed 03/06/1996.

5. Agreement on Investment of the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the People's Republic of China and the Association of Southeast Asian Nations signed 15/08/2009.

6. Baumgartner J. Chapter 7. Objections on grounds of an Abuse of Rights or Abuse of Process //

Treaty Shopping in International Investment Law. Oxford University Press, 2016.

7. Court of Justice of the European Union. Luxembourg, 16 May 2017. Opinion 2/15 [Электронный ресурс] // URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

8. Dolzer R., Kriebaum U., Schreuer Ch. Principles of International Investment Law. Oxford University Press, 2022.

9. Gaukrodger D., Gordon K. Investor-State Dispute Settlement: A Scoping Paper for the Investment Policy Community (December 15, 2012). OECD Working Paper No. 2012/3 [Электронный ресурс] // URL: <https://ssrn.com/abstract=2207366> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2207366> (дата обращения: 09.09.2024).

10. Hai Yen Trinh, The Hoang Nguyen. Procedural transparency in the settlement of treaty-based investment disputes in EVIPA and CPTPP // Vietnamese Journal of Legal Sciences. 2020. Vol. 02. No. 01.

11. Kayalı D. Third-Party Funding in Investment Arbitration: How to Define and Disclose It [Электронный ресурс] // ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. 2023. Vol. 38. Issue 1 // URL: <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siac013> (дата обращения: 09.09.2024).

12. Nguyễn Thị Lan Hương — Lê Trần Quốc Công. Cơ chế giải quyết tranh chấp đầu tư trong khuôn khổ Hiệp định tự do thương mại — đầu tư Việt Nam — EU (EVFTA) — Một số vấn đề cần lưu ý // Tạp chí Khoa học pháp lý Việt Nam số 08/2019 (129)/2019, 2019.

13. Nguyen Thi Lan Huong, Hoang Thi Khanh Hien. Enhancing investor-state dispute resolution: suggestions to optimize the effectiveness of cooling-off clauses in International Investment Agreement Negotiations // Vietnamese Journal of Legal Sciences. 2024. Vol. 10. No. 01.

14. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/175/russian-federation> (дата обращения: 09.09.2024).

Guarantees for the resolution of international investment disputes in Vietnamese international investment treaties

Dao Le Minh Trang

Kutafin Moscow State Law University

The article provides a comparative analysis of dispute resolution provisions in the new and old generation of international investment agreements in Vietnam. The article details analysis of the model for resolving investment disputes in the international investment agreement between the EU and Vietnam. Based on this analysis, the author concludes that there are currently three main models for regulating investment disputes between the state and the investor in Vietnam. These include: 1) A classical (traditional) system based on the mechanism of international arbitration; 2) An evolutionary (progressive) system that includes elements of appeal and alternative dispute resolution methods; and 3) A system without direct investor-State dispute settlement mechanisms, where disputes are resolved exclusively through diplomatic protections or domestic courts. This typology reflects Vietnam's search for a balance between investment protection and preservation of the regulatory space in the context of the reform of international investment arbitration.

Keywords: Foreign investment, Free Trade Agreement, bilateral agreements on investment protection and promotion, investment dispute resolution mechanism.

References

1. Viktorova N. N. Ospirivanie arbitraznyh resenij po Vasingtonskoj konvencii 1965 g. [Annulment of Arbitration Awards under the ICSID Convention] // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MSAL). 2019. № 10.

2. Viktorova N. N. Problemy ispolnenija arbitraznyh resenij po investicionnym sporam v Evropejskom Sojuze [Problems of Enforcement of Investment Dispute Arbitration Awards in the European Union] // Aktualnye problemy mezdunarodnogo castnogo prava i mezdunarodnogo grazdanskogo processa: Liber Amicorum v cest zasluženogo dejatelja nauki Rossijskoj Federacii, doktora juridiceskih nauk N. I. Marysevoj / sost. i otv. red. V. M. Zujkov, A. I. Sukin ; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. M., 2020.
3. Additional documents signed by New Zealand and Vietnam: ISDS from 08.03.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/CPTPP/New-Zealand-Viet-Nam-ISDS.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).
4. Agreement between the Government of the Argentine Republic and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments signed 03/06/1996.
5. Agreement on Investment of the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the People's Republic of China and the Association of Southeast Asian Nations signed 15/08/2009.
6. Baumgartner J. Chapter 7. Objections on grounds of an Abuse of Rights or Abuse of Process // Treaty Shopping in International Investment Law. Oxford University Press, 2016.
7. Court of Justice of the European Union. Luxembourg, 16 May 2017. Opinion 2/15 [Электронный ресурс] // URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).
8. Dolzer R., Kriebaum U., Schreuer Ch. Principles of International Investment Law. Oxford University Press, 2022.
9. Gaukrodger D., Gordon K. Investor-State Dispute Settlement: A Scoping Paper for the Investment Policy Community (December 15, 2012). OECD Working Paper No. 2012/3 [Электронный ресурс] // URL: <https://ssrn.com/abstract=2207366> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2207366> (дата обращения: 09.09.2024).
10. Hai Yen Trinh, The Hoang Nguyen. Procedural transparency in the settlement of treaty-based investment disputes in EVIPA and CPTPP // Vietnamese Journal of Legal Sciences. 2020. Vol. 02. No. 01.
11. Kayali D. Third-Party Funding in Investment Arbitration: How to Define and Disclose It [Электронный ресурс] // ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. 2023. Vol. 38. Issue 1 // URL: <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siac013> (дата обращения: 09.09.2024).
12. Nguyễn Thị Lan Hương — Lê Trần Quốc Công. Cơ chế giải quyết tranh chấp đầu tư trong khuôn khổ Hiệp định tự do thương mại — đầu tư Việt Nam — EU (EVFTA) — Một số vấn đề cần lưu ý // Tạp chí Khoa học pháp lý Việt Nam số 08/2019 (129)/2019, 2019.
13. Nguyen Thi Lan Huong, Hoang Thi Khanh Hien. Enhancing investor-state dispute resolution: suggestions to optimize the effectiveness of cooling-off clauses in International Investment Agreement Negotiations // Vietnamese Journal of Legal Sciences. 2024. Vol. 10. No. 01.
14. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/175/russian-federation> (дата обращения: 09.09.2024).

Проблемы применения уголовного права в сфере энергетики

Клюев Виталий Владимирович

кандидат юридических наук, профессор кафедры «Морское право и международное право», Российский Университет транспорта, vitaly140962@gmail.com

Харченко Дарья Витальевна

учитель, ГБОУ школа 1502 «Энергия», dariakhvt@icloud.com

В статье проанализированы уголовно-правовые и криминологические проблемы оборота электроэнергии как социально значимого и уязвимого ресурса: выявлены нормативная фрагментация и коллизии при квалификации неучтённого потребления и самовольных подключений (в частности споры о соотношении ст. 165 и ст. 158 УК РФ), доказательные трудности при установлении объёма похищенной энергии и причинно-следственной связи, а также институциональные барьеры во взаимодействии правоохранительных органов, регуляторов и ресурсоснабжающих организаций. Методологически исследование опирается на формально-правовой, сравнительно-правовой, криминалистический и контент-анализ практики, что позволило предложить комплекс мер: законодательное уточнение квалификации (включая возможность специальной нормы), унификацию методик расчёта ущерба и стандартизацию судебно-технических и экономических экспертиз, создание межведомственных следственно-экспертных механизмов и превентивных технических решений (защищённые счётчики, распределённые реестры), направленных на повышение предсказуемости правоприменения и доказательной устойчивости при расследовании преступлений в электроэнергетике.

Ключевые слова: энергетика, уголовное право, энергетическое право электроэнергетика, уголовное преступление в энергетике

Введение

Актуальность исследования определяется нарастанием правовой и криминологической напряжённости в области оборота и охраны энергетических ресурсов, где электроэнергетика выступает как инфраструктура с высокой степенью социально-экономической значимости и уязвимости: масштабность неучтённого потребления, техническая сложность установления объёмов хищения электроэнергии, частота конфликтов между гражданско-правовыми, административными и уголовно-правовыми процедурами, а также устойчивость коррупционно-организованных схем при реализации государственных программ [1]. Предметом исследования являются уголовные преступления в сфере энергетики с ограничением рамок исследования вопросами электроэнергетики (неучтённое потребление, самовольные подключения, подделка приборов учёта и иные составы, соприкасающиеся с оборотом электроэнергии).

Цель исследования – разработать обоснованные научно-практические рекомендации по разграничению уголовно-правовых составов и унификации экспертиз для повышения предсказуемости и доказательной устойчивости правоприменения в электроэнергетике. Задачи исследования соответствуют структуре статьи и включают: 1) системный анализ нормативно-правовой базы и выявление нормативных коллизий; 2) обзор и критическую оценку современной научной доктрины по проблеме квалификации неучтённого потребления электроэнергии; 3) эмпирический анализ отдельных уголовных дел как источника практических проблем и типичных схем преступлений; 4) идентификацию доказательных, институциональных и процессуальных проблем в применении ст. 165, 215.3 и 217.1 УК РФ; 5) формулирование предложений по методологической унификации расчёта ущерба, стандартизации судебно-технических и экономических экспертиз и по совершенствованию межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, регуляторами и ресурсоснабжающими организациями.

Методологическая основа исследования опирается на комплекс научных подходов и методов, адекватных сложности предмета: нормативно-правовой (формально-юридический) анализ для систематизации и критики действующих норм и их иерархий; сравнительно-правовой метод для сопоставления правоприменительной практики и доктринальных позиций в отношении разграничения ст. 165 и ст. 158 УК РФ; криминалистический и судебно-экспертный подходы для выработки требований к электроизмерительным и экономико-техническим экспертизам; метод контентанализа судебных актов и материалов уголовных дел для выявления типичных процессуальных и доказательных пробелов; а

также системный и институциональный подходы для обоснования мер по организации межведомственного взаимодействия и превентивных технических решений (внедрение защищённых счётчиков, распределённых реестров, аудиторских процедур).

Нормативно-правовая база в области уголовных преступлений в сфере энергетики

Нормативно-правовое регулирование преступлений в сфере энергетики формируется как совокупность элементов, в которой общие принципы безопасности объектов топливно-энергетического комплекса (далее также ТЭК) и режимные правила функционирования энергорынков обеспечивают материал для квалификации составов преступлений, закреплённых в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее также УК РФ).

Федеральный закон №256ФЗ «О безопасности объектов ТЭК» [2] задаёт правовую рамку и содержательно определяет объекты, требования к их защите, а постановление Правительства РФ №442 регламентирует допустимые правовые основания и механизмы ограничения потребления электроэнергии и функционирования розничного рынка [3]. Вместе с межведомственным приказом о едином учёте преступлений акты помогают определить сферу действия уголовного регулирования и места сопоставления уголовноправовых и административных механизмов реакции. Однако ключ к применению ответственных статей УК РФ [4] – анализ признаков конкретного преступления:

объективной стороны (действие/бездействие, последствия, способ);

субъективной стороны (умысел или неосторожность);

объекта;

субъекта;

квалифицирующих признаков.

Именно на эти элементы судебная практика и криминалистическая экспертиза обращают первоочередное внимание при квалификации деяний в энергетической сфере.

Статья 165 УК РФ охватывает хищение электроэнергии с признаками особо крупного и крупного размеров и предъявляет специфические трудности для квалификации: деяние может совершаться как путём прямого отсоединения от сетей, так и посредством манипуляций с приборами учёта или злоупотреблений с договорными отношениями. Объективная сторона содержит элемент лишения собственника экономических ресурсов – фактическое изъятие энергии (посредством самовольного подключения, подделки учёта и т.п.), при этом для уголовного преследования критически важна доказательная оценка реального ущерба или объёма похищенной энергии, требуя специальных экспертиз по электроизмерениям и экономической оценке. Субъектом является обычно дееспособное лицо (физическое лицо или, при наличии предусмотренных законом условий, должностное лицо), субъективная сторона в большинстве случаев характеризуется прямым умыслом – осознанием и желанием незаконного приобретения электрической энергии, что отличает

состав от административных правонарушений. Одновременно возможна квалификация по смежным статьям (мошенничество, злоупотребление доверием) при использовании фиктивной документации.

Практические проблемы уголовного права: определение границ крупного и особо крупного размеров, которые законодательно коррелируют с величинами материального ущерба и периодически индексируются нормативными актами, а также необходимость соотнесения технических отчётов энергокомпаний с независимыми экспертизами для подтверждения умысла и объёма хищения.

Статья 215.3 УК РФ («Самовольное подключение и деяния против трубопроводов») нацелена на предотвращение специальных посяганий на инфраструктуру транспортировки углеводородного топлива – самовольные подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам и приведение их в негодность. Объективная сторона включает фактическое вмешательство в технологическую целостность трубопровода, создание аварийных режимов и возможность возникновения экологических и общественно опасных последствий. Субъективная сторона, как правило, предполагает прямой умысел на несанкционированное подключение либо умышленное выведение объекта из строя.

Статья 217.1 УК РФ («Ответственность за нарушение требований безопасности объектов ТЭК») восполняет пробел, касающийся нарушения норм обеспечения безопасности и антитеррористической защищённости объектов ТЭК: она конструктивно закрепляет ответственность за нормативные и организационнотехнические нарушения, повлекшие по неосторожности тяжкий вред здоровью или значительный материальный ущерб. В отличие от ст. 215.3, 217.1 ориентирована на должностную и организационную сферу, то есть на случаи, когда несоблюдение предписаний (инструкций, регламентов, мер защиты) не имело умысла, но в силу причинной связи с наступившими последствиями должно повлечь уголовную ответственность.

Современное рассмотрение проблемы в научных трудах

На данный момент рассматриваемая проблема широко освещена в научных трудах. Так, например, Трофимова А.А. и Ширманов Е.В. исследуют проблему уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к электросетям и неучтённого потребления электроэнергии, выявляя и систематизируя виды и технические методы незаконного подключения (бездоговорные и безучётные подключения, вмешательство в приборы учёта, использование магнитов, модифицированных счётчиков и т.п.), обсуждают методику расследования таких преступлений (обследование электроустановок, опросы, сопоставление объёмов потребления и выявление следов воздействия на приборы учёта, расчёт ущерба) и акцентируют проблематику квалификации деяний в условиях правовой неопределённости: с одной стороны – практика Верховного Суда РФ склоняет к квалификации по ст. 165 УК РФ как к причинению имущественного вреда путём обмана или

злоупотребления доверием, с другой – наличие скрытого, тайного характера действий и фактическое изъятие энергоресурса порождают спор о соотношении с признаками кражи по ст. 158 УК РФ [5].

Дополнительно авторы анализируют доктринальные затруднения, связанные с природой самой электроэнергии как нематериального блага и её отнесением к «иному имуществу», отмечают недостаточность существующих правовых и практических мер выявления и пресечения правонарушений в энергосекторе и поддерживают предложение о законодательно проявленной специальной норме (возможная ст. 165.1 УК РФ) и комплексных организационнотехнических мерах (совершенствование учёта, взаимодействие РСО и правоохранительных органов, профилактика и информирование), направленных на усиление ответственности и повышение эффективности защиты имущественных интересов поставщиков энергии.

Также Д.Ю. Гончаров и Д.Б. Чернышев исследуют проблему уголовно правовой квалификации преступлений бытового уровня в сфере жилищно-коммунального хозяйства, сосредотачиваясь на незаконном подключении к энергосетям и длительном неучтённом потреблении электроэнергии, и показывают, что массовость и общественное оправдание таких деяний обуславливают высокую социальную опасность и необходимость усиления правового реагирования [6]. Аналитически авторы выделяют родовую, видовую и непосредственный объекты посягания (общественные экономические отношения, отношения собственности и сама электроэнергия), описывают объективную сторону через тайное подключение и длительное безвозмездное потребление, а субъективную – как прямой корыстный умысел, и указывают на ясность субъекта (вменяемое физическое лицо).

При этом авторы детально рассматривают противоречия правоприменения: устойчивая позиция Пленума Верховного Суда РФ и сложившаяся практика склонны квалифицировать неучтённое потребление в результате вмешательства в приборы учёта по ст. 165 УК РФ (причинение имущественного вреда обманом), тогда как при тайном самовольном подключении характеристика деяния по факту соответствует признакам тайного хищения и логически сближается с кражей по ст. 158 УК РФ. Для обоснования этой точки зрения приводится сравнение с хищением из трубопроводов (газ/нефть), где идентичный способ доступа к материальному ресурсу и тайный характер завладения влекут квалификацию как кражу с учётом опасности способа, а различие в криминализации объясняется лишь дополнительными общественными рисками при повреждении трубопроводной инфраструктуры.

Д.Ю. Гончаров и Д.Б. Чернышев критикуют одностороннее применение ст. 165 УК РФ к самовольным подключениям, указывают на проблемные вопросы правовой природы электроэнергии как нематериального блага и её отнесения к «иному имуществу», отмечают практические дисбалансы (пороговые значения ущерба, возраст привлечения к ответ-

ственности) и предлагают конкретные правоприменительные и нормативные изменения: закрепить в п. 22 Постановления Пленума разграничение, оставив квалификацию по ст. 165 УК РФ для случаев искажения показаний приборов учёта при действующем договоре, а самовольные тайные подключения квалифицировать как кражу по ст. 158 УК РФ, аргументируя это совпадением объективных и субъективных признаков с кражей, необходимостью адекватного уголовно-правового реагирования на бытовые хищения и устранения нормативных пробелов, а также предлагают комплекс мер по усилению профилактики, взаимодействию ресурсоснабжающих организаций (РСО) и правоохранительных органов и совершенствованию системы учёта и контроля потребления электроэнергии.

В свою очередь, М.И. Минчинков рассматривает необходимость введения уголовной ответственности за незаконное использование электроэнергии и предлагает выделить самовольное (бездоговорное) подключение к энергосетям в отдельный состав — с применением правил, близких к кражи и настаивает на введении в УК РФ отдельного состава для незаконного (бездоговорного) потребления электроэнергии посредством несанкционированного подключения, применяя к нему правила, характерные для кражи, что устранил правовую неясность и позволит адекватнее реагировать на бытовые хищения энергии [7].

Таким образом, в научной литературе по проблеме незаконного использования электроэнергии консолидируются несколько взаимосвязанных тезисов: детальное описание видов и технических методов самовольных подключений и вмешательств в приборы учёта, развитие методик расследования (технические осмотры, сопоставительный анализ объёмов потребления, расчет ущерба и опросы), а также системный диспут о криминалистической и правовой квалификации таких деяний — спор между применением ст. 165 УК РФ (причинение имущественного вреда посредством обмана или злоупотребления доверием) и соотносением тайных подключений с признаками кражи по ст. 158 УК РФ. Параллельно обсуждаются доктринальные трудности, связанные с природой электроэнергии как нематериального блага и её отнесением к «иному имуществу», отмечаются массовый характер правонарушений, недостаточность учёта и превентивных мер и выдвигаются схожие практико-правовые решения — от законодательно оформленной отдельной нормы (например, ст. 165.1 УК РФ) до комплекса организационнотехнических мер (совершенствование систем учёта, взаимодействие РСО и правоохранительных органов, профилактика и информирование), направленных на устранение правовой неопределённости и повышение эффективности защиты имущественных интересов поставщиков энергии.

Анализ уголовных дел по проблеме

Дело № 152/2017 (приговор Шумихинского районного суда Курганской обл., 29.09.2017) [8]. Применимые нормы (по тексту приговора): ч. 1 ст. 201 УК

РФ (злоупотребление полномочиями — в тексте обозначено как преступление лиц, выполняющих управленческие функции), п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в особо крупном размере).

Дело касается гендиректора энергосбытовой организации, который, согласно материалам, заключил договор с гарантирующим поставщиком, скрывал фактические точки поставки и фактическое количество потребителей, систематически заключал договоры с физическими и юридическими лицами без согласования с собственником электроэнергии, продолжал поставки после расторжения договора, собирал оплату с потребителей и не перечислял деньги собственнику энергетического ресурса. Юридически это квалифицировано как злоупотребление полномочиями (управленец использовал предоставленные ему организационнораспорядительные функции вопреки интересам организации) и причинение имущественного вреда обманом/злоупотреблением доверием в особо крупном размере. Центральная проблематика — доказать умысел на сокрытие реальной картины и корыстный мотив, а также реальный объем ущерба, соотнесённый с обязанностью гарантирующего поставщика. По делу в материалах много документальных следов: подписанные дополнительные соглашения, реестры потребителей, расчеты объемов (кВт·ч), банковские поступления и распоряжения по расходованию средств. Значимым элементом стало то, что собранные средства были использованы не в интересах собственника электрической энергии, а в пользу третьих лиц, что подтверждает причинение реального материального ущерба.

По делу проявилась типичная для энергетики коллизия: гражданско-правовые споры о договорных отношениях (арбитражные решения о договорах, включении точек поставки, признании переходов потребителей) тесно переплетены с уголовной оценкой действий управленца. В защиту выдвигались аргументы о том, что энергосбыт уведомлял гарантирующего поставщика, но последний затягивал включение точек, тем самым создавая административнодоговорную проблему; у ответчика были документы и переписка, подтверждающие передачу сведений, а также факты, что гарантирующий поставщик сам предпринимал шаги, затруднявшие нормальное исполнение договора (двойные платёжки, возврат оплат, информационные кампании).

Это даёт защитнику возможность переqualифицировать дело в коммерческий спор или доказать отсутствие умысла. Для обвинения же проблемой остаётся точное установление ущерба: суммы, заявленные как особо крупные, зависят от расчётных объемов и ответственности сетевых организаций, от факта принятия/непринятия платежей гарантирующим поставщиком. Судебная практика показывает, что там, где имеется реальный спор о правомерности договорных условий и ошибках в расчётах, уголовная квалификация коммерческих рисков вызывает вопросы о «переqualификации» в гражданско-правовую ответственность.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления от 30.11.2017 № 48 предлагает квалифицировать неправомерное подключение к энергосетям как обман или злоупотребление доверием. В данном случае деяние квалифицируется схожим образом с врезкой в трубопровод. Сначала происходит несанкционированное подключение, затем — несанкционированное потребление. Вместе с тем в разъяснениях Верховного Суда содержится противоречие, ведь обман и злоупотребление доверием возможны при наличии каких-либо отношений между сторонами (в данном случае договорных), когда правонарушитель представляет заведомо ложные сведения либо пользуется сформировавшимся доверием. С этой точки зрения можно рассматривать только несанкционированное потребление электроэнергии в силу имеющегося договора, но не внедоговорное.

Судебная практика активно использует разъяснение Верховного Суда РФ. Так, вынесен обвинительный приговор по п. "б" ч. 2 ст. 165 УК РФ за совершение следующего деяния: собственник нежилого здания, в отношении которого полностью отключена электроэнергия, «с целью дальнейшего бездоговорного потребления электроэнергии в результате незаконного подключения к распределительному устройству», проникнув в трансформаторную подстанцию, подключился к электросетям и расходовал электроэнергию, вредя интересам собственника. Суд увидел признаки обмана [9].

Если провести аналогию с имуществом, например, лицо без согласия собственника заходит в его дом и выносит оттуда вещи, то очевидно, что речь идет вовсе не об обмане, а о тайном хищении. Представляется, единственная причина, почему суды квалифицируют «кражу» электроэнергии, как обман, — отсутствие признания ее имуществом. В противном случае были бы очевидны признаки хищения, а в рассматриваемом деле — с проникновением в помещение. Таким образом, квалификация незаконного потребления электроэнергии как обмана (ст. 165 УК РФ) — это некая юридическая фикция.

Несмотря на непризнание имуществом электроэнергии, источники, по которым она передается, носят вполне материальный характер, поэтому их хищение достаточно часто квалифицируется по совокупности статей 215.2 и 158 УК РФ. Именно таким образом суд квалифицировал хищение кабеля, подключенного к электросети. Защитник в апелляционной жалобе пытался обосновать единство умысла, направленного только на хищение. Осужденный доказывал, что в момент хищения кабель уже был уже отсоединен от электросети, а он не имеет необходимых познаний для отсоединения высоковольтного оборудования. Прокурор, не соглашаясь с доводами защиты подчеркнул, что норма ч. 1 ст. 215.2 УК РФ не является специальной по отношению к ч. 1 ст. 158 УК РФ. Суд с ним согласился, оставив жалобу без удовлетворения [10].

Аналогичным образом была квалифицирована кража провода А-25 с опор линий электропередач,

которая привела к их повреждению и обесточиванию домовладения (п. "а" ч. 2 ст. 215.2 и п. "а" ч. 2 ст. 158 УК РФ) [11].

Следует отметить, что в некоторых зарубежных странах, например, во Франции и в США (где понятие имущества рассматривается максимально широко) электроэнергия может становиться предметом хищения. В Великобритании преступления с предметом в виде электроэнергии выделяются в отдельную группу, не признаваясь хищениями [12]. Подобный подход российский законодатель использует в действующем КоАП РФ (гл. 9).

Проблемы и перспективы УК РФ в области уголовных преступлений в сфере энергетики

Существенной проблемой остаётся разграничение уголовной и административной ответственности: многие деяния сначала квалифицируются как административные нарушения режима эксплуатации или безопасности, и только при наличии вины и общественно-опасных последствий переводятся в плоскость УК РФ. Процедурно важно правильно определить субъектность (физическое лицо, должностное лицо, организация), собрать доказательства умысла или неосторожности, установить причинную связь и квалифицирующие признаки (крупный/особо крупный размер, тяжкий вред), а также рассмотреть применение комплексной квалификации (соединение статей УК РФ, обременение наказания отягчающими обстоятельствами).

В научно-аналитическом разрезе ключевые проблемы уголовного законодательства в отношении преступлений в сфере ТЭК носят системный и многослойный характер. Во-первых, нормативная фрагментация и правовая неопределённость — совокупность отраслевых актов (ФЗ №256, акты Правительства, постановления Пленума ВС и межведомственные приказы) создаёт набор правовых норм, в котором отсутствует чёткая иерархия и единый критерий отнесения конкретных деяний к тому или иному составу УК РФ. Практика демонстрирует постоянные коллизии между ст. 165 и ст. 158 УК РФ, то есть спор о квалификации неучтённого потребления и самовольных подключений отражает глубинную доктринальную проблему: может ли нематериальный по своей природе объект (электроэнергия) рассматриваться как «иное имущество» для целей классической кражи, и если да, то при каких условиях это должно вести к уголовной ответственности по тем или иным статьям.

Во-вторых, доказательная проблема: установление объёма похищенной энергии и причинно-следственной связи между техническим вмешательством и материальным ущербом требует высокопрофессиональных, стандартизованных электроизмерительных и экономико-технических экспертиз, которых в практике часто не хватает, что порождает риски как фальсифицированной криминализации хозяйственных споров, так и безнаказанности реальных посягательств.

В-третьих, институциональные и процессуальные сложности, включая пересечение уголовной,

административной и гражданско-правовой юрисдикций (арбитражные споры о правомерности договоров, спорные расчёты гарантирующих поставщиков, административные санкции).

Одновременно коррупционноорганизованные схемы и сложные корпоративные конструкции (примеры с хищением средств при госпрограммах) затрудняют выделение субъектных элементов, доказательство умысла и распределение ответственности в группе.

Перспективы решения проблем видятся в многоуровневой стратегии, сочетающей законодательную, экспертную, процессуальную и превентивно-техническую составляющие: на законодательном уровне необходимо чёткое разграничение составов — либо через введение специальной нормы (например, формально очерченной ст. 165.1 УК РФ) для самовольного (бездоговорного) подключения и неучтённого потребления с критериями для квалификации, приближенными к хищению, либо через принципиальное разъяснение Пленума Верховного Суда о разграничении случаев применения ст. 165 и ст. 158 с учётом объективных способов доступа и характера общественного вреда. Одновременно требуется регулярная индексация порогов крупного/особо крупного ущерба и методологическая унификация расчётов ущерба в нормативных актах.

На уровне правоохранительной практики и судебной экспертизы нужны стандартизированные методики судебно-технических и экономических проверок (протоколы обследования электроустановок, единые методики расчёта недопоставки кВт·ч, процедурные правила хранения и анализа данных счётчиков и телеметрии), а также создание специализированных следственно-экспертных подразделений, способных оперативно интегрировать техническую экспертизу, аудит договорных отношений и криминалистическое исследование финансовых потоков. В превентивной плоскости — усиление взаимодействия РСО, гарантирующих поставщиков и правоохранителей: внедрение современных цифровых счётчиков с криптографической защитой показаний, применение распределённых реестров для прослеживаемости поставок и платежей, обязательные независимые аудиты госзакупок и проектной реализации с протоколированием этапов.

Для повышения эффективности правоприменения рекомендуется усилить типизацию технических стандартов и методик расчёта ущерба в нормативных актах, централизовать методики судебных экспертиз в сфере энергетики и закрепить межведомственные алгоритмы взаимодействия правоохранительных органов и операторов инфраструктуры — это позволит снизить долю спорных инцидентов при квалификации по ст. 165, 215.3 и 217.1 УК РФ и обеспечит более предсказуемую и обоснованную практику привлечения к уголовной ответственности.

Заключение

Проанализировав нормативно-правовую базу, доктрину и практику расследования преступлений в сфере энергетики, можно констатировать, что существующая правовая конструкция представлена

фрагментарным комплексом отраслевых и уголовных норм, создающим коллизию квалификаций (в первую очередь между ст. 165 и ст. 158 УК РФ) и порождающим системные риски как чрезмерной криминализации хозяйственных споров, так и безнаказанности реальных посягательств. Исходя из этого, первоочередной задачей представляется устранение правовой неопределённости путём законодательного закрепления специального состава (например, формализованной ст. 165.1 УК РФ) или принятия исчерпывающего разъяснения Пленума ВС о разграничении случаев применения ст. 165 и ст. 158 с учётом способа доступа к энергоресурсу, характера общественного вреда и наличия корыстного умысла.

Литература

1. Энергетическое право: модели и тенденции развития : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Белгород, 24 ноября 2023 г. / под. ред. А.В. Габова (отв. ред.), Е.Е. Тонкова, Р.Н. Шалайкина, М.С. Лизиковой. – Белгород : ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2024. – С. 10-11.

2. Федеральный закон №256 ФЗ «О безопасности объектов ТЭК» / [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. — URL: <https://rg.ru/documents/2011/07/26/tek-dok.html> (дата обращения: 15.09.2025).

3. Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. N 442 "О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии" (с изменениями и дополнениями) / [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156905> (дата обращения: 15.09.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ: текст с изменениями и дополнениями: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. — Москва : Эксмо, 2024. — 350 с.

5. Трофимова А. А., Ширманов Е. В. Уголовно-правовая квалификация незаконного подключения к электросетям и использования электроэнергии // Вестник науки. 2024. № 12 (81). – С.335-343.

6. Гончаров Д.Ю., Чернышев Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации бытового хищения электроэнергии путем ее потребления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. – С.138-143.

7. Минченков В.И. К вопросу о введении уголовной ответственности за незаконное использование электроэнергии // Евразийская адвокатура. 2024. № 3 (68). – С. 100-203.

8. Дело № 1-52/2017 (приговор Шумихинского районного суда Курганской обл., 29.09.2017) / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wR7z1VWIAH6C/> (дата обращения: 15.09.2025).

9. Приговор Устьянского районного суда Архангельской области от 03.07.2024 по делу № 1-31/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное постановление Дзержинского районного суда города Новосибирска от 24.01.2024 по делу № 10-2/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 01.07.2025 по делу № 22-1041/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Шестак В.А., Тимофеева В.В. Имущество как предмет преступления в России и зарубежных странах // Мировой судья. 2021. № 4. С. 22-28.

Problems in the application of criminal law in the energy sector
Klyuev V.V., Kharchenko D.V.

Russian Transport University, SBEI School # 1502 "Energy"

The article analyzes the criminal law and criminological problems of electricity circulation as a socially significant and vulnerable resource: it identifies regulatory fragmentation and conflicts in the classification of unaccounted consumption and unauthorized connections (in particular, disputes about the relationship between Article 165 and Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), evidentiary difficulties in establishing the volume of stolen energy and the causal relationship, as well as institutional barriers in the interaction of law enforcement agencies, regulators and resource supplying organizations. The methodological basis of the study is a formal legal, comparative legal, forensic, and content analysis of practice, which allowed to propose a set of measures: legislative clarification of qualifications (including the possibility of a special norm), unification of methods for calculating damages and standardization of forensic and economic examinations, the creation of interdepartmental investigative mechanisms and preventive technical solutions (protected meters, distributed registries) aimed at increasing the predictability of law enforcement and evidentiary stability in the investigation of crimes in the electric power industry.

Keywords: energy, criminal law, energy law in the electric power industry, criminal offense in the energy sector

References

1. Energy Law: Development Models and Trends: Collection of Materials from the V International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 24, 2023 / ed. by A.V. Gabov (responsible editor), E.E. Tonkov, R.N. Shalaykin, M.S. Lizikova. – Belgorod: CPP ID "BelSU" National Research University "BelSU", 2024. – Pp. 10-11.
2. Federal Law No. 256-FZ "On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities" / [Electronic resource] // Garant: [website]. - URL: <https://rg.ru/documents/2011/07/26/tek-dok.html> (date of access: 09/15/2025).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 4, 2012 No. 442 "On the Functioning of Retail Electricity Markets, Full and (or) Partial Restriction of Electricity Consumption" (with amendments and additions) / [Electronic resource] // Garant: [website]. - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156905> (date of access: 09/15/2025).
4. Criminal Code of the Russian Federation: Criminal Code of the Russian Federation: text with amendments and additions: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996]. - Moscow: Eksmo, 2024. - 350 p.
5. Trofimova A. A., Shirmanov E. V. Criminal-legal qualification of illegal connection to power grids and use of electricity // Bulletin of Science. 2024. No. 12 (81). – P. 335-343.
6. Goncharov D. Yu., Chernyshev D. B. Problems of criminal-legal qualification of household theft of electricity through its consumption // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. – P. 138-143.
7. Minchenkov V. I. On the issue of introducing criminal liability for the illegal use of electricity // Eurasian Advocacy. 2024. No. 3 (68). – P. 100-203.
8. Case No. 1-52/2017 (verdict of the Shumikhinsky District Court of the Kurgan Region, September 29, 2017) / [Electronic resource] // ConsultantPlus: [website]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wR7z1VWIAH6C/> (accessed: September 15, 2025).
9. Verdict of the Ustyansky District Court of the Arkhangelsk Region dated July 3, 2024 in case No. 1-31/2024 // SPS "ConsultantPlus".
10. Appellate ruling of the Dzerzhinsky District Court of Novosibirsk dated January 24, 2024 in case No. 10-2/2024 // SPS "ConsultantPlus".
11. Appellate ruling of the Tambov Regional Court dated July 1, 2025 in case No. 22-1041/2025 // SPS "ConsultantPlus".
12. Shestak V.A., Timofeeva V.V. Property as a subject of crime in Russia and foreign countries // Magistrate. 2021. No. 4. P. 22-28.

Гарантии соблюдения права на защиту при дистанционном участии в судебном разбирательстве по уголовным делам

Кудрина Екатерина Андреевна

магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
kudrina_ea@ya.ru

В статье рассматриваются проблемы обеспечения конституционного права на защиту в условиях активного внедрения технологий видеоконференцсвязи в уголовное судопроизводство. Автор анализирует современную практику и выявляет основные риски для реализации права на квалифицированную юридическую помощь при дистанционном участии в судебных заседаниях. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения конфиденциального общения подсудимого с защитником, влиянию технических сбоев на процессуальные права участников и проявлениям цифрового неравенства в судебном процессе. На основе анализа российского законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования дистанционного участия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: право на защиту, видеоконференцсвязь, веб-конференция, уголовный процесс, адвокатская тайна, конфиденциальное общение, технические сбои, цифровое неравенство, справедливое судебное разбирательство.

Активное внедрение цифровых технологий в российскую судебную систему, значительно ускорившееся в период пандемии COVID-19, поставило перед правоприменителями и научным сообществом принципиально новые вопросы о соотношении технологических возможностей и конституционных гарантий участников уголовного судопроизводства. Использование технологий видеоконференцсвязи (далее – ВКС) в судебных заседаниях по уголовным делам, с одной стороны, открывает широкие возможности для повышения доступности правосудия и процессуальной экономии, а с другой стороны, создает серьезные риски для реализации фундаментального права на защиту. В то же время, как справедливо подчеркивает Л.М. Масленникова, «цифровизация не является целью правосудия, а лишь способствует реализации прав участников уголовного процесса и обеспечению гарантий их государственной защиты» [1, с. 230].

Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве были заложены задолго до пандемийного периода. Еще в 2000 году Верховный Суд РФ провел первое разбирательство по уголовному делу с участием осужденных по видеоконференцсвязи [2]. Однако долгое время такие технологии использовались преимущественно для обеспечения участия лиц, содержащихся под стражей, в заседаниях апелляционной и кассационной инстанций. Как справедливо отмечает адвокат Алексей Гуров, «сложилась такая практика: вопрос об избрании меры пресечения или ее продлении решается при непосредственном участии стороны по делу, в то время как при апелляционном и кассационном обжаловании участие подсудимого обеспечивается посредством видео-конференц-связи» [3].

Принципиальные изменения в правовом регулировании произошли в 2022 году, когда были внесены поправки в УПК РФ, существенно расширившие возможности дистанционного участия в судебных заседаниях. Согласно новой редакции статьи 241.1 УПК РФ, подсудимый может участвовать в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи как по собственному ходатайству, так и по решению суда при наличии обстоятельств, препятствующих его личному присутствию [4]. Обязательным условием такого участия является наличие защитника и отсутствие рассмотрения дела с участием присяжных заседателей.

Однако практика применения этих нововведений выявила серьезные проблемы в обеспечении конституционного права на защиту. Центральной проблемой является обеспечение конфиденциального общения подсудимого с защитником в условиях тех-

нического разделения участников процесса. Верховный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал, что «право обвиняемого на общение со своим адвокатом без риска быть услышанным третьей стороной является одним из основных требований справедливого суда» [5]. При этом высшая судебная инстанция указывает, что «участие в судебном процессе путем использования видеосвязи само по себе не противоречит принципам объективности и публичности слушаний, однако и в таких случаях необходимо обеспечивать конфиденциальное общение фигуранта с защитником» [5].

Проблема обеспечения адвокатской тайны в условиях видеоконференцсвязи приобрела особую актуальность после утверждения ФСИН России правил проведения свиданий адвокатов с подзащитными посредством ВКС. Как справедливо отмечает член Комиссии АП Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов Владислав Лапинский, в этом документе «не предусмотрено абсолютно никаких гарантий соблюдения адвокатской тайны. А это значит, что пользоваться видеоконференцсвязью адвокатам можно только в самых крайних случаях и по поводам, не связанным с выяснением и обсуждением конкретной позиции по делу» [6].

Действительно, адвокатская тайна как правовой институт предполагает абсолютную конфиденциальность любых сведений, связанных с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю [7]. При этом, как отмечают практикующие адвокаты, «посещая СИЗО и колонии, любой адвокат исходит из того, что все переговоры с доверителем записываются на аудио или видео. Поэтому даже при личном общении в следственном кабинете чувствительные вопросы всегда обсуждаются вполголоса» [8]. В условиях видеоконференцсвязи обеспечение такой конфиденциальности становится практически невозможным.

Не менее серьезной проблемой являются технические сбои, которые могут существенно нарушить процессуальные права участников судопроизводства. Судебная практика знает множество примеров, когда технические неполадки приводили к нарушению принципа равенства сторон. Характерным является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ, в котором компания должна была участвовать в заседании арбитражного суда посредством видеоконференцсвязи, но «в назначенное время ее просто не подключили» [9]. Верховный Суд справедливо указал, что даже при техническом сбое суд должен был отложить рассмотрение дела, поскольку «несправедливо было бы возлагать риск технических неполадок на участников процесса, учитывая, что за организацию видеоконференцсвязи отвечает суд» [9]. Несмотря на то, что данное дело рассматривалось в порядке арбитражного судопроизводства, правовая позиция Верховного Суда видится абсолютно применимой и к уголовному процессу.

Проблема технических сбоев усугубляется неравномерным техническим оснащением судебной

системы. Несмотря на заявления о высокой оснащенности судов системами видеоконференцсвязи, на практике юристы часто сталкиваются с отказами в предоставлении такой возможности. Отказы мотивируются, например, «невозможностью проведения судебного заседания в данном помещении, в пределах рабочего времени с учетом территориальной удаленности участников процесса» [10].

Регламент организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции предусматривает процедуры реагирования на технические проблемы. Согласно этому документу, при обнаружении технических неполадок секретарь судебного заседания должен незамедлительно информировать об этом судью, а тот в свою очередь – лицо, ответственное за техническое обеспечение ВКС [11]. Однако такие процедуры не всегда позволяют оперативно устранить возникшие проблемы, что может привести к нарушению процессуальных сроков и прав участников судопроизводства.

Серьезной проблемой является также цифровое неравенство участников уголовного судопроизводства. Внедрение технологий видеоконференцсвязи предполагает наличие у всех участников процесса соответствующих технических возможностей и навыков их использования. Однако на практике доступ к качественной интернет-связи и современному оборудованию неравномерен, что создает дополнительные барьеры для реализации права на защиту. Особенно остро эта проблема стоит для социально незащищенных категорий граждан, которые не имеют возможности обеспечить себе качественную техническую поддержку для участия в дистанционных судебных заседаниях.

Дополнительным проявлением цифрового неравенства является отсутствие в уголовном судопроизводстве возможности использования веб-конференцсвязи, которая уже законодательно закреплена в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Как справедливо отмечает Е.Ю. Миронова, «отсутствие правовой регламентации веб-конференции, как способа осуществления процессуальных действий, ограничивает доступ людей к правосудию» [12, с. 36]. В отличие от традиционной видеоконференцсвязи, требующей присутствия участника в специально оборудованном помещении суда, веб-конференция позволяет участвовать в судебном заседании из любого места при наличии интернет-соединения и соответствующего технического оборудования.

Результаты социологического опроса, проведенного Е.Ю. Мироновой, свидетельствуют о высокой востребованности веб-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве: из 269 респондентов 63 человека (23,4%) ответили утвердительно на вопрос о потребности во внедрении веб-конференции, а 106 человек (39,4%) выбрали вариант «скорее да» [12, с. 38]. Таким образом, более 62% опрошенных поддерживают внедрение данной технологии в уголовное судопроизводство, что подтверждает актуальность данной проблемы.

Верховный Суд РФ тоже признает актуальность проблемы цифрового неравенства в контексте судопроизводства. В информации от 20 апреля 2020 года отмечается, что «основная проблема - передача данных по негарантированным каналам связи» [13]. Для решения этой проблемы предлагается использование биометрической аутентификации по лицу и голосу, а также предварительной идентификации участников через портал госуслуг. Однако такие меры не решают фундаментальной проблемы неравного доступа к технологиям.

Кроме того, потенциальное внедрение веб-конференцсвязи в уголовное судопроизводство не может осуществляться без учета специфики данной отрасли процессуального права. В отличие от традиционной видеоконференцсвязи, веб-конференция использует «незащищенные и негарантированные каналы связи», что создает дополнительные угрозы информационной безопасности. Это особенно критично в уголовном судопроизводстве, где утечка информации может повлечь серьезные последствия для участников процесса.

Кроме того, внедрение веб-конференцсвязи требует использования биометрической аутентификации участников, что создает дополнительные барьеры для реализации права на защиту. Разумеется, сегодня многие граждане не готовы предоставлять свои биометрические данные, а согласно действующему законодательству предоставление таких данных не может быть обязательным. Это создает риск того, что граждане, отказавшиеся от биометрической идентификации, могут быть лишены возможности дистанционного участия в судебных заседаниях.

Помимо цифрового неравенства важно указать и на проблемы качества связи, которые особенно остро проявляются при рассмотрении сложных уголовных дел, требующих тщательного исследования доказательств. Как указывает Е.В. Бурдина, низкое качество изображения и звука часто приводит к необходимости прерывать трансляцию [14, с. 53]. Подобные технические проблемы, разумеется, могут существенно повлиять на качество судебного разбирательства и создать дополнительные препятствия для реализации права на защиту.

Особую озабоченность вызывает влияние дистанционного формата на качество правовой помощи, оказываемой защитником. Исследователи отмечают, что использование видео-конференцсвязи не всегда позволяет лицам, участвующим в гражданском процессе, активно и эффективно излагать свою позицию, представлять доказательства по определенному делу [15]. В уголовном судопроизводстве эта проблема приобретает еще большую остроту, учитывая особую значимость личного контакта между защитником и подзащитным для выработки эффективной стратегии защиты.

Попытки законодательного решения выявленных проблем предпринимались неоднократно. Относительно недавно были внесены поправки, предусматривающие обязательное участие защитника при рассмотрении уголовного дела посредством ВКС и обеспечение ему возможности конфиденциального общения с подзащитным [16]. Однако, как

справедливо отмечают представители адвокатского сообщества, формулировка об «обстоятельствах, исключающих возможность личного участия подсудимого в судебном заседании» может быть истолкована слишком широко, вплоть до «технической невозможности доставки из следственного изолятора до здания суда» [16].

Анализ судебной практики показывает, что Верховный Суд РФ последовательно защищает права участников процесса при использовании видеоконференцсвязи. В частности, высшая судебная инстанция подтвердила право адвокатов на участие в судебных заседаниях посредством ВКС в период пандемии, указав, что тот факт, что защитники не прописаны в соответствующей статье УПК, не дает судам право отказывать в применении современных технологий [17]. Более того, Верховный Суд подчеркнул недопустимость замены защитников по соглашению на назначенных в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки.

Перспективные направления совершенствования правового регулирования должны учитывать необходимость баланса между технологическими возможностями и конституционными гарантиями. Представляется необходимым законодательное закрепление четких критериев определения обстоятельств, исключающих возможность личного участия подсудимого в судебном заседании. Такие критерии должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключить возможность злоупотреблений и обеспечить приоритет права на непосредственное участие в судебном разбирательстве.

Критически важным является решение вопроса о технических стандартах проведения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве. Необходимо установить обязательные требования к качеству связи, процедурам аутентификации участников и обеспечению конфиденциальности общения защитника с подзащитным. Особое внимание должно быть уделено разработке технических решений, гарантирующих невозможность несанкционированного доступа к конфиденциальной информации.

Важным направлением работы должно стать преодоление цифрового неравенства участников судопроизводства. Это требует не только технического переоснащения судебной системы, но и разработки механизмов обеспечения равного доступа всех участников процесса к качественным техническим средствам связи. Возможным решением могла бы стать организация специализированных центров видеоконференцсвязи в системе бесплатной юридической помощи.

Перспективным направлением развития является также законодательное регулирование веб-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве. Как отмечает О.А. Фарафонов, «законодатель не останавливается на тех нормативных положениях, касающихся применения ВКС, которые уже успешно работают на протяжении десятилетий. Область применения указанной технологии продолжает расширяться» [18, с. 112].

Однако отсутствие унифицированного подхода к внедрению цифровых технологий во всех формах

судопроизводства создает неравенство в доступе к правосудию. При этом внедрение веб-конференцсвязи в уголовное судопроизводство должно осуществляться с особой осторожностью, учитывая специфические риски данной отрасли процессуального права и необходимость обеспечения повышенных гарантий безопасности информации.

Таким образом, использование технологий видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве представляет собой объективную тенденцию цифровизации правосудия, которая открывает значительные возможности для повышения доступности и эффективности судебной защиты. Однако реализация этого потенциала требует тщательного учета рисков для конституционного права на защиту и разработки адекватных правовых и технических механизмов их минимизации. Ключевыми направлениями такой работы должны стать обеспечение конфиденциального общения защитника с подзащитным, минимизация влияния технических сбоев на процессуальные права участников и преодоление цифрового неравенства в доступе к правосудию. Особое внимание должно быть уделено вопросу законодательного регулирования веб-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве с учетом специфических требований к обеспечению безопасности и защиты прав участников процесса.

Литература

1. Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Об итогах научно-практической конференции «обеспечение доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий» // Актуальные проблемы российского права. 2021. №12 (133).
2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsr.ru/files/28862/> (дата обращения: 20.06.2025).
3. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 20.06.2025).
4. Системы видео-конференц-связи в судебных заседаниях УПК и ГПК [Электронный ресурс]. URL: <https://mts-link.ru/blog/vks-upk-sud/> (дата обращения: 20.06.2025).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2020 N 35-УД20-7 // СПС «Консультант-Плюс»
6. ФСИН утвердила правила проведения ВКС-свиданий адвокатов с подзащитными. Нарушит ли это адвокатскую тайну? [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo-zashite.org/analysis/fsin-utverdila-pravila-provedeniia-vks-svidanii-advokatov-s-podzashchitnymi-narushit-li-eto-advokatskuiu-tainu> (дата обращения: 20.06.2025).
7. Адвокатская тайна. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/advokatskaia-taina-d7e721> (дата обращения: 20.06.2025).
8. ФСИН утвердила правила проведения ВКС-свиданий адвокатов с подзащитными. Нарушит ли это адвокатскую тайну? [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo-zashite.org/analysis/fsin-utverdila-pravila-provedeniia-vks-svidanii-advokatov-s-podzashchitnymi-narushit-li-eto-advokatskuiu-tainu> (дата обращения: 20.06.2025).
9. ВС защитил участника процесса, которого подвела видеоконференцсвязь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/233211/> (дата обращения: 20.06.2025).
10. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 20.06.2025).
11. Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420346559> (дата обращения: 20.06.2025).
12. Миронова Е.Ю. К вопросу о перспективах и рисках применения веб-конференции в уголовном судопроизводстве // Научные труды Байкальского государственного университета. 2023. С. 147.
13. Информация Верховного Суда РФ от 20 апреля 2020 г. «Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73820796/> (дата обращения: 20.06.2025).
14. Бурдина Е.В. Электронное правосудие. М.: РГУП, 2021.
15. Проблемы участия в судебном заседании по гражданским делам путем использования системы видео-конференц-связи [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.siblu.ru/problemny-uchastiya-v-sudebnom-zasedanii-po-grazhdanskim-delam-putem-ispolzovaniya-sistemy-video> (дата обращения: 20.06.2025).
16. Предлагается расширить использование технологий удаленного участия в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predlagaetsya-rasshirit-ispolzovanie-tekhnologiy-udalennogo-uchastiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (дата обращения: 20.06.2025).
17. ВС подтвердил право адвокатов на участие в деле через видео-конференц-связь [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29211/ (дата обращения: 20.06.2025).
18. Фарафонова О.А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 245.

Guarantees for the Right to Defense during Remote Participation in Criminal Court Proceedings

Kudrina E.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article examines the challenges of ensuring the constitutional right to defense in the context of the active implementation of videoconferencing technologies in criminal proceedings. The author analyzes current practice and identifies the main risks to the exercise of the right to qualified legal assistance during remote participation in court hearings. Particular attention is paid to the challenges of ensuring confidential communication

between the defendant and the defense attorney, the impact of technical failures on the procedural rights of participants, and the manifestations of digital inequality in the judicial process. Based on an analysis of Russian legislation and judicial practice, proposals are formulated to improve the legal regulation of remote participation in criminal proceedings.

Keywords: right to defense, videoconferencing, web conference, criminal proceedings, attorney-client privilege, confidential communication, technical failures, digital divide, fair trial.

References

1. Maslennikova L. N., Sobenin A. A. On the Results of the Scientific and Practical Conference "Ensuring Access to Justice in Criminal Proceedings in the Context of Developing Digital Technologies" // Current Issues of Russian Law. 2021. No. 12 (133).
2. Web Conference at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.vsr.ru/files/28862/> (accessed: 20.06.2025).
3. Video Conferencing in Courts: How It Works and What Problems Arise [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (accessed: 20.06.2025).
4. Video Conferencing Systems in Court Hearings of the Criminal Procedure Code and the Civil Procedure Code [Electronic resource]. URL: <https://mts-link.ru/blog/vks-upk-sud/> (accessed: 20.06.2025).
5. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2020 No. 35-UD20-7 // SPS "ConsultantPlus"
6. The Federal Penitentiary Service approved the rules for conducting video conference meetings between lawyers and clients. Will this violate attorney-client privilege? [Electronic resource]. URL: <https://slovo-zashite.org/analysis/fsin-utverdila-pravila-provedeniia-vks-svidanii-advokatov-s-podzashchitnymi-narushit-li-eto-advokatskuiu-tainu> (accessed: 20.06.2025).
7. Attorney-client privilege. The Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/advokatskaia-taina-d7e721> (date accessed: June 20, 2025).
8. The Federal Penitentiary Service approved the rules for conducting videoconferencing meetings between lawyers and clients. Will this violate attorney-client privilege? [Electronic resource]. URL: <https://slovo-zashite.org/analysis/fsin-utverdila-pravila-provedeniia-vks-svidanii-advokatov-s-podzashchitnymi-narushit-li-eto-advokatskuiu-tainu> (date accessed: June 20, 2025).
9. The Supreme Court defended a participant in proceedings whose videoconferencing failed [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/story/233211/> (accessed: 20.06.2025).
10. Videoconferencing in Courts: How It Works and What Problems Arise [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (accessed: 20.06.2025).
11. On Approval of the Regulations for Organizing the Use of Videoconferencing in Federal Courts of General Jurisdiction [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420346559> (accessed: 20.06.2025).
12. Mironova E.Yu. On the Prospects and Risks of Using Web Conferencing in Criminal Proceedings // Scientific Works of Baikal State University. 2023. P. 147.
13. Information of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 20, 2020. "The Supreme Court of Russia is introducing a new type of judicial proceedings" [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73820796/> (date of access: June 20, 2025).
14. Burdina E.V. Electronic justice. Moscow: RGUP, 2021.
15. Problems of participation in a court hearing in civil cases using a video conferencing system [Electronic resource]. URL: <https://conf.siblu.ru/problemy-uchastiya-v-sudebnom-zasedanii-po-grazhdanskim-delam-putem-ispolzovaniya-sistemy-video> (date of access: June 20, 2025).
16. It is proposed to expand the use of remote participation technologies in criminal proceedings [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predlagaetsya-rasshirit-ispolzovanie-tehnologiy-udalennogo-uchastiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (date of access: 20.06.2025).
17. The Supreme Court confirmed the right of lawyers to participate in the case via videoconferencing [Electronic resource]. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29211/ (date of access: 20.06.2025).
18. Farafonova O.A. Videoconferencing in criminal proceedings of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 29, No. 3(90). P. 245.